

Алена Кручко

Осенний перелом

Менталисты и Тайная Канцелярия
Серия

Графу фор Цирренту, начальнику Тайной Канцелярии королевства Андар, текущих проблем хватает с головой: королю осталось недолго жить, и не всех устраивает официальный наследник, да еще маги недовольны попыткой короны ограничить их вековые права. А тут вдруг таинственный труп, не менее таинственная девушка из другого мира и куча внезапных неприятностей...

Алёна Кручко

Менталисты и Тайная Канцелярия

Глава 1, в которой Женя попадает не туда, встречает не тех и говорит не то, а начальник Тайной Канцелярии делает выводы из пачки кофе

Женя стояла у стены, вжавшись лопатками в пушистую тигриную шкуру, и смотрела, как наглый незнакомый мужик потрошит ее рюкзачок.

Мужик был неправильный. Аккуратный, лощеный даже, длинные черные с проседью волосы забраны в хвост, а шмотки — как из исторического сериала. Кружевной воротник, бархат, серебряное шитье. Восемнадцатый век какой-нибудь. Или семнадцатый, кто их разберет. И морда соответственная — узкая, жесткая, топор, а не морда. Алебарда. Сначала мужик пытался с Женей говорить, но она не поняла ни слова, а он, соответственно, не понял ее нервных «где я», «кто вы» и «какого черта».

Еще неправильным был вполне дневной свет из распахнутого настежь широкого окна. Женя точно знала, что сейчас вечер, примерно половина десятого. В девять она обнаружила, что кофе в банке осталось на доньшке, а утро без кофе — верный способ весь день проходить тухлым зомби. А начальство тухлых зомби не любит, начальство любит, чтобы работали, а не спали с открытыми глазами, делая ошибки в документации. Пришлось бежать в супермаркет.

Сбегала. Купила, называется, кофе.

Нет, кофе-то как раз купила... Женя чуть не взвыла, когда острый кончик кинжала осторожно вспорол краешек мягкой пачки. Варвар, кретин, идиот! Ладно, языковой барьер, но там же нарисовано, как открыть! Любой дурак безграмотный поймет!

Уставился в лицо, будто мысли прочитывать собрался, спросил что-то.

— Не понимаю, — безнадежно ответила Женя.

Мужик досадливо передернул плечами и зашарил в недрах рюкзака. А нету там ничего, злобно подумала Женя, вчера выгребла весь накопившийся хлам. Только носовой платок и леденцы от кашля. Мобилка в кармане, кошелек в кармане, ключи в кармане. Интересно, ее обыскивать он тоже собирает?

Острый, бодрящий запах кофе разнесся по комнате, напрочь убивая смутную надежду на то, что это просто сон. Рассыпал все-таки. Варвар. Женя ущипнула себя за запястье. Нет, точно не сон. Черт. Черт, черт, черт, только не паниковать! Паникой делу не поможешь.

На глаза навернулись слезы, Женя зло сморгнула. Не реветь надо, а понять, что произошло!

Значит, так. Супермаркет — все как всегда, ничего странного. Дорогу на обратном пути перешла нормально и через темный соседний двор тоже прошла нормально, никакие машины не сбивали, никакие хулиганы не привязывались, следовательно, сотрясение мозга и прочий предсмертный бред исключаем. Поздоровалась с тетей Зоей из соседнего подъезда, та еще спросила, чего это, мол, тебе, Женечка, на ночь глядя дома не сидится. Потом позвонил Олег, она сбросила звонок. Рассердилась. Потом закружилась голова. Тоже, в общем-то, ничего странного, от сильной злости бывает, а на Олега она до сих пор злится так, что удавила бы собственными руками. Даром что полгода как в разводе.

Закружилась голова... Она остановилась, вдохнула-выдохнула, в глазах потемнело, но обморока точно не было, просто потемнело в глазах... А потом голова резко прошла, вот

только вместо полутемного родного двора вокруг оказались сроду в окрестностях не росшие клены, ясный день, мужики какие-то, сутолока, гомон... Кто-то ее толкнул, кто-то схватил за руку, она вырвалась, шарахнулась, в кого-то врезалась, а потом... Воспоминания путались, слишком пестрые, суматошные, непонятные, немудрено принять за сон или бред. Потом одетый в черное хмырь взял ее под локоть, жестко — не вырвешься, вытащил из толпы, долго вел по улицам — она тогда решила, что все-таки сон, расслабилась и только головой вертела. Улицы мало того, что незнакомые, но еще и несовременные, да и вообще странные. Отчетливо помнились высокие кованые фонари, непривычно розоватый оттенок кирпича в стенах домов, проплывший совсем рядом с лицом серый лошадиный бок — Женя шарахнулась, спутник подхватил под руку, сказал что-то, но она не расслышала, потому что лошадь заржала.

А еще неровный булыжник под ногами, даже в кроссовках не сразу приспособилась идти. Издевательство, а не тротуар. На каком-то особо коварном булыжнике она споткнулась и почти упала. Снова спутник подхватил. Чуть руку не вывернул, между прочим. Тогда она и засомневалась, что это сон. Спросила:

— Вы куда меня ведете?

Он посмотрел ошалело и ускорил шаг — чуть руку не выдернул, между прочим, и Жене пришлось почти бежать. Потом свернул с улицы в узкий кривой переулок, заколотил в некрашеную деревянную дверь — колоритненькая дверь такая, окованные темным металлом толстенные брусья. Потом была лестница с непривычно высокими каменными ступеньками, куцый коридор или длинная прихожая, не понять, а потом эта комната. Блестящий паркетный пол, обшитый багряным бархатом диван с вычурной спинкой, тигриная шкура на стене, ослепительно сверкающая люстра, вся в хрустальных висюльках, на голову прилетит — мало не покажется. Явно старинная, тускло блестящая резная мебель — стол, шкаф, бюро. И мужик в опять же явно старинных шмотках, смотревший на нее, как... неприятно, в общем, смотревший. Так неприятно, что у Жени и вопросы, и возмущения как заморозились на губах.

Хмырь, который притащил ее сюда, возбужденно тараторил на непонятном языке, мужик переспрашивал, тот отвечал. Потом ушел. А этот топор в историческом прикиде сначала попытался объяснить с Женей, а потом принялся за ее вещи. Очевидно, в поисках разгадки. Во всяком случае, если бы на Женю вдруг свалился неизвестно кто в странной одежде и ни слова не понимающий, она бы, наверное, тоже с вещей начала.

Хотя умней было бы начать с переводчика!

Ну и что прикажете делать? Граф Варрен фор Циррент, начальник Тайной Канцелярии королевства Андар, уставился на прижавшегося к стене парня, как будто от чересчур пристального взгляда оный парень мог мирно растаять в воздухе. Нет, разумеется, граф фор Циррент не надеялся, что три праздничных дня пройдут спокойно, где вы видали праздники без неприятностей, но уж такого подарочка он точно не ждал.

Сопляк в непотребной одежде, ни слова не понимающий, растерянный. Дворянская аккуратная прическа — недлинные волосы собраны в хвост, как носят штатские; кольцо на пальце — простой золотой ободок без камня и без печатки, безземельный младший сын. Руки чистые, ногти аккуратные, не простолюдин точно. Но чтобы дворянин напялил на себя... такое?! Узкие длинные штаны из грубой черной ткани, матово блестящее черное нечто вместо камзола, короткое, едва середину бедер прикрывает, зато бесформенное настолько, что не видно ни плеч, ни талии. Уродство. И никакой отделки, никаких

украшений или амулетов. Единственное яркое пятно — золотистый шейный платок. Впрочем, одежда худо-бедно объяснима: мир велик, а ветер удачи непредсказуем. Однако парень совсем еще молод и, похоже, не забыл, как должен выглядеть юноша из приличного рода. Значит, странствовал не так уж долго. Но почему тогда изъясняется на варварском наречии и не понимает ни андарского, ни тириесского?

Сын какого-нибудь колониального чиновника, только приехавший в метрополию? Но как можно знать варварское наречие и не понимать родного языка? Он не полукровка, вполне андарское лицо.

А может, маги начудили? Парня угораздило забрести в Чародейный сад как раз под финал осеннего Перелома, когда господа волшебники, чтоб им на том свете так же радостно жилось, упились, возвеселились и всю использовали праздничную отмену ограничительного эдикта. Кто их знает, что там с пьяных глаз наколдовать могли. Спасибо, у лейтенанта Тибериша хватило ума выцепить парня из толпы чароплетов и тепленьким поставить перед начальственными очами. Хотя почему он попросту не отпустил парня с миром, Тибериш объяснить не смог. «Показалось, что так надо», — и все. Правильно, конечно, показалось, чуть у лейтенанта есть и даже иногда работает.

Граф фор Циррент оперся ладонями о стол, чуть наклонившись вперед, и принялся разглядывать мальчишку с той бесцеремонностью, от которой у обычных гостей его кабинета на удивление быстро сдавали нервы и развязывались языки. Парень ответил ошалелым непонимающим взглядом и что-то спросил. М-да... хорошо, если под случайную шутку угодил, тогда через час-полтора все пройдет, а ну как нет?

Ладно, разберемся. Не пройдет, возьмем за шкурку верхушку гильдии магов, и пусть расколдовывают. Коллегиально.

Итак, что мы имеем. Молодой человек лет, пожалуй, шестнадцати-семнадцати, слегка волнистые каштановые волосы, карие с зеленью глаза, довольно милостивый, а с этим растерянно-недоуменным выражением лица просто готовая добыча какого-нибудь старого развратника. Кстати, проверить, кто был в Чародейном саду и не могли ли парнишку затащить туда с неблагоприятными целями. В этом случае имеем не случайную шутку, а намеренное причинение вреда, парень явно дезориентирован, не уведи его Тибериш, так же просто увел бы кто угодно.

Без оружия. Тоже подозрительно.

Вот еще странность, дорожный мешок чистый, почти новый, нет следов неизбежного в дороге мелкого ремонта. Да и маленький слишком. Такой сопливому мальчишке подошел бы, а не взрослому парню. И пустой, только шуршит что-то. Что-то легкое, почти невесомое.

Граф фор Циррент развязал мешок и достал... нечто странное. Небольшой пакет. Плотный, гладкий, слегка шуршащий в руках. Черный фон, незнакомые белые и разноцветные символы... буквы чужого языка, знаки шифра, магическая тайнопись? За свою не слишком короткую и далеко не бедную на впечатления жизнь фор Циррент не видел ничего даже отдаленно похожего.

Повертев диковинный пакет в руках, начальник Тайной Канцелярии достал кинжал и осторожно взрезал самый краешек. Парень дернулся, в глазах вспыхнула злость. Та-ак. Дело перестает быть невинным. Яд? Или, того хуже, запрещенные магические ингредиенты? Будь оно безобидным, с чего так дергаться?

— Что у тебя здесь? — вряд ли к парню уже вернулось понимание, но вдруг.

Пробормотал в ответ что-то непонятное. Странно — голос тоскливый, а смотрит, будто

в глотку вцепиться готов. Куда делся вид невинной овечки. А запашок из надрезанного пакета весьма силен. Яд с таким запахом бесполезен, значит, и правда что-то магическое. Ингредиент? Или готовое зелье? Граф пожал плечами и вернулся к осмотру мешка.

Платок, клетчатый, тонкий, без меток. Чистый, не новый.

Та-ак, а это еще что?

Снова непонятное и никогда не виданное. Пластинка с ладонь размером, опять же непонятно из чего сделанная, опять же незнакомые символы, и опять же неизвестное содержимое. Что-то вроде пилюль, но впечатаны в эту пластинку намертво, ни вода, ни воздух не доберутся. Точно, магическая дрянь. Значит, не случайно парня на праздник занесло. Пострадать мог случайно, а вот пришел туда, скорей всего, чтобы с кем-то незаметно встретиться.

Впрочем, не исключен вариант, что неизвестный «кто-то» попытался замести следы. Воздействие на разум — штука тонкая, постороннего магического фона не терпит, вот и шарахнуло парня... Не повезло — а не лезь в игры с законом! Сопляк.

Тибериш заслужил поощрение. Чутье у лейтенанта и впрямь работает, а того лучше, что не боится озадачить высокое начальство, минуя промежуточные инстанции. Далек пойдет.

А мальчишку надо колоть. Безжалостно. Прямо сейчас, пока не опомнился. Подавив острый всплеск недовольства жизнью — не так Варрен фор Циррент надеялся провести сегодняшний вечер! — начальник Тайной Канцелярии отпер нижний ящик стола и достал волшебную палочку.

Нет, граф Варрен фор Циррент не был магом. Но, имея дело с тайнами высочайшего уровня, не всегда можно пригласить постороннего на беседу со свидетелем или подозреваемым. И уж тем более нельзя полагаться на переводчиков, понимание должно быть полное, причем с обеих сторон. Поэтому в запертом ящике стола, наряду с несколькими полезными в работе артефактами, лежал заряженный переводческим заклинанием чаронакопитель — самого простого типа, того, что господа маги слегка презрительно называют «волшебная палочка». Как раз на днях вызывал мага подзарядить, очень удачно. Граф ткнул палочкой в сторону совсем ошалевшего мальчишки и спросил:

— Ну что, юноша, поговорим?

Вместо ответа мальчишка схватился за голову и сполз по стенке киселем.

Глава 2, в которой граф фор Циррент преодолевает языковой барьер, а доктор Заккендаль указывает начальству на ошибку

Лошади на улицах. Средневековые шмотки. И, ко всему прочему, какие-то странные штуки — то ли жезл, то ли рукоять от плетки, то ли дурацкая волшебная палочка. Если, конечно, это не мегабластер какой-нибудь, но для бластеров антураж не тот. В сказку попала, ехидно подумала Женя, с трудом удерживая нервный смех.

Наверное, не удержала бы, но тут исторически разодетый хмырь ткнул этой самой бластеропалочкой в ее сторону и спросил что-то явно угрожающее. В голове словно бомба взорвалась, ноги стали ватными, и Женя тихо съехала по стеночке вниз. Сквозь рвущую мозги боль пробилась мысль: все-таки бластер. Бластер-шмастер, в общем, явное оружие. Нервно-болевого действия. В сказку, не в сказку, а попала — это точно.

«Чертово мироздание, что я тебе плохого сделала?! За что?!»

Из глаз текли слезы, Женя скрючилась в комок и прикусила костяшки пальцев. Прогнать боль болью, иногда такое получается. Чертов хмырь с бластером вдруг оказался рядом, схватил за руки и заговорил настойчиво и проникновенно. Если это допрос, наверняка требует что-то там сказать, если, мол, не хочешь еще получить. Гос-споди, что за тупость, неужели не видно, что она ни бельмеса не понимает?!

— Отстаньте от меня, — простонала Женя, — ну не понимаю я вас, не-по-ни-ма-ю-ю-у... Черт, черт, черт, больно же... ну что вы за сволочи...

Чертов хмырь снова что-то сказал, аккуратно взял Женю за подбородок, заставляя поднять голову. Перед глазами плыло, но все же Женя увидела, как мужик пожал плечами и направил свой бластер в собственную башку. Совсем псих, что ли?..

Мальчишка скрючился на полу, прикусив костяшки пальцев. Слезы проложили мокрые дорожки на щеках, стекали по гладкому, не знавшему бритвы подбородку, капали на то непотребство, которое служило парню верхней одеждой, и текли дальше. Непотребство было, похоже, непромокаемым.

На вопросы графа фор Циррента парень бормотал все ту же невнятицу, причем настолько жалобно, что графу на мгновение стало стыдно. Очевидно, эффект наложения чар... Значит, бедолагу лучше не трогать самое малое до утра, а то не угадаешь с очередным заклятием, и получай в лучшем случае слюнявого идиота, а в худшем свеженький труп.

Ждать до утра граф решительно не хотел. Не будь при мальчишке неизвестных зелий, начальник Тайной Канцелярии позвал бы к нему медика и отложил разбирательство на завтра. Но если парень идет не потерпевшим, а подозреваемым... нет уж, давить сопляка, пока размяк.

Ладно, не вышло прямо, пойдем в обход. Граф фор Циррент пожал плечами и направил палочку на себя. В конце концов, это может оказаться небезынтересным.

Заклинание прошлось по мозгам горячими иглами, всколыхнуло мутную волну тошноты. Граф поморщился: неприятные чары, не удивительно, что мальчишке от них совсем худо стало. Впрочем, человеку в нормальном состоянии хватит нескольких минут, чтобы переждать пик воздействия. Облокотиться о стол, глубокий вздох... жаль, нельзя посидеть немного с закрытыми глазами, ну да ничего. Дурнота отхлынула, оставив ноющую

тяжесть в голове и легкую сонливость. Граф с тоской поглядел в окно: сна ему до конца праздника в любом случае не видать, как собственного затылка. И дай-то бог, чтобы остаток дня, вечер, ночь и похмельное утро не принесли еще с десятков сюрпризов один другого краше.

Что ж, займемся делом, попытка номер два. Сидеть на полу необязательно, расположимся с хотя бы относительным комфортом. Подхватить мальчишку под локти, вздернуть на ноги, отволочить к стулу... та-ак, отлично, вцепился в край стола, аж пальцы побелели, значит, упасть не упадет. Вполне подходящий баланс между беспомощностью, растерянностью и самоконтролем. Сейчас мы его...

Первый вопрос на чужом языке дался с трудом и наверняка несколько отличался от привычной начальнику Тайной Канцелярии формулы «имя, место жительства, род занятий». Ну да ничего, разгонимся...

— Ты кто?

Мальчишка моргнул, открыл рот, шумно вздохнул. На лице нарисовалось удивление пополам с облегчением. Кажется, понимает.

— А вы кто? И, — обвел кабинет затравленным взглядом, — где я?

— Тайная Канцелярия Андара, граф фор Циррент. Как ты себя чувствуешь?

— Голова болит, — теперь мальчишка посмотрел с явственным возмущением. Потер виски, добавил обвиняюще: — Сильно.

— Тем не менее, как мы оба только что убедились, понимать вопросы и отвечать на них ты в состоянии, — с удовольствием сообщил граф. Чужой язык наконец уложился в голове, пусть еще не идеально, но вполне достаточно для беседы. — Этим мы сейчас и займемся. Имя, место жительства, род занятий?

Мальчишка хлопнул глазами. Сглотнул. И спросил с великолепной дерзостью:

— На каком основании?

Кажется, подумала Женя, этот граф фон-как-его-там малость обалдел. Или не малость. Глупо, конечно, и опасно наезжать на хмыря, который тебя допрашивает, особенно если оный хмырь — лицо явно официальное и немаленького ранга. Но тут уж одно из двух. Или это сон, бред, галлюцинации, и тогда плевать. Или реальность, и тогда... Тогда терять нечего, или сразу качать права, наплевав на вероятные последствия, или опустят тебя ниже плинтуса и никаких прав уже не дождешься. Так, по крайней мере, сразу станет ясно, чего ждать. Если принять за данность, что она невесть как оказалась в другом мире... ну не сказка же это, в самом-то деле, и не романчик в стиле фэнтези, где к пришельцам относятся так, что любая VIP-персона обзавидуется. Взамен, правда, обычно требуя не меньше, чем спасти мир.

— Я непонятно выразился? — спросил фон-как-его-там. — Тайная Канцелярия.

— И что? — Интересно, это у них полиция или что посерьезнее? Хорошо хоть голова не так раскалывается, еще болит, но уже можно терпеть без слез. — Я понимаю, Тайная Канцелярия это наверняка очень серьезно, но при чем тут я? На каком основании вы меня сюда притащили? По какому праву распотрошили мои вещи? С какой радости мне тут сидеть и отвечать на ваши вопросы, вместо того чтобы спокойно вернуться домой и лечь спать? Вам вообще не кажется, что вот так ни с того ни с сего посреди улицы похитить ничего не подозревающего человека, утащить черт знает куда, а потом еще и требовать чего-то, это перебор?

— Да вы разбираетесь в законах, — с насмешливым восхищением протянул как-его-

там. — Прекрасно. Отрадно видеть в молодежи уважение к соблюдению законности. И все же, юноша, позвольте заметить, что в этом кабинете вопросы обычно задаю я.

Дальше было еще что-то о разнице между потерпевшим, свидетелем и подследственным и о том, куда следует отнести человека, на первый взгляд явно пострадавшего, но на второй — весьма и весьма подозрительного. И как важно для такого человека добровольное сотрудничество со следствием. И что-то еще, чего Женя уже толком не услышала, потому что голову снова прихватило, хотя на этот раз въедливый мужик ничего вроде не колдовал. Соображать было тяжело, хотелось лечь, закрыть глаза и заснуть, и проснуться дома. Желательно в субботу днем, потому что на работу в таком состоянии идти — это уж точно перебор.

Размеренный голос исторического хмыря слился в ровный гул, напоминающий не то далекий морской прибой, не то шум машин за окном. Женя закрыла глаза, шум отдалился, в него вплелся ровный тихий звон, а потом по ушам ударило тяжелой ватой, и все закончилось.

Наглости парню хватило ненадолго. Впрочем, граф фор Циррент быстро понял, что не его впечатляющая речь тому причиной. Бедолаге снова поплохело: глаза из внимательно-злых вдруг стали осовелыми, потом вовсе утратили осмысленное выражение, и мальчишка попросту вырубился.

Вот и дави такого, зло подумал граф, дергая шнур звонка. Рывкнул заглянувшему охраннику:

— Медика!

Мальчишка лежал головой на скрещенных руках и со стороны казался мирно спящим. Может, студент? Привычка выключаться за столом, сохраняя устойчивость... опять же странная одежда, университетских шалопаев заршем не пои, только дай поэпатировать публику.

Рассуждения прервал ворвавшийся в кабинет дежурный медик Заккендаль, шустрый, раздражающе улыбчивый, но весьма компетентный.

— Приветствую, господин граф, — наметанный взгляд медика остановился на мальчишке, уголки пухлых губ сочувственно дернулись: — Я вижу, праздничная специфика не обошла и вас. Протрезвить?

Отрезвлять Заккендаль не любил, и граф фор Циррент прекрасно его понимал. Неэстетичное зрелище. Поэтому прежде всего успокоил медика:

— Он не пьян. Тут, похоже, маги побаловались.

Несколькими короткими фразами ввел в курс дела, мельком досадливо подумав: жаль, что сегодня дежурит не Тильдиш, тот предан начальнику лично, а этот, хоть и давал подписку о неразглашении, поди угадай, кому и зачем проболтаться может. До сих пор, правда, в болтовне не замечен, но тут случай странный...

Заккендаль тем временем пощупал пациенту пульс, приподнял, подхватив под мышки:

— Господин граф, прошу вас... давайте перенесем пострадавшего на диван.

Подавив вздох, граф фор Циррент подхватил мальчишку под коленки.

— Легкий, — пробормотал Заккендаль, — как бы там еще и истощение не оказалось. Между прочим, как, вы полагаете, расстегивается эта странная одежда? Юноше нужно растереть грудь, и приток воздуха...

— Разрежем, — буркнул граф. Обувь на мальчишке оказалась такая же несуразная, как все остальное, и вдобавок — грязная. Засохшая рыжеватая глина не имела ничего общего ни

с черноземом Чародейного сада, ни с жирным илом берега Альетары, ни с бурой землей пригородов.

Доктор подергал крохотный металлический язычок там, где по всей логике должна была располагаться застежка. Язычок дернулся и поехал.

— Потрясающе! — воскликнул Заккендаль. — В жизни не видел ничего подобного!

— Я тоже, — признался граф. — Крайне интересный молодой человек.

Доктор дотянул язычок до низа несуразной одежды, развел полы в стороны, хмыкнул:

— В одном вы, господин граф, ошибаетесь. Этот, хм, молодой человек, извольте поглядеть, девица.

И правда, оказавшаяся под верхней одеждой столь же непристойная нижняя обтягивала худенькую фигурку, ничуть не скрывая небольшую, но очевидно девичью грудь. А узкие штаны не оставляли сомнений, что под ними скрывается ни в коей мере не мужская анатомия.

Только присутствие подчиненного, да еще и низкого сословия, удержало фор Циррента от грязной божбы, достойной пьяного деревенского сброда или одичавшей в море матросни. Этого ему только не хватало для полноты праздника. Девица! Одна, без сопровождающих, в неподобающей одежде, но с дворянским кольцом! С неизвестными, предположительно магическими зельями в пустом дорожном мешке и с повреждением памяти магического же характера. Дай-то бог, чтобы в итоге всплыла банальная девичья дурь, а не грязная уголовщина.

При мысли об уголовщине графу припомнилось шумное дело, ознаменовавшее первый год его работы в Тайной Канцелярии: нечистые на руку маги, столичные сутенеры, мерзавец с корсарским патентом и похищение полутора десятков девиц на ритуальные нужды колониальных шаманов. А потом, по вполне понятной ассоциации, стукнул в голову замшелый, но до сих пор доставляющий изрядно хлопот обычай жертвоприношений на праздники Переломов года. За человеческие жертвы пять веков как смертная казнь, а нет-нет да взбредет какому-нибудь магистру магических наук дурная идея проверить древние рецепты. Просвещенный век, разэдак его! А лучшая жертва, согласно все тем же замшелым рецептам, — юная девственница.

Заккендаль, похоже, подумал о том же. Переспросил:

— Говорите, в Чародейном саду?..

А графу, для полноты картины, вспомнилось из запальчивой речи девицы принятое поначалу на счет Тибериша и потому пропущенное мимо ушей «похитить посреди улицы».

— Ну я ж до них доберусь. Всякий страх потеряли.

Когда начальник Тайной Канцелярии начинал говорить таким свистящим полушепотом, страх обычно накрывал даже тех, кому бояться было нечего. Но, увы, зарвавшиеся волшебники еще не знали, что им пришла пора сушить сухари и думать о вечном.

— Что с девушкой, доктор?

— К счастью, ничего особо страшного, — Заккендаль осторожными движениями прямо сквозь одежду растирал какие-то одному ему ведомые участки на теле девушки. — Общая слабость, наверняка испуг...

— Для испуганной девицы вела она себя весьма нахально.

— Что ж, это делает ей честь. Учитывая магическое влияние на сознание, я рекомендую отдых, легкий ужин без вина, сон и только потом беседу.

— Ей нужно ваше наблюдение?

— Полагаю, нет. Однако перевозить ее сейчас и вообще всячески тревожить категорически не рекомендую. Минимум перемещений, желателен полный покой.

— Я и не собирался, — уверил фор Циррент. — Отдохнет здесь.

Он хотел еще спросить, собирается ли доктор приводить пациентку в чувство, но тут девушка очнулась.

Глава 3, в которой Женю угощают ужином, рассказывают сказки и укладывают спать

Над головой звучали голоса — один уютно мягкий, а второй — рассерженный, злой и колючий. Кажется, говорили о ней, но от попытки прислушаться закололо в висках и закружилась голова. Поэтому вслушиваться Женя не стала, а открыла глаза.

Давешний граф как-его-там возвышался в монументальной позе, скрестив руки на груди, и жесткое выражение на его узком лице явно не сулило ничего хорошего. Впрочем, глядел он не то чтобы на Женю, а как-то рассеянно, будто думал совсем не о ней. Может, просто женских обмороков боится, хмыкнула про себя Женя. Вон, даже уложить сподобился и врача позвать. Если, конечно, этот толстячок в черном — врач, а не какой-нибудь помощник следователя.

Лежать без подушки было неудобно, и Женя приподнялась.

— Лежите-лежите, — толстячок придержал ее за плечи. — Как вы себя чувствуете? Голова болит? Кружится? Слабость?

Точно, врач.

— Низко, — объяснила Женя. Ухватила за толстячка-доктора, села, стащила куртку. Свернула, пристроила под голову: — Так лучше.

Хотя нормальная подушка была бы, конечно, еще лучше.

— Хорошо. Вы пока не должны вставать.

Вставать и не хотелось. Женя ощущала себя непривычно слабой, даже злость куда-то делась: похоже, злиться просто не оставалось сил. Доктор пощупал ей лоб, заглянул в глаза, придержав веки пальцами, положил ладони на виски. Ладони у него были мягкими и приятно прохладными.

— Вы врач? — глупый, конечно, вопрос, но для знакомства сгодится.

— Что, простите? — толстячок растерянно моргнул.

— Вы доктор? — повторила Женя.

— Занятно, — заметил из-за спины доктора хмурый граф, — заклятие все-таки подействовало, но девушка еще путает языки.

— Доктор Заккендаль, к вашим услугам, милая барышня, — толстячок, не вставая, изобразил легкий поклон, и Женя невольно улыбнулась. Располагающий дядька. Наверное, это у него профессиональное.

— Очень приятно. Доктор, вы можете объяснить, что со мной произошло?

— Хороший вопрос, — буркнул граф. — Все мы хотели бы узнать ответ.

— Не сейчас, — мягко сказал доктор. — Серьезные разговоры подождут.

— Ладно, — вздохнула Женя, — ну а со мной что? Я вообще-то к обморокам не склонна.

Доктор, кажется, встревожился.

— Вы не помните, что было с вами до обморока? Совсем?

Женя потерла лоб. Поглядела на графа:

— Вы... — черт, как же его зовут-то? Не обращаться же, в самом деле, фон-как-вас-там? — Извините, я не помню, как вас называть. Вы что-то сделали, и у меня в голове как взорвалось. Вы всех так допрашиваете, или мне особенно повезло?

— Приношу извинения, — буркнул граф. — Это было переводческое заклинание. С его

помощью вы сможете быстро начать говорить на нашем языке, а я на вашем. Очевидно, оно не слишком хорошо сочетается с той магией, которой вы успели нахвататься в Чародейном саду. Скажите, вы помните, как и зачем там оказались?

— Где?..

Никакого «чародейного сада» Женя уж точно не помнила, равно как и никакой магии, которой она якобы нахваталась.

Граф досадливо сморщился.

— Не помните. Так я и знал. Ах да, вы спрашивали, как меня называть. Граф фор Циррент. Позвольте в ответ узнать ваше имя, барышня.

— Женя...

Женя запнулась, размышляя, так ли уж нужна графу ее фамилия, и в паузу тут же встрял доктор:

— Граф, я напоминаю, все разговоры — утром. Барышне необходимы отдых, еда и сон.

— Я могу рассказать, что помню, мне не трудно, — Женя все-таки села, просто чтобы отогнать навалившийся сон. — Голова уже почти не болит, только спать хочется. Но вообще-то я бы и от парочки бутербродов не отказалась.

— Я распоряджусь об ужине, — сказал граф. — Доктор, что вы посоветуете вашей пациентке для поднятия сил?

Женя закрыла глаза. Негромкие голоса отдалились, она вдруг поняла, что невероятно устала, и что время — правильное время — должно быть, уже к утру. Скоро на работу. Интересно, ее будут искать? Хотя, что за глупый вопрос, конечно, будут. А она тут... непонятно где! Вот уж весело.

Женя вытерла слезы рукавом свитера. Может, все еще выяснится и наладится. Этот граф тут явно что-то вроде начальника полиции, если даже не круче, и он не похож на человека, не получающего ответов на свои вопросы. И раз уж он не меньше самой Жени хочет узнать, что произошло...

Граф фор Циррент привык получать ответы на все свои вопросы. Привык он и к тому, что иногда ему врут, причем врут нагло, неправдоподобно, как будто держат начальника Тайной Канцелярии за деревенского дурачка.

То, что рассказывала за ужином барышня Женя, на правду походило не больше, чем сама она — на благовоспитанную девицу из приличной семьи. Другой мир! Причем не какой-нибудь потусторонний, за завесой которого, как говорят маги, вечно стоит в зените полная луна, мертвые встречаются с живыми, а источники чародейной энергии бьют на каждом шагу. Обычный мир, где светит солнце, живут люди, но о магии знают только из сказок, зато повозки ездят без лошадей и летают в небе безо всякого волшебства. И приличные барышни свободно ходят без сопровождающих, в мужской одежде, и даже учатся и работают, как мужчины! Бредни, чушь, глупые фантазии!

Тем не менее искушенный в распознавании лжи граф был уверен: девушка говорит чистую правду. Потому что, при всех странностях и несуразностях, рассказ ее объяснял все. Непотребный внешний вид и отнюдь не развязные, вполне пристойные манеры, чужой язык, непонятные вещи, даже явное незнакомство с андарской кухней: барышня умудрилась потянуть в рот ломтик острого горского сыра, не озаботившись необходимостью запить, и потом долго кашляла, вытирая льющиеся градом слезы, и ругалась, почему-то с явным восторгом.

А что правда ее звучит чуднее иных пьяных бредней — ну так мало ли странного

происходит на свете, тем более в Перелом, да еще когда маги в дело замешаны.

— Хочу отметить, — медленно сказал граф, — вы удивительно хорошо держитесь для юной девушки, неожиданно вырванной из родного мира и оказавшейся без всякой поддержки среди чужих людей.

Барышня чуть заметно приподняла брови:

— А что, хорошая истерика мне поможет? Я окажусь дома, стоит лишь порыдать как следует?

— Стойкая нервная организация, — вполголоса заметил Заккендаль.

— Я хочу домой, — девушка положила обратно на тарелку вилку с кусочком мяса. — Чужой волшебный мир — это, знаете, хорошо для сказок, но не для твоей собственной жизни. Но сейчас я должна исходить из реальности, а не из своих желаний.

Граф поймал себя на невольной симпатии: девица вдруг напомнила ему любимую сестру. Лециния отличалась весьма похожим образом мыслей. Жаль, познакомить их не получится: Цинни третий год блистает в Тириссе, с тех пор как ее супруг решил подвизаться по дипломатической линии.

— И как же вы видите реальность, милая барышня?

— Реальность... — милая барышня вертела в тонких пальцах кусочек хлеба, как будто не знала, что с ним делать. — Если честно, я все еще надеюсь проснуться.

На несколько минут за столом повисло неловкое молчание.

— Расскажите что-нибудь о вашем мире, — попросила девушка. — Что-нибудь интересное. Знаете, вдруг я все-таки и правда проснусь, чтобы было что вспомнить...

— Когда вы проснетесь, — граф подавил сочувственный вздох, — я расскажу вам то, что необходимо знать, если уж вам придется здесь задержаться. Пока же, если желаете, в качестве застольной беседы... — задумавшись на несколько мгновений, он улыбнулся пришедшему воспоминанию: — Да вот хоть о магах. История поучительная и некоторым образом забавная, а вам будет в новинку, раз в вашем мире нет волшебства.

История и в самом деле была поучительной, хотя юная неискушенная девушка вряд ли могла счесть ее забавной. Но об этом граф подумал, уже начав рассказывать, а подумав, решил: ничего. Извиниться за неподобающий рассказ язык не отвалится, а вот поглядеть на ее реакцию интересно.

— Для начала, пожалуй, нужно объяснить, откуда вообще берется магия...

Барышня заинтересованно подалась вперед, спросила:

— А она берется? Я думала, просто есть...

— Ну что вы, — усмехнулся наивному вопросу граф, — все в этом мире откуда-то берется, да и в вашем, я полагаю, тоже. Магию, объясняя ее обращение в мире, обычно сравнивают с водой. Мельчайшие ее частицы собираются вместе, конденсируются, выпадают дождем или бьют источником, источники появляются и иссякают. Неверная, непредсказуемая стихия. Разумеется, основные, постоянные места накопления магической энергии учтены и охраняются, — девушка понятиливо кивнула, — но появление новых предсказывать пока не научились. Так же, как и магические дожди, ураганы и засухи. Я сказал что-то смешное?

— Нет, — девушка фыркнула и уже откровенно рассмеялась. — Просто подумала, в нашем мире профессия такая есть, синоптик, это кто погоду предсказывает. Вечный источник шуток. Извините.

— Полагаю, шутки сходны с нашими, — не сдержал усмешку граф. — Однако иной раз

от неучтенных выбросов и моей службе, и гильдии магов не до смеха. Наткнется на источник падкий на дармовщину неуч, хапнет силы, возомнит себя невесть каким волшебником и давай чудить. И ладно бы умно, а то ведь фантазия не заходит дальше, чем соседу напакостить, разбогатеть всем на зависть или, скажем, тайную зазнобу в себя влюбить.

— Понимаю, — протянула девушка. — Люди...

Люди, конечно, везде одинаковы, думала Женя, слушая графа Циррента. Уж если хапнул магии на халяву, так первым делом надо соседям нос утереть, завести себе золотой ночной горшок и отбить у нормального парня первую красавицу деревни. Да еще так сделать, чтобы она при всем честном народе перед тобой на колени встала. И поглумиться вволю. В этом смысле магия мало отличается от внезапного крупного выигрыша или, скажем, повышения в должности.

Мысли свернули на свое: с Олегом-то, по сути, так же вышло. Был мужик как мужик, не выбился бы в большое начальство, она и не узнала бы, сколько за красивым фасадом гнили.

Вспоминать Олега было неприятно. Тошно сразу делалось и стыдно, как будто именно она виновата — не разглядела сразу, за кого замуж шла. Полгода как развелись, а все отмыться хочется! А самое грустное, что он так ничего и не понял. «Все так делают». «Дура, идеалистка, ну и проваливай, жди благородного принца, а я себе умную найду». И ведь найдет, чего бы не найти.

— Вы шокированы? — спросил граф. — Я вас расстроил?

Было бы с чего шокироваться — с мерзавца, решившего отыгаться на девчонке за невнимание. Не смотрел ты, чувак, нашего телевизора.

— Нет, я так, о своем, — Женя рассеянно потерла лоб: в голове плескалась тяжелая муть, хотелось не то спать, не то выпить крепкого кофе и окончательно проснуться. — Знаете, на месте той девушки я бы... — запнулась, подыскивая приличное слово вместо просившегося на язык, — приласкала тяжелым чем-нибудь по башке, в порядке самообороны, и сказала, что так и было. Тем более что мозгов в той башке явно отродясь не водилось. И чем оно все закончилось?

— Кончилось закономерно, — презрительно заверил граф. — В один далеко не прекрасный для нашего фигуранта день магия иссякла, и стал он снова самым обычным непутевым мужичком. Только успевшим настроить против себя всю деревню. Однако вы совсем раскисли. Пойдемте.

За тигриной шкурой оказалась дверь, а за дверью — маленькая комнатка: кровать, шкаф и умывальник. То ли графу нередко приходилось ночевать на работе, то ли... перебирать возможные варианты Женя не стала, кивнула благодарно, легла и тут же заснула, как провалилась в тихую и спокойную тьму.

Глава 4, в которой один принц думает, второй развлекается, а третий спит

В ночи Переломов не принято спать. Маги и древние знания предостерегают о размывании границы с замирьем — обратной стороной мира живых, той, где вечно светит полная луна и скитаются души умерших, вдыхая вместо воздуха лунный свет и выдыхая чистую энергию магии. Сон — маленькая смерть, он подводит слишком близко к опасной черте, а когда черта теряет четкость, недолго ее и переступить...

В народе говорят проще: заснешь в ночь Перелома — никто не знает, где проснешься, в своей постели или на черной траве по ту сторону мира, там, где мертвым скучно и голодно без тепла живых.

Его высочество Киренн-Ларкен, наследный принц Андара, давно свыкся с перспективой однажды не проснуться. Приговор, который не могут снять ни лекари, ни маги: сердце, медленно, но верно теряющее силу жизни. Что ж, по крайней мере, он уйдет легко. Но засыпать с мыслями о смерти — приятно мало, а в осенний Перелом эти мысли как никогда назойливы. Поэтому первый наследник андарского престола сидел у камина, накинув на ноги полосатый плед, смотрел в огонь и думал о тех, кто останется жить после него.

О старшем сыне. Ларк, скорее всего, станет королем сразу после своего деда: здоровье короля Андара, хоть и подточенное годами, все же крепче, чем у его первого наследника. Ларк знает это и спешит жить сейчас, пока государственные дела не забирают все его время. Пока можно открыто смеяться и гневаться, пить вино, не взвешивая каждое слово и каждый взгляд, целовать женщин, думая лишь об их красоте, а не о том, как пошатнет равновесие сил при дворе новая фаворитка. Пока можно уходить на войну во главе андарских полков, сражаться и возвращаться победителем. Пожалуй, главная проблема будущего короля Ларка-Элиота-Дионна будет в том, чтобы найти достойного преемника для себя в армии. Бог весть, какой из Ларка выйдет король, но потерять такого военного стратега Андар не может. Скорей всего, грустно усмехнулся Киренн-Ларкен, мальчик и не подумает о замене. Раз нет никого, кому можно доверить войско, оставит его на себе. Может, это будет и к лучшему.

О жене и младшем сыне. Ларк не любит молодую мачеху, что ж, понятное чувство. Но маленького сводного брата не обидит, можно быть спокойным. Жаль, что Клалия даже не попыталась найти с пасынком общий язык. Эти двое никогда не станут ни любящими родственниками, ни хотя бы союзниками. Но у Клалии хватает ума не ссориться с пасынком, спасибо и на том. Худой мир, вооруженный нейтралитет... Киренн-Ларкен тяжело вздохнул. Зря он поддался чарам юной прелестницы. Три года назад Клалия была едва распустившимся цветком, наивным и невинным. Теперь же цветок отрастил весьма острые шипы. Она по-прежнему прекрасна, она родила ему сына, она верная жена и хорошая мать, но для государства было бы лучше, если бы первый наследник остался вдовцом.

Ох, Клалия... Узкое бледное лицо, белокурые волосы потомственной северянки, ослепительно синие глаза, смех, похожий на россыпь серебряных колокольчиков. В ней, такой хрупкой на вид, так много жизни. Рядом с ней легче дышится и быстрее бьется сердце. У нее узкие ладони, такие нежные и такие сильные. У нее... Киренн-Ларкен тряхнул головой. Не надо вспоминать прелести жены, когда она уехала. Клалия не хотела оставлять его, но маленькому Киренну полезно переждать осенние дожди на южном побережье. Она

хорошая мать, его Клалия, за младшего сына он тоже может не волноваться.

Все с ними будет хорошо. Надо верить, иначе очень страшно умирать, а дворянину, первому наследнику, наконец, просто мужчине — стыдно бояться смерти.

Говорят, ночи Переломов хороши, чтобы приманивать в дом достаток, привораживать любовь и вообще переламывать судьбу. Но тут есть закавыка: для благоприятных изменений куда лучше подходят весна и лето, время расцвета и изобилия. Осенний же и зимний Переломы чреваты бедами, потерями, а то и внезапными смертями.

Принц Ларк-Элиот-Дионн, второй наследник андарского престола, не верил ни в приметы, ни в судьбу. Зато считал ночь — любую ночь — вполне подходящим временем для развлечений. И, в самом деле, почему ночь Перелома должна стать исключением?

В бальном зале Офицерского Собрания гремела музыка, пары неслись в стремительном водовороте холо, расходясь и сходясь, меняясь партнерами, теряя друг друга и вновь встречаясь. Двойная цепь танцующих скручивалась в солнечную спираль, вилась вьюнком, рассыпалась бешено кружащим листопадом. Рисунок холо Перелома оставался неизменным веками — хотя века назад вели его друиды и непорочные девы в священных рощах, а танцевать вот так, флиртуя, ведя легкомысленные разговоры, с мыслями о выпивке, поцелуях и веселье до утра, наверняка сочли бы кощунством, достойным смерти.

Принц Ларк-Элиот-Дионн мало что считал кощунством, и танцы в этот список никоим образом не входили.

— Ваше высочество так задумчивы, — сладко прошептала на ухо красотка Розалин дель Гьяппа, доставшаяся принцу при очередной смене партнерш. — Ваше высочество не любят танцевать?

— Люблю, — усмехнулся принц, наклоняясь к прикрытому черным локоном ушку. — Особенно со столь прелестной дамой, как вы, милая Розалин.

Прелестной, страстной и не слишком блюдущей верность сухарю-мужу, вице-директору банка «Гьяппа и Гьяппа». Чем, интересно, думают давно перешагнувшие середину жизни мужчины, когда берут в жены девушек вдвое, а то и втрое младше себя? Не головой, точно. Когда-то Ларк задал этот вопрос отцу, но вместо ответа получил оплеуху, на чем тема и была закрыта.

Последний аккорд раскатился дробью каблуков, метнулся эхом под высоким потолком и умолк.

— Как здесь душно, ваше высочество, — проворковала Розалин. — Вы не откажете в любезности проводить даму на балкон?

— С радостью.

Принц галантно подставил даме руку, тонкие пальчики многозначительно сжали его ладонь.

— Я думаю, — шепнул принц, — верхняя галерея доставит больше радости разгоряченной танцем даме.

— Почему же? — пухлые алые губы сложились в откровенно хищную улыбку.

— Она ближе к звездам, — с нарочитой серьезностью объяснил принц Ларк. — Вы никогда не замечали, Розалин, что в ночи Перелома звезды особенно яркие?

— Не-ет, — прелестная банкирша словно ненароком прижалась к принцу всем телом. — Вы первый, ваше высочество, кто сказал мне об этом. Так покажите мне эти звезды.

— Пойдемте, — принц подхватил с подноса слуги-разносчика бокал с игристым вином,

подал даме: — Освежитесь пока этим, прекрасная Розалин.

В спину неслась музыка, новые пары вели следующий танец, а Ларк вел свою сегодняшнюю даму наверх: зимний сад, два этажа по широкой парадной лестнице, полутемная анфилада Галереи Знамен... Вдали от посторонних глаз красotka Розалин повисла на кавалере совсем уж откровенно, то бедром потрется, то грудью прильнет, то погладит горячими пальчиками запястье. Бесстыдная кошка. Что-то сейчас поделывает бедный рогоносец дель Гьяппа?

Верхняя галерея, опоясывающий Офицерское Собрание ряд открытых балконов, предсказуемо пустовала: мест для уединения хватало и поближе. Из открытых окон первого этажа неслась музыка, заглушая гул голосов и шорох облетающей под осенним ветром листвы. На все еще цветущие клумбы падали широкие полосы света. Хорошая ночь для танцев, любви, выпивки... за неимением лучшего. В такую же ночь ровно год назад он шел во главе резервного полка, чтобы к рассвету успеть отрезать путь вражеским стрелкам, зная, что утром ждет решающий бой, а к следующей ночи определится победитель не в сражении, а в войне. Ни танцы, ни податливые красotки не могут так зажечь кровь, как горела она тогда. Тогда была жизнь, а сейчас — всего лишь веселье. Но отчего не повеселиться, пока нет других дел.

— Ваше высочество не обманули меня, звезды Перелома и правда яркие, — горячие руки обвили его шею, грудь прильнула к груди, Розалин запрокинула голову, ища черными глазами его взгляд. — Ах, мой принц...

подаваясь навстречу настойчивым объятиям, проводя ладонями по едва прикрытой тяжелым шелком спине, впиваясь в податливые губы красавицы-банкирши, привлекая ее к себе, сминая шуршащие тяжелые юбки, принц Ларк-Элиот-Дионн думал: «Никогда не женюсь. Никогда, ни за что. Я не такой идиот. А о наследниках для короны пусть мелкий думает, когда вырастет. То-то Клалия будет рада».

Говорят, звезды Перелома слышат наши желания. Хорошо, что «слышать» — не равно «исполнять», лениво думала ее высочество ненаследная принцесса Клалия, сидя у окна придорожной гостиницы гильдии магов. Можно было заночевать в городке, который они проехали часа два назад, но Клалия не хотела менять дорожную скуку на блеск чужого праздника. Маленькому Киру нужен покой. А гостиницы гильдии содержатся по высшему разряду, в них может остановиться и будущая королева.

Да, хорошо, что звезды — не более чем немые свидетели. Достойны исполнения лишь желания сильных, тех, кто сам идет к цели и добивается желаемого. Так, как добьется она, Клалия. Обязательно добьется. Она хотела стать королевой, но замужество не приблизило ее к этой цели: принц Киренн-Ларкен, увы, не наденет корону Андара. Но ничего, у нее есть сын. Ее маленький Киренн, который еще станет королем! Ларк может быть сто раз прекрасным полководцем, но правитель из него никакой, он куда лучше наживает врагов, чем союзников. Кто его поддерживает? Армия, готовая в огонь и воду за своим лучшим генералом? Помилуйте, армия хороша на поле боя, а в столице — другие силы. Двор, маги, банкиры, судьи, пресса... Уже сейчас у нее, Клалии, есть верные сторонники везде. Конечно, при дворе ей пока лучше вести себя тихо: канцлер и министры верны королю, а наследником считают Ларка. Его и облизывают, когда приспичит задуматься о будущем. Клалия сжала кулаки, ногти врезались в нежную кожу. Эти безмозглые шаркуны еще поймут, как ошиблись! Гильдия магов за нее, за Клалию! Всего-то и стоило обронить словно ненароком, как неправ король, ограничивая их право на волшебство. Уже через месяц верховный магистр

кланялся, целуя ей руки, и намекал на будущее величие. Что ж, два умных человека всегда друг друга поймут, особенно если их цели схожи. А магия — это сила, которая с равным успехом действует везде. Магия и деньги, гильдия и финансисты... Увы, столичные банкиры не так легки на союзы: ей, Клалии, нечего им предложить, ведь нынешняя власть ничем их не обделяла. Но и там можно найти подходы: где-то удачное вложение, кому-то личная услуга...

В дверь постучали, гостиничная горничная почтительно склонилась:

— Ваше высочество желали ужинать. Подавать сюда, или ваше высочество изволят спуститься в столовую?

— Накрывайте внизу, — Клалия встала. — Я спущусь через четверть часа.

В соседней комнате няня укачивала Киренна. Кир был еще слаб после болезни, тяжело перенес день в дороге, почти не ел, и теперь хныкал в полусне, сжимая ладошками нянину руку. Завтра надо сделать большую остановку днем, пусть малыш погуляет на свежем воздухе, под ласковым осенним солнцем. Клалия коснулась губами лба сына:

— Спи, мой хороший, мама тебя любит.

— Ма... — Киренн улыбнулся во сне.

Глава 5, в которой сумасшедший вечер сменяется еще более сумасшедшим утром

Девушка уснула, Заккендаль ушел, взяв пробу дурно пахнущей дряни для анализа и пообещав утром заглянуть, и граф фор Циррент смог, наконец, сесть и в тишине, неторопливо и всесторонне, обдумать проблему. Две проблемы.

Барышня и гильдия магов.

Девушка хочет домой, это понятно, и, разумеется, его долг как мужчины и дворянина ей помочь. Однако долг начальника Тайной Канцелярии — понять сначала, чем чревато возвращение девушки в родной мир. Если, например, для обратного переноса потребуется до дна исчерпать источник Чародейного сада, то разумнее пристроить барышню здесь: столица Андара не может остаться без запасов магии.

Да и с господами волшебниками разобраться. Зачем им понадобилась эта девушка, получили ли они, что хотели? Вызвать человека из другого мира... действительно ли в ее мире нет магии? Слова — это только слова, девушка может врать, может не знать всего... второе — вероятней. А если эта несчастная девушка — пробный заход, а на очереди — полк наемников? Кстати, расспросить, каков ее мир с военной точки зрения. Если господа волшебники сумеют наладить постоянный канал... святое древо, да тогда мало тут никому не покажется! Учитывая, что Страунгер спит и видит, как бы прибавить к перстню верховного магистра цепь канцлера...

Нет, торопиться нельзя, сначала — информация, полная, достоверная, пусть даже ради нее придется допросить с пристрастием всех гильдейских магистров по очереди.

Веселенький Перелом выдался, нечего сказать.

За размышлениями ночь прошла незаметно. И обычных для праздника происшествий больше не случилось, как будто невероятное появление барышни Жени и впрямь исчерпало лимит неприятностей. К утру граф фор Циррент наметил, как и по каким вопросам брать в оборот господ магистров, кого на чем прижать, кому что пообещать... Останавливал от немедленных действий простой и очевидный факт — после трех дней и ночей обрядов, песен, возлияний и волшбы вряд ли хоть кто-то из магов способен к осмысленному диалогу. Придется ждать, пока проснутся, опохмелятся и придут в себя. Впрочем, время зря не пропадет, слишком о многом надо расспросить гостью.

Заккендаль, как и обещал, заглянул с рассветом — под конец дежурства. Сказал прежде всего:

— Субстанция не магическая. Я обнаружил лишь легкие следы магического фона, естественные после пребывания в Чародейном саду во время волшбы. Химический анализ произведу сегодня же.

— Строго в тайне, — напомнил граф, — никому никаких объяснений.

Заккендаль кивнул и наконец поинтересовался:

— Как моя пациентка?

— Спит, — ответил граф. — Или просто не выходит. Я не счел уместным проверять. Хотя, пожалуй, барышню в любом случае пора будить, днем ей здесь не место.

— Куда же?..

— Ко мне, — пожал плечами фор Циррент. — Не слишком удобно, но другого варианта пока не вижу. Надеюсь, доктор, вы понимаете, само существование этой девушки —

государственная тайна. Во всяком случае, пока мы не разберемся с ее здесь появлением.

В этот самый момент девушка-государственная-тайна высунула нос из-за тигриной шкуры и мрачно сообщила:

— Я проснулась. К вам можно?

— Много слышали, барышня? — усмехнулся граф. — Можно.

— Только про государственную тайну. Вы меня, пожалуйста, извините, я понимаю, у вас проблемы государственной важности и все такое, но мне остро необходимы туалет, расческа и кофе.

Дамы... В любом мире одинаковы: война, чума, потоп — не повод выйти на люди непричесанной.

Да, с Цинни они бы поладили.

Другой мир — совсем не повод выходить на люди чучундрой! Угораздило же вчера рюкзак вытряхнуть... любимая расческа, помада, пачка влажных салфеток, как бы они сейчас пригодились! Женя драла волосы непривычным, слишком густым гребешком и шепотом ругалась сквозь зубы. Надежда проснуться дома разбилась о серый туман чужого утра, и оставалось уцепиться за новую реальность, удержаться на поверхности, как утопающему в ожидании помощи — час, день... а потом, глядишь, все образуется. Как-нибудь. Просто пока не надо забивать этим голову. Лучше ругаться на неудобный гребешок, ждать кофе — Женя попросила добавить к завтраку большую кружку кипятка, — думать, как потактичнее озадачить графа вопросом дамского нижнего белья, в общем, концентрироваться на мелочах, отодвинув слишком глобальную проблему «на попозже». Потому что иначе и сбрендить недолго.

Чужой мир, маги, Тайная Канцелярия... нет уж, лучше позаботиться о зубной щетке и чистых носках! Это, по крайней мере, решаемо.

Граф недовольно повел носом, когда Женя бухнула в кружку с кипятком две полных чайных ложки кофе и кинула туда же два неровно отколотых куска желтоватого сахара. Спросил:

— Вы это пьете?

— Лучшее средство от превращения в зомби, — брякнула Женя.

Худое лицо застыло, снова напомнив готовую к удару алебарду.

— Вы говорили, в вашем мире нет магии.

— Это не магия, — Женя отхлебнула кофе, вздохнула. Первый глоток, самый вкусный... правда, здесь вкус кофе был совсем не тот. То ли вода другая, то ли сахар... — Это, как бы лучше сказать, популярные страшилки. А в данном случае — просто шутка. На самом деле кофе просто бодрит. Помогает утром проснуться. Хотите попробовать?

— Нет, благодарю.

— Ну и ладно, мне больше достанется, — Женя отхлебнула еще, пояснила на всякий случай: — Это тоже шутка. Стандартная.

— Станный в вашем мире юмор.

— Утренний, — хмыкнула Женя. — Вы не обижайтесь только, я с утра всегда такая, малоадекватная. Кофе выпью, стану человеком.

Граф промолчал. Смотрел со странно оценивающим выражением, ничего хорошего такой взгляд не обещает, уж это точно, но сейчас Жене было плевать. Сначала кофе и завтрак, потом еще раз выглянуть в окно, просто так, на всякий случай... а там видно будет.

Завтракала барышня скромно, если не считать огромной кружки дурно пахнущей бурды:

порошок из того самого пакета, растворенный в кипятке. Нет, все-таки эта дрянь магическая, наверняка магическая. Добровольно пить подобную гадость нормальный человек не станет. Надо будет взять еще один образец. Заккендаль, как и положено медику, в любом магическом анализе опирается на возможное воздействие магии на человека; значит, нужен специалист принципиально другого профиля, с другой точкой зрения.

Поев, девушка отошла к окну. Худая спина ссутулилась, острые лопатки отчетливо видны под тонким, бесстыдно обтягивающим тело «свитером». Интересно, у них в порядке вещей так одеваться?

Солнце поднялось над крышами, прорвалось сквозь густую крону росшего под окном клена. Каштановые волосы девушки вспыхнули золотом. Будь у меня такая дочь, невольно подумал граф, выпорол бы за неподобающий вид и запер от греха. Как она ходила одна, там, у себя? К таким охрану приставлять надо.

Обернулась, буркнула чуть слышно:

— Вот и проснулась. И вся эта хрень — на самом деле.

Медленно подошла к столу, села, сцепила пальцы в замок.

— У вас, наверное, вопросов куча? Задавайте.

Отменное самообладание. И, следует добавить, отменно трезвый взгляд на положение вещей.

Граф прошелся по кабинету, собираясь с мыслями. Слишком много вопросов, и не знаешь, какие важней.

— Расскажите о вчерашнем. Все, что помните, каждую мелочь.

Кивнула чуть заметно, опустила ресницы.

— Все было как обычно, и этот перенос — давайте пока так его называть, — я даже понять не успела, что вообще что-то происходит. Никаких спецэффектов, очень быстро, в глазах потемнело — и уже тут. И знаете, я...

Распахнулась дверь, в кабинет ворвался дежурный секретарь:

— Господин граф! Курьер из полиции. В Чародейном саду убийство!

— Курьера сюда.

Курьер, бледный тощий мальчишка, вытянулся в струнку перед высоким начальством.

— Докладывайте.

— Предположительное убийство, — педантично поправил секретаря курьер. — Следов насильственной смерти нет, но очевидна магическая компонента, возможен несчастный случай при волшбе. Труп обнаружен утром, когда младшие служители Чародейного сада пришли убрать территорию и развезти по домам...

Граф усмехнулся заминке, подсказал:

— Тех из господ магистров, кто от праздничных бдений совсем из сил выбился.

— Ага, — мальчишка ухмыльнулся, продолжил: — Судя по одежде и знакам, умерший — маг первой категории, личность устанавливается. Следствие затруднено невозможностью допросить очевидцев, — моргнул, но в этот раз справился с заминкой самостоятельно, — по причине их повальной усталости.

Граф слушал курьера и думал: вот и оно. В каждый праздник обязательно самая пакость под конец выползет. Думал, в этот раз случай с барышней, а нет. Смерть мага в ночь Перелома... святое древо, что за дрянь!

Кстати, еще вопрос, две это пакости или одна, но с двух сторон...

— Едем. Вы тоже, — фор Циррент повернулся к Жене. — Можете понадобится как

свидетель.

Барышня кивнула, но встала не раньше, чем курьер и секретарь вышли. Граф обратил внимание, как она сидела: слегка ссутулившись, поставив локти на стол и сцепив в замок пальцы. Со стороны двери наверняка выглядела как мальчишка в странной одежде. Случайность? Или настолько быстро соображает?

Быстрый вжик — граф заметил, что этот странный звук издает застежка верхней одежды, — и вот посреди кабинета стоит вчерашний юноша. Граф покачал головой. Если в ее мире все девицы так одеваются... святое древо, кидаются на них мужчины или шарахаются от них?! Отвратительно. Однако и на том спасибо, что не пришлось битый час объяснять, зачем необходимо присутствие свидетеля при опознании трупа, терпеть истеричные рыдания и ждать еще два часа, пока барышня соизволит припудрить носик.

Необходимость любоваться на труп Женю не пугала. Куда больше волновал вопрос, как они до этого самого трупа доберутся. Вряд ли такая большая шишка, как начальник Тайной Канцелярии — чем бы эта Канцелярия ни занималась — разгуливает по улицам на своих двоих. Хорошо если карета, а вдруг верхом?!

Опасения оправдались на все сто. Женя остановилась, глядя снизу вверх в морду огромного вороного коня. Конь фыркнул, оскалившись, и переступил с ноги на ногу, Женя отпрыгнула. Граф, уже сидящий в седле, поглядел ожидающе, спросил:

— В чем дело?

— Я не умею! — отчаянно призналась Женя. — И вообще боюсь!

Ей показалось, граф хотел сказать что-то резкое, но сдержался. Спрыгнул на землю, подошел. Сказал тихо:

— Надо спешить. Просто садитесь в седло, держитесь крепче и ни о чем не думайте. Я поведу в поводу.

— Э-э... — Женя неловко всунула носок кроссовки в стремя, подпрыгнула. Граф подхватил за талию, посадил — едва успела ухватиться за высокий перед седла. Кажется, это называется «лука»? Стремена опасно раскачивались, Женя напрягла ноги. Так лучше, хотя опора все равно ненадежная.

Граф покачал головой, буркнул себе под нос:

— Ужасно.

Женя не заметила, как он снова оказался верхом: слишком была озабочена тем, как самой не свалиться. Что делать, когда это животное поскачет?! Она упадет, точно упадет!

Зацокали копыта, Женя выдохнула, закрыла глаза и вцепилась в седло до боли в пальцах. Только не завизжать. Вдруг чертова скотина не любит визг над ухом. Дернуло, затрясло, Женя постаралась сильнее упереться в стремя, но задницу все равно колотило о седло так, будто ехали на какой-нибудь ржавой развалюхе по колдобистой дороге. Даже хуже. В сто раз хуже! Как вообще всякие там мушкетеры, гусары и прочая кавалерия умудрялись не просто держаться на этих тварях, но еще и драться верхом?! И не отбивали себе все нафиг?! Кошмар... кошмар... мамочка-а-а...

Когда проклятое животное остановилось, в голове у Жени тряслось и дергалось. И мутило. Граф выдернул ее из седла, поставил на землю. Земля качалась.

— Дальше пешком, — сообщил граф. Добавил на ухо: — Сожалею, барышня, но я не могу нести вас на руках.

— Не надо... — Женя сглотнула и постаралась выпрямиться. Ноги дрожали. — Можно, я обратно пешком пойду? Пожалуйста.

— Да, я понял вашу проблему. Однако пойдёмте, нас ждут. И, прошу вас, внимательно глядите вокруг. Я бы хотел, чтобы вы как можно точнее определили то место, где появились.

Говоря откровенно, намного больше граф фор Циррент хотел, чтобы, оказавшись на том самом месте, девица тихо-мирно испарилась обратно. Желательно при свидетелях. Это было бы хорошо для самой девушки и ещё лучше для него, начальника Тайной Канцелярии. Дало бы отличный повод прижать гильдию магов на незаконных экспериментах, не опасаясь сюрпризов вроде внезапных наемников из другого мира. Но барышня Женя спокойно шла следом за мальчишкой из полиции, вертела головой по сторонам и испаряться не собиралась. Даже увидев труп.

Труп, надо признать, выглядел так, что сам фор Циррент, будь он юной девушкой, непременно упал бы в обморок. Магическая компонента в этой смерти определенно присутствовала, и весьма сильная. Неудивительно, что умерший до сих пор не опознан. Попробуйте, опознайте обтянутый высушенной кожей скелет. Разве что по щегольской праздничной мантии. Или путем банальной проверки, кого из господ волшебников не хватает среди живых.

Над останками невезучего мага, задумчиво разглядывая то ли сами останки, то ли скукоженную палую листву, стоял виконт Фенно-Дераль, начальник королевской полиции и давний приятель фор Циррента. Поднял голову на звук шагов, кивнул:

— Вот и вы, Варрен. Каков праздничный подарочек, а? Хотел бы я знать, чем они тут занимались.

— У меня есть версия, но я не готов пока о ней говорить. Доброе утро, Грент. Я правильно понял, что вы предполагаете убийство? Знаете что-то, чего не знаю я?

Виконт пожал плечами:

— Ничего определенного. Но не сам же он над собой такое учудил. Так что, даже если имел место несчастный случай, классифицироваться будет как непредумышленное убийство.

— Здесь, — тихо сказала девушка.

Граф обернулся:

— Уверены?

— Да. Я помню кривую ветку, вон, на клене. На ней сидел мальчишка и болтал ногами. Там, — махнула рукой над трупом, — стояла бочка на тележке, мужики выпивали.

— Грент, проверите? Ваши люди сделают это без лишнего шума.

— Бочка, — повторил виконт. — Бочка с выпивкой, это легко проверить. Но, Варрен, что мы, собственно, проверяем?

— Не сейчас, Грент. — Обернулся к девушке: — Ещё зацепки?

Та покачала головой. Пояснила тихо:

— Не люблю пьяные сборища.

— А эту мантию не помните?

Девица оглядела иссохший труп с таким равнодушием, будто ей в день по три раза предлагали любоваться на покойников. Пожала плечами:

— Как-то, знаете, не до того было, чтобы мантии разглядывать... Извините. — Помолчала и вдруг спросила: — А почему вы вообще так уверены, что это убийство, а не тупой розыгрыш?

— Простите? — быстро спросил Грент.

— Ну, праздник же, — девица пожала плечами. — Напились какие-нибудь идиоты в зюзю, выкопали откуда-то древнюю мумию, нарядили в новую одежду...

— Магическая картина не та, — подавив вздох, объяснил граф. Теперь придется рассказать Гренту больше, чем собирался: вопрос барышни слишком уж наглядно показал, насколько она не привыкла включать магию в картину обыденной реальности.

— Погодите, Варрен... погодите... — виконт замер, словно почувывая добычу пес. — Мысль интересная... То есть убийство было, это очевидно, но почему мы так уверены, что труп — тот?

Возражения замерли на языке: в идее Грента, при всем ее безумии, определенно брезжило рациональное зерно.

— Извините, — робко спросила барышня, — от меня тут еще что-то нужно?

— Вы очень помогли следствию, благодарю, — выдал граф дежурную фразу. И правда, нечего ей здесь больше делать. Жаль только, расспросы придется отложить...

Труп на периферии зрения насмешливо скалился в ясное утреннее небо.

Глава 6, в которой Женя и граф фор Циррент думают о трупе, магии и друг о друге

В Чародейном саду насмешливо скалился в небо труп в праздничной мантии, граф фор Циррент пытался разобраться в случившемся, клены равнодушно роняли пожелтевшие листья. А дома время шло к обеду, и Жене, наверное, всю звонили с работы, пытаясь узнать, что с ней стряслось. Вот только звонки не проходят в чужой мир. А мобильник — она с утра посмотрела — сдох, хотя заряжала только вчера. Ни будильник теперь не заведешь, ни музыку не послушаешь...

Цокали копыта по булыжной мостовой, стучали колеса, людские голоса сливались в привычный городской гул. Только шума машин не хватает... Здесь вместо машин — извозчики.

В наемном экипаже трясло почти так же немилосердно, как в седле, но отсюда хотя бы под копыта не свалишься. Женя сидела, вцепившись в грубую деревянную скамью, и думала: интересно, служебного транспорта у Тайной Канцелярии нет в принципе или граф просто пожмотничал гонять туда-сюда казенных лошадей и приличную карету? Нанял извозчика, а Жене сунул в руки письмо и объяснил, кому передать и что сказать.

И извозчик-то какой-то задрипанный. Уж на что Женя в лошадях не разбирается, но разница между конями Тайной Канцелярии и запряженной в городской общественный транспорт клячей видна невооруженным глазом. Те — холеные, огромные, шерсть лоснится, фыркают, переступая огромными копытами, грудь широкая, танки, а не кони. Эта вроде тоже не маленькая, но выглядит совсем не так солидно. Взъерошенная, живот обвислый, пока граф разговаривал с извозчиком, стояла, понутив голову, только хвостом изредка взмахивала. Такую, наверное, что запрягай, что оседлывай, быстрее, чем задумчивым шагом, ходить не умеет.

И колымага кляче под стать, обшарпанная, скособоченная. Душная коробочка на два места с крохотным, затянутым матерчатой шторкой окошком в дверце и таким же — спереди. Наверное, чтобы до водилы докричаться, если что.

Ужас.

Ладно, и на том спасибо, что снова верхом не усадили. Хотя, опять же, в этом случае пришлось бы провозжать, а так...

Женя отдернула шторку на боковом оконце, повертела в руках сложенный конвертиком лист плотной бумаги. Печать с гербом не разобрать в скудном свете и при тряске, а разглядывать у графа на глазах Женя постеснялась. Любопытно, что он там написал? Хотя... скорее, любопытно, может ли она читать в этом мире? Или переводческое заклинание помогает только для разговоров? Вообще-то, отправляя Женю к себе домой, граф сказал об этом письме тоже. «Я написал, что вы не юноша, а девица, что вас нашли в Чародейном саду, вы ничего не помните, и я веду расследование. Ничего сверх этого прошу не говорить. Ясно?»

Чего ж неясного...

Интересно, там, в парке, вправду настоящий труп? Они оба, и граф, и тот чувак из полиции, так уверены... Самой Жене все это напоминало хэллоуинскую шуточку. Тупую, да, — но мало ли дураков в мире, в любом из миров. Она и сама как-то учудила что-то очень похожее, и до сих пор вспомнить смешно.

Экипаж трянуло, Женя подпрыгнула на сиденье, выругалась. Седла ей мало было, и так отбила все что можно! Долго еще ехать-то? В окошке мелькали кирпичные стены домов, кованые и деревянные вывески дергались в такт движению, не разглядеть толком, только голова кружится. А если не глядеть, навязчиво вспоминается оскал обтянутого кожей черепа и пристальный, острый взгляд графа Циррента. Графу, кажется, не понравилась мысль про розыгрыш. Может, у них тут вообще строже с отношением к мертвым? Религия, суеверия, традиции, мало ли... А Женя, когда в универе училась, три года делила квартиру с девчонками из мединститута, при таких соседках быстро отвыкаешь вздрагивать от анатомических шуточек или человеческого черепа на обеденном столе. И засунуть в оный череп свечку, выставить на лестницу и вырубить в подъезде свет кажется вполне невинным развлечением.

Но если и правда труп... ничего себе дела! Спасибо тому чуваку, который увел ее подальше от этих чокнутых магов! А то еще неизвестно, чей именно череп разглядывал бы сейчас граф Циррент. Впервые со вчерашнего сумасшедшего вечера Жене стало по-настоящему страшно.

Присев на корточки, граф фор Циррент разглядывал обтянутый усохшей кожей череп. Возможно ли, что настоящий труп и в самом деле подменили? Слишком неожиданная мысль, и...

И слишком красиво подброшенная. Граф встал, зачем-то отряхнул руки, спросил:

— Грент, в вашей практике встречалась подмена покойников? Мне кажется, это слишком сложно. Если есть возможность спрятать труп, зачем оставлять на его месте другой? Не проще ли сделать вид, что убийства не было вовсе?

Виконт Фенно-Дераль пожал плечами:

— Спрятать труп — далеко не то же самое, что скрыть все следы преступления. Кровь, крики жертвы, магический фон... впрочем, после Перелома магическим фоном никого не удивишь.

— Вот именно. Фонит сейчас весь Чародейный сад, крики, если и были, утонули в пьяном шуме, а кровь... помилуйте, какая кровь? Очевидная картина полного магического выпивания, беднягу высосали, как паук муху.

— Однако, Варрен, вы говорили, у вас есть предположение?

— У меня есть факт. Вчера здесь — видимо, на этом самом месте — был проведен некий магический обряд. Судя по результатам, весьма энергозатратный.

— Вот как? — Грент подобрался, словно почувывший след пес. — Подробности известны?

Граф отошел от трупа, как будто тот мог подслушать. Поманил виконта за собой, огляделся. Вокруг царил покой. Пустые аллеи, усыпанные рыжими кленовыми листьями, полицейский у запертых ворот, и тишина такая, словно там, за воротами, не шумный город, а пустые поля. Только воронье карканье вдалеке. И все же граф обратился к приятелю почти шепотом:

— Скажите, Грент, вы слышали когда-нибудь о попытках пробить канал в другой мир? Предположите, что вчера, здесь, это было сделано. Успешно.

— Варрен! Вы уверены?!

— Разумеется, нет. Всегда остается возможность ложной информации. Но учтите, Грент, если информация ложна, кто-то приложил очень много сил, чтобы меня убедить.

— Думаете, все это, — начальник столичной полиции оглянулся на труп и тоже

понижил голос до почти неслышимого, — подстава?

— Не знаю, — признался фор Циррент. — Отвратительно, Грент. У меня в руках свидетель, который может быть пострадавшим или соучастником.

— Передайте его нам, — оживился виконт. — Расколом еще до вечера, обещаю.

— Извините, нет.

— Ну конечно, — Фенно-Дераль ухмыльнулся, став на мгновение похожим на оскалившегося хорька. — Я и забыл, вы не любите делиться, господин начальник Тайной Канцелярии.

— Не люблю, — согласился фор Циррент. — К тому же...

Еще утром он готов был поспорить, что девица не врет. Жалел, думал, как помочь. Но теперь...

Всего два слова над трупом. Два слова — и слишком невероятное для юной девушки хладнокровие. «Тупой розыгрыш». Даже Цинни не осталась бы столь спокойна, стоя рядом с магом, умершим насильственной смертью. А ведь у Цинни, при всей ее женственности, почти мужской характер.

— К тому же?.. — переспросил Грент.

— Я убежден, что малейшее давление испортит дело, — признался Варрен. — Вопреки нашим знаниям о возможностях магии и, возможно, вопреки здравому смыслу. Сейчас я завоевал некоторое доверие у своего свидетеля, мне бы не хотелось утратить позиции. Если он честен, его помощь может оказаться бесценна.

— А если он заодно с убийцами, пусть думает, что провел вас, — кивнул начальник полиции. — Хорошо. Но чем скорее мы проясним этот вопрос, тем лучше.

— Боюсь, — вздохнул граф, — на убедительные доказательства рассчитывать не приходится. Если это игра, то она гениальна.

— Представляю, — ухмыльнулся Грент. — Убедить вас, воплощенное недоверие! Все же я хочу, Варрен, чтобы вы показали мне это чудо. Хотя бы неофициально.

— Позже, — неопределенно пообещал фор Циррент. — Что ж, здесь я видел все. Магистров будем делить или сами займетесь?

— Я тоже не люблю делиться. Загадочные трупы в нашей компетенции. Спасибо за информацию, Варрен.

— Держите меня в курсе.

— Разумеется.

Грент прав, думал фор Циррент, неторопливо шагая к воротам Чародейного сада. Загадочные трупы, безусловно, в компетенции полиции, как, строго говоря, и появившиеся невесть откуда барышни. Вот только верхушка Гильдии магов в последнее время явно напрашивается на внимание Тайной Канцелярии. Господа волшебники всецело поддерживают занесение магии в реестр ценных ресурсов, однако считают, что контроль над оным ресурсом должен принадлежать только им. То есть, значит, для себя — любая волшба, хоть лысину чарами полируй, а если что понадобится государству, тут и поломаться можно, и цену понабивать. Подписанный королем ограничительный эдикт господам магистрам как кость поперек горла. И не такие господа магистры люди, чтобы смиренно терпеть невыгодное для них положение дел. Жаль, что ни фор Циррент, ни канцлер, ни даже сам король не в силах убрать Страунгера с поста верховного магистра: окончательно ссориться с магами короне не с руки.

Шуршали под ногами кленовые листья, все отчетливей доносился городской шум. Граф

замедлил шаги, поколебался несколько мгновений и повернул назад. В тишине Чародейного сада хорошо думалось. Магистрами займется Грент, а его, Варрена, забота — барышня Женья. Расспрашивать, слушать, сопоставлять, искать слабые места. Решить, наконец, верить ей или нет. Видит бог, хочется верить — девушка успела расположить его к себе. Но, если подумать, это ли не подозрительно... Начальник Тайной Канцелярии не должен так легко вестись на простые человеческие чувства. Не с его опытом таять под жалобным девичьим взглядом!

Впрочем, взгляд барышни Женьи отнюдь не был жалобным. Девушка с твердым характером, определенно не дура, в сложных ситуациях не теряется... и, по ее же собственным словам, не склонна падать в обмороки. Находка, а не девушка.

Вопрос только, чья именно находка — его, графа фор Циррента, или магистра Страунгера. О другом мире она, похоже, не врет, но возможен вариант, что выдернули ее оттуда по ее же согласию, а то и просьбе. Мало ли в какие неприятности способна влезть девица с таким характером. Она может оказаться беглянкой, авантюристкой, преступницей, кем угодно. Если Страунгер обещал ей убежище в обмен на услуги...

Опять все упирается в необходимость расколоть верховного магистра. Что ж, пустим вперед Грента, пусть господ магов кусает полицейский бульдог, у него хватка мертвая. А с девушкой лучше держаться так, будто нет никаких сомнений. Так, как, собственно, уже и начало складываться. Взять под опеку до решения вопроса о возвращении, помочь, утешить, развлечь. Рано или поздно она покажет свое истинное лицо.

Кстати об истинном лице — граф фор Циррент усмехнулся, — первое, что следует сделать, это одеть ее прилично. Конечно, у Солли хватит ума предложить гостье что-нибудь из старых платьев Цинни, но барышне Женье они придутся не вполне по фигуре. Остается надеяться, что женщины справятся с проблемой сами: звать в свой дом портного для никому не известной девушки — значит, заранее соглашаться на самые дикие сплетни.

Глава 7, в которой рассуждают о природе сплетен

Принц Ларк откинулся на спинку кресла, лениво потянувшись и заложив руки за голову. Ночь шла к рассвету, Офицерское Собрание давно опустело, только в буфетной на втором этаже засиделась за разговорами изрядно подогретая вином компания.

— Самые дикие сплетни, — сказал принц, — это сплетни, основанные на правде.

— Парадоксально, — граф Перетт фор Шоррентен усмехнулся и разлил по бокалам очередную бутылку одарского красного. — Звучит красиво, как все парадоксальное, но практикой не подтверждается.

Фор Шоррентен второй год посещал университет и потому говорил заумно и с апломбом.

— П-поясни... ик... те, — полковник Вентиш сощурился, аккуратно взял бокал — причем выражение лица у него стало такое, будто бокал пытался убежать. — Что вы хо... ик... хотели...

— Поясню, — с готовностью согласился фор Шоррентен. — Вот вам свежий, можно сказать, животрепещущий пример. Этой ночью один из присутствующих здесь кавалеров увел свою даму освежиться после танца и полюбоваться на звезды. Если вдруг по городу пойдет сплетня о том, что у мужа оной дамы отросла еще одна пара ветвистых рогов, мы можем с большой долей уверенности предположить, — фор Шоррентен воздел палец к потолку, наверняка подражая кому-то из профессоров: — оная сплетня основана на правде! Но, помилуйте, что в ней дикого?

От дружного хохота жалобно зазвенели стекла в окне.

— Учитывая репутацию дамы, дико, что кавалер сейчас с нами, а не с ней, — хмыкнул четвертый собутыльник, молодой лейтенант из полка Вентиша. Лейтенант почти не пил и, видимо, поэтому был настроен язвительно. Разумеется, досадно, когда сослуживцы веселятся со спокойной душой, а у тебя приказ — доставить господина полковника с праздника, когда одного полковника окончательно развезет в хлам. Желательно целым и не ввязавшимся в глупую ссору.

— С ней скучно, — бросил принц.

— Какова бы ни была репутация, — фор Шоррентен важно поводит пальцем перед собственным носом — то есть, наверное, у его профессора этот жест получался важным, а Перетт выглядел донельзя глупо. — Повторяю, какова бы ни была репутация дамы и кавалера, любая сплетня из разряда любовных похощений — не более чем обыденность. Так же, как, например, болтовня о причинах высочайшего внимания или, наоборот, опалы. Разумеется, предположения могут высказываться самого дикого свойства, но сами-то разговоры — обыденность, господа, не более чем обыденность! К разряду диких сплетен я бы причислил нечто удивительное, необычное, волнующее воображение... Вы можете назвать хоть одну волнующую воображение сплетню за последний год? Мир скучен, господа.

Принц Ларк поднял бокал:

— За прекрасных дам! Они тоже скучны, но помогают нам скрашивать скуку этого мира.

— А я слышал дикую сплетню, — подал голос еще один студент, навязавшийся в компанию заодно с фор Шоррентеном. Имени его никто из присутствующих офицеров не знал, но какая-разница, главное, что пьет наравне с остальными и не умничает, как его

дружок. — Я слышал, будто вчера в Чародейном саду господа маги вызывали дьявола.

Еще один взрыв хохота потряс буфетную.

— И как, вызвали? — поинтересовался Реннар, порученец принца Ларка.

— Вот сплетня, в которой наверняка нет ни крупицы правды, — важно заключил фор Шоррентен. — Ваше высочество, ваши рассуждения опровергнуты.

— И... ик... — полковник поднял мутный взгляд. — И я слы... — уронил голову на стол и захрапел.

Лейтенант вздохнул:

— Господа, я вынужден вас оставить. Благодарю за теплую компанию.

— Помощь нужна? — негромко спросил принц Ларк. — Я могу вызвать службу.

— Не в первый раз, — лейтенант чуть заметно скривился. — Очень жаль, ваше высочество, что ваши возможности помочь не доходят до назначений высших офицеров.

— Это временно, — серьезно ответил принц. — Я запомнил вашего полковника, лейтенант Иммерти. Я его, собственно, еще по прошлогодней кампании запомнил.

— Тупая самовлюбленная бездарь, — буркнул себе под нос Реннар. Он тоже помнил прошлогоднюю кампанию.

Лейтенант ушел, непочтительно волоча упившееся начальство.

— Итак, — Шоррентен снова разлил, теперь на четверых, — остались самые стойкие. Что вы думаете о дьяволе, ваше высочество? Есть в слухах о нем правда?

— Помилуйте, — принц выставил ладони вперед в отрицающем жесте, — я не готов к богословским дискуссиям. Все может быть.

— Но вы утверждали, что слухи не возникают на пустом месте. Итак, какова может быть основа для слуха о дьяволе?

— Пить меньше надо, — снова буркнул Реннар. Поднял бокал, качнул туда-сюда. Усмехнувшись, выпил.

— В самом деле, — поддержал своего порученца принц Ларк, — на гулянье в Чародейном саду выставляют такое пойло, с него и дьявол примерещится. Спасибо, если только один.

— К слову, господа! — оживился приятель Шоррентена. — О пойле. Я вчера заглянул в «Бездонную кружку», это, кто не знает, — студент слегка поклонился в сторону принца и его порученца, — лучший кабачок в нашем университете. Так вот, туда завезли вино... м-м-м... такое вино...

— В «Кружке» приличное вино? — Шоррентен поболтал в воздухе опустевшей бутылкой. — Леони, ты заливаешь. Туда только пойло и возят. Самое мерзкое, гнусное, достойное наших высокоученых ослов...

— М-м-м... признаю, я не слишком тонкий ценитель. Но мне говорили... — Леони зевнул и растерянно почесал в затылке.

— Пора расходиться, — сказал принц. — Но мы могли бы, скажем, вечером...

— Продолжить наш разговор о дьяволе и слухах, — с пьяной настойчивостью кивнул Шоррентен.

— Не откажусь, — кивнул принц. — Это, по крайней мере, забавно. До вечера, господа.

— Забавно, — хмыкнул вслед уходящим Леони. — Телок на веревочке, а не принц. Он всегда так легко ведется?

— Когда скучает — да. Придешь вечером?

— Думаю, не стоит. Ты и один справишься.

Шоррентен кивнул: Леони хоть и умный, как тот самый дьявол, но купеческое происхождение не перечеркнешь. В дни и особенно ночи Перелома сословные различия ставят не настолько жесткие рамки, как обычно, но завтра его появление в компании аристократов будет выглядеть не слишком прилично.

— Тогда, — Шоррентен разлил по бокалам остатки вина, — за наш успех.

— За успех, — кивнул Леони. Выпил залпом, легко поднялся на ноги, хлопнул приятеля по плечу и, не прощаясь, ушел.

Принц и его порученец тем временем выехали из ворот Офицерского Собранин свернули к улице Золотого Дуба, затем — в банковский квартал, а оттуда, срезав часть пути извилистыми переулками — в Малый Дворцовый проезд. Утомленная праздниками столица спала, копыта коней глухо цокали по булыжной мостовой, и нарушаемая только этим звуком тишина казалась глубокой, как Альетара в половодье.

Перед воротами дворца Реннар натянул повод, его вороной жеребец, всхрапнув, замер.

— Что? — спросил принц.

— Я домой. Должны были письма прийти. Я ведь не нужен до вечера?

— Конечно, — принц кивнул. — Можешь подъезжать сразу в Собрание.

— Хорошо. Спасибо, — Реннар слабо улыбнулся и тронул коня.

Он не хотел показывать этого, но разговор о сплетнях неприятно задел. Герцог Реннар фор Гронтеш мог бы сказать так: самые дикие сплетни — те, которые перемывают косточки тебе и твоим близким. И неважно, сколько в них правды.

Герцог Реннар фор Гронтеш имел наглость гордиться своей семьей. Давно обедневшим родом, насквозь выстуженным северными ветрами ветхим замком, отцом.

Особенно — отцом.

Адмирал Оннар фор Гронтеш, лучший клинок королевства, герой осады Бронта, первооткрыватель Гвоздичных островов и Ледяного архипелага, единственный, кому удалось пройти проливом Бурь и совершить кругосветное плавание. Кто бы не гордился?

И плевать, что за все свои подвиги Оннар фор Гронтеш не получил в итоге ничего, кроме славы. Что полтора года тому назад у него отобрали звание и титул, сделав герцогом его наследника. Что заперли в собственном замке, запретив являться в столицу без вызова, посещать друзей без дозволения, покидать страну. Да, Оннар фор Гронтеш поступил глупо и недальновидно, ввязался в интригу, в которой мог быть только разменной картой, вот его и сбросили в отбой. Спасибо, что опала не коснулась сына — очевидно, только потому, что Реннар к тому времени успел себя зарекомендовать верным сторонником и лучшим другом принца Ларка, отличиться на войне и даже получить награду — именной клинок из рук его величества. Иначе, наверное, тоже плесневел бы сейчас в родовом замке.

Зато в столице с тех пор стало не до скуки. Слишком многие желали почесать ядовитые языки о бывшего герцога и его наследника. За полтора года Реннар фор Гронтеш заработал славу отчаянного дуэлянта, не понимающего шуток и не прощающего косых взглядов. И если на его счету до сих пор не было ни одного трупа, то лишь по одной причине: молодой герцог фор Гронтеш предпочитал похоронам врагов их извинения. Желательно — публичные.

Реннар невесело усмехнулся. Отец говорит: пополнять коллекцию громких побед уместнее на войне, а не на дуэлях. Он прав, конечно. Ничего, будут еще и войны, а пока... пока он, герцог Реннар фор Гронтеш, научит столичных шаркунов, умеющих только туфли о паркет протирать, говорить с уважением и о себе, и о своем отце, и обо всем роде фор Гронтеш. Одна ошибка не должна перечеркивать всех прежних заслуг.

Задумавшись, Реннар даже не заметил, как доехал до дома. Столичный особняк, построенный дедом всего-то с полсотни лет назад, не шел ни в какое сравнение с древним родовым замком. Здесь можно жить, а там...

Бросил поводья выбежавшему к воротам конюху, спросил вышедшего навстречу управляющего:

— Письма есть?

Тот поклонился:

— Почту еще не доставили, ваша светлость.

— Я спать. Когда доставят, будите.

— Будет сделано, мой господин.

Дьявол бы побрал Шоррентена с его дружкой вместе. Тот самый дьявол, из Чародейного сада, придумают же бред. Реннара грызло отчетливое ощущение, что дьявол был приплетен к разговору с умыслом. Если вспомнить, что заговорили о нем сразу после довольно прозрачного намека на причины высочайшего внимания или опалы... Пожалуй, мрачно подумал Реннар, Шоррентен все-таки нарывается. Еще один намек в этом русле, и терпение герцога фор Гронтеша истощится. И тогда проверим, так ли хорошо студентка управляется с пистолетом, как языком мелет.

Реннар не любил умников. Наследник древнего рода должен быть мужчиной, а не ученым занудой.

Письма принесли вечером, когда выспавшийся, но все еще мрачный Реннар одевался. Два — от отца и сестры. Первым Реннар вскрыл отцовское.

Дорогой сын,

Рад, что у Вас все хорошо. До нас иногда доходят слухи о Ваших эскападах, и должен отметить, не все из них мне нравятся. Советую Вам быть осмотрительным и не терять голову так часто, как, судя по слухам, это с Вами происходит.

Вы можете не тревожиться обо мне, здоровье мое в порядке, и дел хватает. Зимние холода я намереваюсь провести, разбирая заметки о своих плаваниях, полагаю, Вам это будет интересно.

Я всесторонне обдумал Ваше предложение забрать Сильвию на зиму в столицу и счел его преждевременным. Ваша сестра, сын мой, слишком юна и наивна для светской жизни. Черета зимних увеселений может плохо сказаться на ее характере, и без того слишком легкомысленном. Кроме того, Ваши обязанности не позволят Вам уделять сестре достаточно времени.

Засим прощаюсь, любящий Вас, отец.

Реннар перечитал письмо дважды и бережно убрал в украшенную фамильным гербом шкатулку. После чего вскрыл письмо Сильвии.

Милый братец!

Благодарю тебя за попытку вырвать меня из здешней скуки. Признаться, я понимала, что надежды на успех мало, но все же надеялась. Я очень по тебе скучаю, а здесь совершенно нечем заняться! Отец всю осень занимался хозяйством, теперь же засел за свои заметки, а меня усадил за пьальцы, какая тоска! Все-таки он у нас слишком старомодный в том, что касается воспитания. Нянюшка, правда,

старается меня развлекать, но ее вечное квохтание мне надоело. Я ведь уже не маленькая, мне скоро четырнадцать! Милый братец, теперь, когда о поездке к тебе можно не думать, я мечтаю, чтобы ты хоть ненадолго приехал в гости. Мы бы сходили вместе на Ведьмину гору, и ты снова дал бы мне пострелять из пистолета! Ах, братец, зачем я родилась девушкой! Я так тебе завидую!

Пожалуйста, пиши мне чаще, твои письма интереснее даже тех романов, что иногда дает мне почитать тетушка Лили-Унна.

Обнимаю тебя, мой милый братец, твоя любящая сестрица Сильвия.

— Все такая же, — улыбнулся Реннар.

Глава 8, в которой Женя знакомится с местной модой, а граф фор Циррент просит помощи

— Ох, барышня, надо же, беда какая! Ну ничего, подберем пока что-нибудь из домашних платьев барышни Цинни, а уж вернется господин граф...

Квохтание служанки казались Жене таким же далеким фоном, как шум улицы, сосредоточиться на смысле слов удавалось с трудом. Переодеваться не хотелось. Как будто, сменив привычные джинсы и свитер на местное платье, оборвешь последнюю ниточку к дому. Глупо, конечно...

Служанку звали Солли, и напоминала она Жене двоюродную бабушку Лизу. Такая же невысокая, щуплая, словно высохшая с годами, но бойкая и шустрая, как электровеник. И говорит в точности, как бабушка Лиза — быстро, увлеченно, сочувственно, всплескивая руками, задавая миллион вопросов и не давая вставить ни слова в ответ, так что можно особо и не вслушиваться.

Женя сидела в глубоком кресле, сложив руки на коленях и сцепив пальцы в замок, а Солли тархтела и тархтела, ловко выгружая из огромного шкафа охапки белого, розового, кремового, пышного, кружевного — по всей видимости, домашние шмотки некой «барышни Цинни». Вынет, встряхнет, покачает головой, разложит на огромной кровати, оглянется на Женю, вздохнет:

— Барышня такая худенькая! Ушивать и ушивать...

Комната, наверное, тоже принадлежала этой самой барышне Цинни. Будуар, спальня, или как там оно называется. Ничего так комнатка, во всю Женину квартиру размером. Кровать два на два метра, бархатный балдахин глубокого синего цвета, светло-бежевое покрывало расшито синими и золотыми птицами, и такой же, в птицах, тканью обиты стены, аж в глазах рябит. Особенно, когда на золотую вышивку падает солнце из широкого окна. Шкаф из такого же темного дерева, что и кровать, два кресла, обтянутые синим бархатом, синие же шторы на окне и перед дверью — зачем, спрашивается, дверь завешивать, чтоб подслушивать удобней было? Светлый ковер на полу, ради разнообразия однотонный. Зеркало мало того что во весь рост, еще и шириной метра полтора — танцевать перед ним, что ли? Еще одно зеркало, трехстворчатое, над столиком для косметики, а перед столиком мягкая низкая табуреточка — снова синий бархат, вытертый, сразу ясно, что на этой табуреточке сживали подолгу и со вкусом. В углу у окна скромно примостился не то секретер, не то письменный стол с полочками-ящичками. Недурственно живут местные барышни.

— А искупаться можно? — улучив момент, когда болтливая служанка переводила дух, спросила Женя.

— Ох, и правда! — Солли всплеснула руками, уронив очередную охапку, на этот раз бледно-голубого в синий мелкий цветочек. Незабудки, наверное. — Я и не подумала, уж если вас, барышня, в Чародейный сад угораздило, так выкупаться точно надо! Смыть с себя волшбу. Сейчас, барышня, вы поглядите покуда, что нравится, а я велю воду греть.

Интересненько. А если, значит, не волшбу смывать, то купаться не обязательно? Грязь тоньше миллиметра не мешает, а толще — легко сколупывается? Ну и попала, вот уж точно средневековье!

Мама дорогая, а если окажется, что у них и прокладок нет!.. Женя застонала вслух.

Конечно, нет, откуда бы им взяться! Еще вопрос, придумали ли здесь хотя бы банальную марлю, или долгими зимними вечерами благородные дамы щиплют корпию для интимных нужд.

Женя сползла с кресла, подошла к кровати, поворошила кружевные россыпи. Вытянула нечто в складочку и с оборочками, при ближайшем рассмотрении оказавшееся панталонами до колен. И вот это здесь вместо нормальных трусиков?!

Когда служанка вернулась, Женя рыдала, сидя прямо на полу рядом с кроватью и уткнувшись носом в жесткую золотую вышивку на покрывале.

— Плакала? — переспросил граф фор Циррент, глядя в жалостливые глаза старой няньки.

— Уж так рыдала, — закивала Солли, — чуть сердце не разорвалось. Бедное дитя, у кого только рука поднялась на невинную овечку!

Граф с трудом подавил неуместный смех. Уж на кого барышня не тянула точно, так это на невинную овечку! Но у женщин свой, особенный взгляд, часто парадоксальный, с мужской точки зрения нелогичный, но более глубокий и, в конечном счете, безошибочно верный. По крайней мере, у того типа простодушных, но по-житейски мудрых женщин, к которому относилась старая нянька его сестрицы.

Что ж, мнение Солли падает на чашу весов, помеченную биркой «невиновна». А на другую — простая мысль: нет лучшего способа разжалобить старую, очевидно добрую и простодушную служанку, чем хорошенько, от души порыдать. Это вам не начальник Тайной Канцелярии.

— Где она сейчас?

— Купается. Я велела нагреть воды с мятой и рябиной, от дурной волшбы.

— В ее случае это вряд ли поможет, но спасибо, Солли. Никто лучше тебя не позаботится о бедной девушке.

— Бедняжка поживет пока у нас, господин граф?

— Пожалуй. Не так легко скрыть присутствие в доме посторонней девицы, но не бросать же ее на произвол судьбы. Если расследование затянется, я напишу Цинни. А пока, Солли, прошу тебя, держи сама рот на замке и предупреди всех, кто помогает тебе с ней. Сама понимаешь, речь идет о репутации девушки.

Солли снова закивала, поахала, посетовала, что барышня Цинни живет теперь «среди этих ужасных тириссских туманов» и убежала, пообещав привести «бедное дитя» к обеду в приличном виде.

Варрен фор Циррент посидел некоторое время в тишине, отдыхая от болтовни старой няньки, а потом вызвал Ланкена — своего доверенного секретаря.

Ланкен жил в семье фор Циррентов сорок лет. Служил еще отцу Варрена, вправлял мозги его непоседливому отпрыску, прикрывал невинные юношеские шалости, по приказу старого графа сопровождал семнадцатилетнего Варрена на войну — и научил там куда большему, чем вечно пьяный полковник, к которому молодого фор Циррента приставили порученцем. Помог справиться с потерей, когда не стало отца. Стал незаменимым советчиком и хранителем тайн. Варрен ценил его преданность, здравый смысл, знания; но отношение его к Ланкену определяло совсем не это. Ценил граф фор Циррент многих. Ланкена он любил — почти как отца.

Ланкен явился почти мгновенно — очевидно, ждал вызова. И заговорил первым, что последние лет десять случалось крайне редко.

— Во что ты ввязался, Варрен?

— Ты о чем? — граф поймал себя на ностальгической улыбке: так Ланкен говорил с ним лет, пожалуй, двадцать — двадцать пять назад. Приятно хоть на мгновение снова ощутить себя бесшабашным юнцом.

Ланкен подошел ближе, покачал головой и вдруг улыбнулся в ответ.

— Переодетые девицы, мой бог! Двадцать лет назад я не удивился бы. Кто она? Не пытайся меня уверить, что это банальная интрижка.

— И не думал, — улыбка графа стала шире.

Ланкен хмыкнул и сел в свое любимое кресло напротив окна.

— Нашли в Чародейном саду, без памяти! На Перелом, конечно, и не такое случается, но...

— Такого еще не случалось ни в один Перелом, — покачал головой граф. — Насколько я знаю. Странная история, Ланкен. Очень странная. Что ты скажешь о девице?

Ланкен задумчиво пожевал губами.

— Пока ничего.

— Почему?

— Слишком она... — старик запнулся, подбирая слово, что бывало с ним крайне редко: — Противоречива. Бесстыдный вид, но ни следа кокетства. Неуверенность и раскованность. И еще...

— Что, Ланкен?

— Это точно девица? Не юноша?

— Забавно... — вдвойне забавно, если вспомнить, как долго сам граф смотрел на девушку, а видел перед собой дерзкого мальчишку. — Солли как раз сейчас помогает ей принимать ванну и примерять юбки моей сестрицы, можешь спросить у нее. Откуда сомнения, Ланкен? Что тебя смутило?

— Не знаю, — старик задумчиво пожал плечами. — Что-то есть в ней такое... резкое? Нет, бывают и дамы резкими. Эдакое нечто, именно что не женское...

— Подумай. Присмотрись, она будет обедать с нами. Мне нужно понять эту девушку.

Ланкен почесал переносицу, спросил:

— Что с ней не так, Варрен? Она не похожа на жертву.

— Именно, — хмыкнул граф. — Не похожа на жертву. Я расскажу после обеда, сначала посмотри на нее.

— Свежий взгляд? Тебе давно не требовалась помощь в умении судить о людях.

— Сейчас нужна.

На несколько мгновений в кабинете стусилось молчание. Потом — одновременно — Ланкен встал, намереваясь уйти, а граф заговорил.

— Скажи, Ланкен, давно я последний раз боялся?

Старик ответил спокойно, как отвечал на вопросы о погоде или о свежей почте:

— Семь лет назад, в зимний Перелом. Когда болела барышня Цинни.

— Да, — граф с силой растер лицо ладонями, откинулся на спинку кресла и посмотрел снизу вверх в выцветшие глаза Ланкена. — Так вот, я боюсь. Хуже того, боюсь, что эта девочка не врет. Что я прав в своей симпатии к ней. Что она... ладно, хватит! Поговорим после обеда. Иди, Ланкен. Обед уже через полчаса, мне надо подумать.

— Барышня, ручки сюда... опускайте... спинку ровно... ох, барышня, барышня, что вы такая худенькая! Обед через полчаса, ушить никак не успеем, только булавками сколоть!

Женя вздохнула:

— Ну, давайте булавками...

Местная мода была не то чтобы совсем ужасна, но девушку, привыкшую к джинсам, пугала. Женя слабо представляла, как сможет сделать хотя бы шаг в том, прости Господи, «домашнем платье», которое на нее напялили.

Юбка нижняя батистовая, в миллион мелких складочек, от которых бедра кажутся вдвое толще. Юбка нижняя вторая, тоже батистовая, широченная, как раз чтобы хватило прикрыть весь этот миллион складочек, с зубчатой кружевной каймой по подолу. Платье... ох, платье, спасибо, добрая Солли помогла, сама бы с ним ни в жизнь не справилась! Издевательство, а не платье! Узкий корсаж — на Женю почти в самый раз, но если вспомнить, как Солли причитала о ее худобе... интересно, хозяйка этого платья дышать в нем могла? Глубокое декольте, пышные рукава-фонарики, складки и кружавчики, в зеркало стыдно смотреть. И юбка! Мало двух нижних, так еще и эта уложена широкими складками, как... как драпированные шторы в актовом зале у них в школе! Женя истерически засмеялась, всхлипнула и прикусила кончики пальцев. Хватит рыдать. Это ненадолго. Перенесли сюда, перенесут и обратно, к родным джинсам, автобусам и интернету.

— Барышне к лицу голубое, — Солли довольно оглядела плоды своих трудов. — А теперь прическу. У вас, барышня, такие густые, красивые волосы, загляденье! Мы их завьем...

— Нет! — Женя схватилась за голову, как будто могла этим защитить родной привычный хвост. — Только не завивать!

— Но, барышня!..

— Нет, — уже спокойнее повторила Женя. — Извините. С кудряшками я выгляжу тупой овцой. Не хочу.

— Но нельзя же...

— К тому же мы не успеем, — коварно продолжила Женя, — сколько там осталось до обеда?

Солли всплеснула руками.

— Давайте узел сделаем, — сжалась Женя. — Это быстро, и мне идет. И к такому платью, наверное, красиво будет. У вас ведь найдутся заколки какие-нибудь? Или хотя бы шпильки?

— Шпильки, — Солли просветлела лицом и кинулась к секретеру. Отперла крышку, выдвинула один ящичек, второй, третий... — Вот! Под голубое барышня Цинни носила эти!

Глава 9, в которой разговор Жени с графом фор Циррентом начинается со шпилек и заканчивается анализом воображения авторов фэнтези

— Шпильки? — переспросил граф фор Циррент. Поставил на стол бокал с недопитым вином, еще раз оглядел вышедшую к обеду гостью. Признаться, он думал, что на вежливый вопрос, все ли в порядке, та ответит вежливой же благодарностью, не больше. — Простите, я не очень разбираюсь в дамских булавках. Какая проблема со шпильками и почему ее не смогла решить Солли? К слову, разрешите заметить, в этом платье вы выглядите весьма... — «пристойно», просилось на язык, но граф смягчил мысль: — Милой.

— Спасибо, — комплимент барышню явно не обрадовал. Она поерзала на стуле, расправляя юбки, взглянула на графа с откровенной тоской, вздохнула: — Ужасно непривычно. Юбки, складки... Очень надеюсь, что мне не придется ходить в таком кошмаре весь остаток жизни. А шпильки... ну, вы посмотрите сами!

— Смотрю, — уверил граф. — Вам очень к лицу эта прическа, она делает вас женственной. Шпильки, насколько я понимаю, подобраны к платью. Платье, хм, я не знаток последних веяний дамской моды, но что кошмарного вы в нем находите, не понимаю. Что именно вам не нравится?

— Простите, — кажется, или она и впрямь чуть не плачет? — Мне просто непривычно в десяти юбках, ноги путаются, я все время упасть боюсь! У нас совсем по-другому одеваются!

— Это я понял. Но, пока вы здесь, я бы хотел видеть вас в пристойном виде.

— Ладно, — буркнула девица. — То есть, спасибо, хорошо, я постараюсь.

Граф кивнул, отметив про себя, что девушка схватывает на лету: ее первоначальное «Ладно» тоже нельзя было отнести к пристойному поведению.

— Но все же, — робко сказала барышня, — эти шпильки, они ведь черт знает какие дорогие? Это же серебро и настоящие камни, уж настолько я соображаю!

— И что?

— Но... — она замолчала, явно не зная, какими словами объяснить свое замешательство.

— Барышня, — мягко сказал граф, — вы правы, это аквамарины довольно чистой воды и заговоренное серебро, но я решительно не понимаю вашей паники. Не могли же вы прийти к столу непричесанной.

— Но если... ну, понимаете, — она бросила быстрый взгляд искоса на Ланкена, замялась, — мы ведь не знаем, а вдруг я вернусь домой так же внезапно, как...

— Значит, у вас останется милый пустячок на память о приключении, — улыбнулся граф. — И, барышня, если я говорю, что при ком-то вы можете говорить свободно, это значит, так же свободно, как со мной.

— Ничего себе пустячок...

— Все! — граф вскинул руку ладонью вперед, останавливая спор. — Хватит об этом. Есть более важные темы для обсуждения.

Девушка выпрямилась, сцепила пальцы в замок. Поразительно, отметил граф, в один миг растерянность на лице сменилась сосредоточенным вниманием.

— Я слушаю.

— Как можно, — граф улыбнулся. — Не выставляйте меня нерадушным хозяином, поешьте сначала. Ланкен, передай барышне горский сыр, вчера он ей понравился.

Следующие полчаса были заполнены ничего не значащими репликами, обычными для обеда в полуофициальной обстановке. «Попробуйте — спасибо — вам должно прийти по вкусу это вино — вы угадали, я люблю сладкие — еще кусочек паштета — да, благодарю». К слову о вине, пила барышня весьма умеренно, даже, можно сказать, осторожно. Похвальная черта, но... Проклятые «но», если подозревать девицу в сговоре с магами, то любую мелочь можно истолковать против нее. Ту же самую мелочь, которая делает ей честь, если девушка искренна!

Фор Циррент покосился на секретаря. Ланкен невозмутимо ел, как будто ему не было ровно никакого дела до гостыи. Намазывал хлеб паштетом, запивал вином, неторопливо промокал салфеткой губы. Эдакий гурман в возрасте, которому только и осталось радостей в жизни, что посидеть за богато накрытым столом. Интересно, клюнет ли девица на маску?

Обед Женю нервировал.

Роскошно сервированный стол — не знаешь, за какую вилку взяться, только и остается беспроегрышная стратегия «смотри на соседа и делай, как он». Незнакомые, непривычные блюда, даже безобидный с виду сыр, похожий на сулугуни, на вкус — не сыр, а натуральный фейерверк! Платье это, чертово декольте, корсаж в обтяжку, рукава-фонарики, юбки, как корма у линкора, не шевельнуться в нем лишний раз!

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Да еще этот секретарь!

На первый взгляд, дедуле только и осталось в жизни радости, что закинуться всякими вкусностями. Вот только вряд ли начальник Тайной Канцелярии скажет о безобидном пенсионере: «Говорите с ним так же свободно, как со мной». Да и во взгляде, которым одарил ее этот самый Ланкен, когда Женя передавала ему записку графа, читалось что угодно, только не старческий маразм. Ежу понятно, присматривается.

Конечно, Женя понимала, что ее не оставят без самого пристального внимания. Не дура же, в самом деле. Но почему-то от притворного равнодушия старичка-секретаря она нервничала больше, чем от прямых вопросов графа Циррента.

Когда это мучение закончилось, Женя вздохнула с откровенным облегчением. Жаль только, что запивать еду здесь предполагалось или вином, или водой. Попросить, что ли, снова кипятку? Нет, кофе лучше экономить, днем без него обойтись легко, а вот утром...

Женя выпила полбокала воды, чинно сложила руки на коленях и задумалась, не спросить ли у графа про чай. В смысле, есть он здесь или нет. Что с кофе дела обстоят прискорбно, она уже поняла. Сообразить бы, дома чай появился раньше кофе или позже? И уместны ли аналогии? Она ведь совсем ничего не знает об этом мире.

Засуетились слуги, убирая со стола, а граф подошел к Жене и церемонно протянул руку: — Разрешите сопроводить вас в кабинет.

«Для допроса», — ядовито додумала Женя. Вставая, она запуталась в юбках и едва не уронила стул, и настроение испортилось окончательно. К тому же хватка у графа Циррента оказалась железная, а старичок-секретарь хоть и выдерживал дистанцию, все равно как будто дышал в затылок. Будто Женя могла куда-то от них деться!

Кабинет графа Жене понравился. Причем понравился намного больше, чем тот, который в Тайной Канцелярии. Этот был не так помпезен и куда более захлавлен, но казался странно живым, таинственным и интересным. Как будто там — для

представительства, а здесь — настоящий, не для посторонних. Женя как вошла, так и замерла, оглядываясь. Два стола, у окна и посреди кабинета. На том, что у окна, письменный прибор, предок нынешних органайзеров: никаких вроде бы характерных для старины красотей, чернильница, подставка для ручек — очень простой формы, темное дерево и бронза. Простые жесткие стулья. Сейф — огромный, почти в Женин рост. Высокий, под потолок, стеллаж, забитый книгами, пачками газет, перевязанными стопками бумаг, разного размера ящичками и коробочками.

— Папки у вас, я вижу, еще не изобрели, — улыбнулась Женя. От бумажного хаоса веяло родным и привычным.

— Папки? — переспросил граф.

— У нас? — одновременно с ним удивился секретарь.

Газеты, осенило Женю. Обычные напечатанные газеты! А она думала, здесь средневековье. Нет, явно что-то не сходится!

— Так, — граф отодвинул один из стоявших вокруг центрального стола стульев, кивнул Жене: — Садитесь. Вопросы изобретений оставим на потом, а для начала расскажите еще раз, что с вами произошло. Насколько сможете подробно, до самых незначительных деталей.

Женя кивнула, сцепила пальцы в замок. Пережевывать дурацкое попадалово еще раз не очень-то хотелось, но она и сама понимала: вчера, в горячке первого шока, легко могла упустить что-нибудь важное. Взглянула на старичка-секретаря, пожала плечами:

— Я понимаю, это должно казаться бредом...

Поежилась: почему-то стало холодно, как будто сквозняком по спине протянуло. Дайте обратно любимый свитер...

Рассказывать оказалось легче, чем думала Женя. Зацепилась за первую фразу, прикрыла глаза — острый взгляд Ланкена мешал сосредоточиться, — и, слово за слово, выложила все, что смогла вспомнить. Не так уж мало, кстати. Удивительно, сколько всякой ерунды застряло в памяти. Вроде того мальчишки на дереве, или здорового мужика, расталкивающего толпу вокруг бочки с выпивкой, или другого, уронившего кружку на ногу своему дружку. Низкие мужские голоса, поющие что-то непонятное. Ошалевший взгляд парня, в которого она случайно врезалась. Крохотные радуги на концах ветвей, по окоему желто-зеленых не опавших листьев, на кончиках собственных пальцев.

— Радуги? — переспросил граф. — Вы что-нибудь ощущали? Холод, жар, покалывание, жжение?

— Нет, — Женя растерянно мотнула головой. — Не помню ничего особенного.

— А не особенное?

— Ну... — растерялась Женя. — Помню, я подумала, что красиво. Я сначала на деревьях это заметила. Правда, очень красиво. Листья, а по краю всполохи. Я загляделась, но глазам ярко было, от солнца. Рукой прикрылась. Гляжу, вокруг ладони тоже... я еще подумала, что это от солнца, ну, знаете, когда на яркое насмотришься до пятен в глазах. Пошла в тень. Хотела постоять с закрытыми глазами, пока не пройдет, но, понимаете, когда вокруг полно пьяных мужиков... страшно, в общем. Так что я искала местечко, где людей поменьше, и тут меня ваш человек подцепил. Вот. А дальше вы и сами знаете. И я даже не заметила, когда эта радуга пропала. Просто... отвлеклась, и все, — Женя чуть не плакала, ну правда, как можно было сразу не сообразить: происходит что-то необычное, обрати внимание! Вот растяпа!

Граф задумчиво хмурился, постукивая кончиками пальцев по краю стола. Хотела бы

Женя знает, что у него сейчас в голове... Почему-то казалось — ничего утешительного.

Граф фор Циррент слушал, постукивая кончиками пальцев по столу — привычка, от которой долго отучался, возвращалась в минуты крайней задумчивости. Хотел бы он знать, что у барышни сейчас в голове! Как проверить, если все зацепки — в другом мире?

Однако выходит так, хмыкнул про себя граф, что в другой мир я уже поверил. Слишком оно бредово; втираясь в доверие к начальнику Тайной Канцелярии, разумней выбрать менее эпатажную и более доказательную легенду. Или цель — не сам фор Циррент? Его высочество Ларк, например, вполне способен клюнуть на подобную чушь, если ее подкрепить несчастным видом трагически пострадавшей девицы. При всех своих достоинствах как политика и военного, принц, увы, неисправимо романтичен.

И, к сожалению, слишком мешает некоторым...

Нет, оборвал цепочку предположений граф, если бы девушку хотели подсунуть принцу, ее не оставили бы без присмотра, а сразу после переноса взяли бы аккуратно и переправили в Офицерское Собрание. Вполне логично выглядело бы, тем более в ночь Перелома. У принца хватило бы ума еще и наградить того, кто приведет ему такую интересную находку.

Однако молчание затянулось, нехорошо.

— Вынужден вас огорчить, — граф поймал взгляд барышни Жени и постарался сделать голос как можно более сочувствующим. — Полагаю, что быстро мы вашу проблему решить никак не сможем. Особенно учитывая... трагическое происшествие. Велика вероятность, что именно погибший осуществлял ваш перенос сюда. Картина экстремального энергетического истощения слишком очевидна, вряд ли господа маги просто развлекались в честь праздника. Других же энергоемких ритуалов... Строго говоря, мы не можем утверждать, что не проводилось, но вероятность крайне мала.

— То есть... — девушка запнулась. Прикусила губу. Неловко пожала плечами. — То есть, я застряла, получается? А другие маги? Если их попросить?

— Мало кто из столичных магов способен к волшебству такого уровня. И, признаюсь честно, я бы трижды подумал, прежде чем связываться с теми, кто способен. Хотя пока советую вам не терять надежду. Возможно, кого-то из них удастся припереть к стенке.

— Но... что же мне делать?

— Ждать. Полиция ведет расследование, я, со своей стороны, поработаю с верхушкой Гильдии.

— Понятно, — вздохнула барышня. — Я могу чем-то помочь?

Занятно, подумал граф, весьма занятно. Естественной реакцией были бы слезы, а не вопрос по делу. Интересная девица ему попала.

— Лучшей помощью, милая барышня, будет не мешать. Меньше всего нам нужны слухи. Вы, кстати говоря, хоть представляете себе интерес, который может вызвать у тех же магов человек из другого мира?

Кажется, девушка хотела сказать «да». Но, едва открыв рот, захлопнула, нахмурилась и затихла. Похоже, честно обдумывала варианты. Любопытно...

Подняла голову, пожала плечами:

— Я же не знаю, что к чему в вашем мире. Как я могу представлять? Может, вашим магам просто будет интересно узнать, как и что у нас. Может, я покажусь им подходящим существом для опытов. А может, я тут нарушаю какое-нибудь равновесие, и меня радостно выкинут обратно. Или без затей убьют. Данных нет для предположений. Строго говоря, если подходить к вопросу логически, я и вам верить не могу. Просто у меня выбора особого нет.

— Умно, — одобрительно кивнул граф.

Барышня снова пожала плечами:

— Что тут такого умного? Элементарно все.

— Значит, вы мне не верите, но следовать моим советам согласны? — граф задумчиво хмыкнул.

— Ну, можно и так сказать, да.

— Хорошо. Такая позиция меня устраивает. Надеюсь, вам будет не слишком в тягость несколько дней посидеть в четырех стенах. Пока ситуация не прояснится.

— Конечно, — девушка кивнула, явственно подавив недовольный вздох.

— И вот еще что. Вы говорили, в вашем мире нет магии.

Снова кивнула.

— Тем не менее, ваши знания о ней, насколько я заметил, не слишком похожи на пустые фантазии.

— В смысле? — девушка подняла голову, уставилась с откровенным недоумением. Святое древо, какой у нее прямой, честный, искренний взгляд! Будет жаль, если это окажется гениальной игрой.

Граф усмехнулся, вновь загоня поглубже невольную симпатию.

— Барышня, опишите мне скалистого дракона.

— Но... ой, у вас и драконы водятся?!

— Кто у нас только не водится. Ну же, я слушаю.

— Но как я могу описать его, если никогда не видела?

— Попробуйте. Подключите воображение.

— Ну...

Теперь барышня стала похожа на нерадивого ученика, отвечающего невыученный урок. Устремила взгляд к потолку, будто на нем ответ написан. Пожала плечами, прикрыла глаза.

— Ну, большой, наверное. Сильный. Летает. Цвет... в цвет скал, наверное, чтобы издали незаметно. А может, и нет. Не знаю я!

— Не знаете, — кивнул граф. — И потому ваши предположения не совпадают с истиной ни на волос. Скалистый дракон, барышня, это вот такая, — он раздвинул пальцы, обозначая размер, — ящерица-хамелеон. Бегает по камням, ловит мух. Гребень у нее на голове, как у дракона.

Барышня хихикнула и спросила:

— А магия здесь при чем?

— А магия при том, милая барышня, что она знакома вам явно больше, чем ящерицы и драконы. И я хотел бы знать, откуда.

— Фентези читать люблю, — хмыкнула девица. Пояснила: — Такой жанр книг, где на магии все замешано. Знаете, у некоторых авторов воображение...

— Каким бы ни было воображение, не бывает дыма без огня, а огня без топлива. Значит, откуда-то, какие-то, но знания о магии в вашем мире есть. Откуда, вы ответить, очевидно, не сможете, но какие, я хотел бы уяснить.

— Хорошо, давайте попробуем, — барышня Женя открыто улыбнулась. — Это даже интересно, в самом деле.

Уяснять пришлось до позднего вечера, с перерывом на ужин и с еще одним — на записку от Фенно-Дераля. Грент писал явно наспех, чуть ли не на коленке. «Страунгер утверждает, что все магистры на месте, о трупе не знал, пояснения о праздничной волшбе

давать отказался. Заключение эксперта: погибший мужчина 18–20 лет, время смерти вчера два — три часа пополудни, характер чар определить затруднительно». Негусто.

Хотя зацепку дает и это: возраст ученика, в лучшем случае подмастерья, а на мантии знаки мага первой категории... Но поди еще разберись с такой странной зацепкой.

Что же касается знаний барышни Жени о магии, то каша у нее в голове творилась преизряднейшая, нарочно такую не выдумаешь. Конечно, сортировать эту кашу лучше бы не самому, а с помощью мага, вот только магов надежных у начальника Тайной Канцелярии под рукой нет. Поэтому, отпустив зевающую девицу спать, граф фор Циррент взял два листа бумаги и начал записывать на один различия, а на другой совпадения. Завтра надо повторить. А лучше дня через три-четыре, когда мелкие подробности сегодняшней беседы сотрутся у барышни из памяти.

Завтра же стоит выяснить другой, не менее важный вопрос: как в мире без магии выглядит армия?

Глава 10, в которой порученец принца Ларка заключает пари, а Леони Паллен получает плату за то, что с радостью сделал бы и бесплатно

На этот раз принц Ларк танцами пренебрег. Слов нет, на балах в Офицерском Собрании собираются отменные красотки, но даже самые лучшие сласти имеют свойство приедаться. Иной раз посидеть в тесной сугубо мужской компании куда приятней.

Вина было много, и разговор шел того необременительно-легкого свойства, когда знаешь, что через два-три дня подробности сотрутся из памяти, и плевать, не жалко. Ничего по-настоящему важного: шутки, тосты, дружеский треп, подначки, снова тосты, споры о лошадях, женщинах и оружии, слухи о положении дел на одарских границах и в колониальных морях, короче, те самые темы, которые позволяют мужчинам пить долго и со вкусом, не замечая времени.

Когда среди прочего речь зашла о магии, принц Ларк поморщился. После прошлогодней южной кампании он недолюбливал магию и — особенно! — магов. Вспомогательные силы, а гонору на весь генеральный штаб хватит и еще останется. Как же, без них никуда! Войско от противника скрыть, быструю связь обеспечить, а при особой удаче — заставить вражескую атаку захлебнуться, спутав ряды. Хорошо еще, что атакующий потенциал у магов почти нулевой, а то было бы не благородное искусство войны, а черт знает что. И магистры вместо генералов, упасите небеса.

— Но, ваше высочество! Вы ведь не откажетесь признать, что именно своевременное магическое вмешательство обеспечило нам победу в Змеином ущелье?

Шоррентен. Вот тоже недоразумение — дворянин, старший наследник древнего рода, а дай ему пистолет, себя же и пристрелит. Студентиска, гусь ученый. Ничего тяжелее пера в руках не держал, войну только по газетным сводкам знает, а туда же, рассуждать. Нет, принц Ларк-Элиот-Дионн ничего не имел против учебы, он и сам два семестра ходил на лекции по картографии, в дополнение к обязательной для наследника престола программе: право, экономика, военное дело... Но, черт возьми, знания должны прилагаться к практике, а не оставаться пустыми умствованиями!

— Откажусь, — принц заметил, что сжимающие ножку бокала пальцы побелели, и осторожно поставил бокал на стол. — Победу в Змеином ущелье обеспечили героические действия горных стрелков полковника Хентеля, задержавших противника до подхода основных сил. Без этого все магическое вмешательство свелось бы к уменьшению потерь при отступлении.

— Но мне рассказывали... Да и «Столичный вестник», помнится, писал...

— Мы там были, граф фор Шоррентен. Я и еще с десятков присутствующих. Вон, герцог фор Гронтеш был, граф фор Виттенц, капитан Ланцэ. А вы слушали чужие рассказы. Причем, как я понимаю, рассказы магов? Разумеется, они приписали себе в заслуги все, что могли, и еще немного сверх того.

Студентиска оказался упрям:

— Но не станете же вы отрицать, что без вмешательства погодников...

— Стану! — отрезал принц Ларк. — Мы бы справились. Без погодников и даже без менталистов. Без лекарей — нет. Маги полезны, граф, этого я не отрицаю, но, черт возьми,

не тогда, когда они опаздывают на два часа против условленного времени, и все эти два часа войско держит заведомо проигрышные позиции! Если бы мы не надеялись на магов и сразу строили схему сражения без учета их помощи, все могло сложиться иначе! Да, было бы сложнее. Да, риск был бы выше! Но при удаче мы избежали бы тех чудовищных потерь...

— А потом их еще и награждают, — буркнул из-за спины Реннар.

— Да, — согласился с верным порученцем принц. — Самое трагическое недоразумение той битвы — награды для тех, из-за кого мы чуть не проиграли. Политика, понимаете ли. Подсластить господам магистрам ограничительный эдикт. Я бы лучше вообще магию запретил.

— Н-невозможно, — Шоррентен натянуто рассмеялся и налил себе еще вина. Худые пальцы тряслись.

— К сожалению, вы правы. Невозможно. Чертова политика, — Принц взял бокал и молча допил вино. Настроение испортилось.

— Но, ваше высочество, вы не боитесь, что магия отомстит за такие слова? Древние трактаты говорят нам, что на силе магии з-зидется мир, и потому... э-э...

— Забыл, — съязвил Реннар.

Принц коротко рассмеялся.

— Вам вредно много пить, граф фор Шоррентен. Магия — всего лишь слепая энергия, не наделяйте ее человеческими устремлениями. Древние трактаты могут наговорить какой угодно мути, но вы, раз уж собираетесь посвятить жизнь науке, могли бы думать самостоятельно, а не повторять древнюю чушь.

— Факты... то есть, рассмотрим факты, — Шоррентен икнул и нахмурился. — Древние говорили, что основные источн-ники магии находятся в священн...н-н...ных рощах. Современ...н-н...ная наука н-н...не опровергает! Н-находятся!

— Готов, — граф фор Виттенц посмотрел на Шоррентена с тем же презрением, с каким в Змеином ущелье глядел на смерчи, идущие на стрелков со стороны вражеских магов.

— И при чем тут, спрашивается, источники магии, — хмыкнул незнакомый принцу капитан в форме дворцовой гвардии. Ларк нахмурился, пытаясь вспомнить: ему казалось, гвардейцев он знает всех. Впрочем, недавно было несколько новых назначений...

— Полагаю, — откликнулся фор Виттенц, — граф хотел привести в пример те древние легенды, в которых священные рощи наказывают за вторжение всяческих непочтительных святотатцев. И, уж простите, ваше высочество, может, древние трактаты и чушь, но я бы не рискнул проверять их на собственной шкуре. Маги, конечно, такие же люди, как и мы, они руководствуются простыми человеческими побуждениями, и потому их легко просчитать. Но магия — это другое дело. Магия непостижима, и лично я предпочел бы держаться от нее подальше.

— Ерунда, — сунулся в спор Реннар. — Есть в наших землях такая роща, сколько раз я в нее ходил, не сосчитать. И сколько там ворон с веток посбивал, сначала камнями, а как подрос — из пистолетов. Ничего, жив до сих пор.

— Не знаю, что там в ваших землях, — холодно возразил фор Виттенц, — а на Дубовом острове каждый год люди пропадают.

— Хотя туда никто никогда не ходит, — негромко подбросил Ларк.

Грянул хохот.

— Если кто пойдет, не вернется, — покачал головой фор Виттенц. — Я не считаю себя трусом, но я бы не рискнул.

— Чего бояться? — пожал плечами Ларк. — Что дубы силой магии выроют корни из земли и задушат пришельца?

— А потом там же и заруют, — подхватил Реннар. — Хотите, я пройду это рощу из конца в конец, сосчитаю, сколько в ней дубов, и принесу по желудю с каждого дуба?

— Пари? — поднял брови фор Виттенц.

— Пари, — согласился Реннар. — Если я выиграю, вы, граф, съедите все эти желуди.

— А если проиграете?

— Если я проиграю, я не вернусь, верно? — Реннар широко и сладко улыбнулся.

— Почему же, — фор Виттенц старательно изобразил столь же сладкую улыбку. — Вы можете вернуться, не дойдя до цели. В конце концов, ваша жизнь, герцог, дороже тех нескольких минут позора, которые вам придется пережить, обходя Офицерское Собрание на четвереньках.

Несколько минут граф и герцог сверлили друг друга неприязненными взглядами.

— Очевидно, понадобятся секунданты, — вздохнул принц. — Я готов идти со стороны фор Гронтеша. Кто пойдет от вас, граф?

— Я могу, — после нескольких минут молчания отозвался капитан Ланцэ. — Хотя, признаться, мне не нравится этот спор. Господа, возможно, вам стоит примириться? Мы все здесь боевые офицеры, какое нам дело до магии?

— Пари заключено, — криво улыбнулся Реннар и залпом допил свое вино.

— Заключено, — подтвердил фор Виттенц. — Время?

— Завтрашнее утро вас устроит?

— Десять часов.

— Принято.

Спорщики ударили по рукам.

— Завтра утром, в десять часов. С принцем будет его бешеный порученец. И еще граф фор Виттенц и какой-то капитанишка.

— Отлично, — маг в надвинутом на лицо капюшоне, так и оставшийся для Леони безымянным и безликим, размял ладони, как будто готовясь к драке. Пальцы у него были тонкие и нервные, белые, с ухоженными ногтями. Аристократические.

Леони Паллен аристократов не любил. А за что их любить честному купцу? Налогов не платят, всей пользы — что денежки швыряют на ерунду, которую здравомыслящий человек ни в жизнь не купит, а гонору — словно без них и солнце не взойдет. А уж обнеси такого славой или благами, праведному гневу конца не будет.

На чем и могут сыграть умные люди.

— Твоя плата, — в подставленную ладонь Леони Паллена упал увесистый кошелек. — И запомни, ты никогда меня не видел. Если понадобишься, сам тебя найду.

— Конечно, господин, — Леони поклонился, а когда выпрямился, маг уже уходил. — Обращайтесь в любое время, господин, — улыбнулся вслед Леони. — Буду счастлив оказать услугу.

Развернулся и пошел домой. Кошелек приятно оттягивал карман. Пятьдесят серебряных фрегатов — именно за такую сумму Леони подрядился организовать появление принца Ларка на Дубовом острове. Что там у господина мага выйдет с принцем дальше, уже не его, Леони Паллена, забота. Получится избавиться — замечательно. Нет — тоже ничего, свои-то деньги Леони получил. За работу, которую рад был бы сделать и бесплатно, и даже приплатить свои кровные. Господа маги, те, которые вышли из аристократов, в некоторых

вещах поразительно глупы. Сословная заносчивость, видно, играет. Им мешает наследник, который продолжит линию нынешнего короля, это ясно. Но почему-то до их замутненных гордостью мозгов упорно не доходит, что ограничительный эдикт бьет, собственно, не только по магам.

Ну и хорошо, что не доходит, а то не видать бы Леони Паллену полусотни серебряных фрегатов, а денежки лишними не бывают. Купеческий сын, Леони цену деньгам знал отлично. Кто-нибудь вроде фор Шоррентена тут же спустил бы неожиданный доход на вино и веселых девочек, ну так что с графчика возьмешь. А он, Леони, отдаст этот кошелек отцу и попросит вложить в дело. Отец как раз снаряжает корабль на Гвоздичные острова, и через год, если плавание будет удачным, Леони получит на свои полсотни серебряных фрегатов пару сотен золотых.

Чертов ограничительный эдикт. В колониальной торговле и без того достаточно рисков, а теперь, когда купцам запретили нанимать магов, снарядить корабль в колонии — все равно что поставить деньги на кон в чет-нечет. Повезет — сорвешь немаленький куш, нет — гнить твоему кораблю на дне морском, или плавать под пиратским багряным флагом, или возвращаться бесславно с пустыми трюмами. Ясно, что маги нужны прежде всего короне, но хорошо бы и меру знать! Купцы, в конце-то концов, тоже короне нужны, и не разоренные, а богатые, чтобы налоги платили, чтобы везли на рынки товары, а не стояли с протянутой рукой у ссудных контор. Если нынешний король и его наследник не понимают этой простой истины, то заменить их сам бог велел! Государством должен управлять тот, кто понимает пользу для государства. А польза — в том, чтобы государство становилось богаче! Кто богат, тот и силен, уж в этом купеческий сын Леони Паллен не раз за свою жизнь успел убедиться.

Тишина центральных улиц сменилась привычной многолюдной суматохой: припортовый район, где располагался торговый дом «Паллен и сыновья», не спал никогда. Праздники — это для бездельников, а уж отдых после праздников — и вовсе. Такую чушь только высокородные гуляки и могли придумать. Леони раскланялся с соседкой, идущей с рынка — в корзине овощи, зелень, следом служанка тащит ведро с живой рыбой. Приостановился справиться о здоровье у старика Желля, бывшего шкипера, до сих пор тоскующего по открытому морю. Здесь Леони Паллен был своим — намного более своим, чем в шумных студенческих компаниях. Там он носил маску, а здесь был собой.

— Ты поздно, — ворчливо приветствовал отец.

— Да, припозднился, — согласился Леони. — Я провернул удачную сделку, отец. Вложи эти деньги в дело, хорошо?

Кошелек глухо ударился о стол. Леони распустил шнуры завязки, и новенькое, недавней чеканки серебро волной хлынуло на темно-зеленую скатерть.

— Что тебе пришлось сделать за такой куш? — нахмурился отец. Ласс Паллен всегда отличался подозрительностью и крайней осторожностью.

— Добыть немного информации, — усмехнулся Леони. — Я бы еще сказал, подтолкнуть одного придурка к опасной прогулке, но там мне не пришлось трудиться. Дельце, конечно, не из тех, о которых можно рассказать соседям, но я остался с чистыми руками.

— Если ты вздумал якшаться со всяким сбродом...

— Наоборот, — Леони рассмеялся. — Я не стал бы связываться со сбродом, зачем? Дело, на котором я заработал, касается исключительно знатных особ.

— Еще опаснее. Ты разве не понимаешь, аристократы прикроют друг дружку, а спросят

с простолюдина.

— Эти не прикроют, не тревожься, отец. Там хорошая, чистая вражда, замешанная на выгоде, хотя знатные господа и отрицают, что низменное слово «выгода» может касаться их даже самым краем.

— Хорошо, — темные пальцы Лесса Паллена привычно складывали монеты столбиками. — Деньги вовремя, Леони. Корабль готов к плаванию, и команда засиделась на берегу. Я все хотел найти туда мага... и, Леони, сынок, я его нашел. Неопытный, только из учеников, но разве сейчас станешь придиратся. Маг на корабле нужен, что бы там ни говорили королевские эдикты...

Леони широко улыбнулся. Кажется, его чет-нечет выпал правильной стороной.

Глава 11, в которой начальник столичной полиции и начальник Тайной Канцелярии пьют вино и разговаривают о женщинах, а позже к ним присоединяется Женя

— Значит, нашего кругом невинного верховного магистра вы отпустили с миром? — уточнил фор Циррент.

— Пришлось, — начал Фенно-Дюраль. Замолчал, пока слуга расставлял на столе вино и легкие закуски: граф фор Циррент даже у себя дома говорил о серьезных делах только в кабинете, но считал, что эта привычка не должна препятствовать гостеприимству. Слуга вышел, беззвучно притворив за собой дверь, и виконт продолжил:

— Пришлось. Вот если бы ваш свидетель...

— Исключено, — прервал граф. — Поверьте, Грент, мой свидетель ничем бы вам не помог в работе с магистром. Страунгер, скорее всего, даже не подозревает о нем, иначе не отпустил бы так просто из Чародейного сада.

— Но то, что он видел...

— Недоказательно, к сожалению. А выводами я с вами поделился сразу же.

— Хорошо, — неожиданно сдал назад Фенно-Дераль. — Для расследования ваш свидетель не годится, пусть так. Но, Варрен, я вынужден настаивать хотя бы на неофициальном знакомстве.

— Вы не верите мне?

— Отчего же. У меня нет причин не доверять вам, как, осмелюсь надеяться, и у вас нет причин отстранять меня от важной для дела информации. Поймите же, Варрен, у меня не складывается общая картина, я чувствую, что упускаю нечто важное, ключевое!

Нет, все-таки Грент, идущий по следу, и в самом деле заслуживает прозвища «Бульдожьей Челюсти». Столичная шпана уж если кого наречет — едко, но метко. Фор Циррент кивнул:

— Я понял вас, господин начальник полиции. Хорошо. Одна просьба: то, что вы узнаете, не должно покинуть пределы моего кабинета. Иначе крупная рыба может испугаться.

— Договорились, — Грент широко, хищно усмехнулся — как всегда, когда Варрен переходил на официальные именованья. Как будто это шутка... хотя в какой-то мере так оно и есть, слишком давно и хорошо они друг друга знают.

Граф дернул шнур звонка:

— Ланкен! Будь добр, пригласи барышню Женю.

— Барышню? — со значением переспросил Грент, проводив Ланкена взглядом. — Теперь понятно, почему вы так усердно не подпускали меня к своему свидетелю. Защищали от волнений. А я уж, признаться, вообразил невесть какую чушь.

— Грент, вы меня полжизни знаете. Неужели я стал бы мешать расследованию ради того, чтобы пощадить девичьи нервы? К слову, нервы у милой барышни крепче наших. Нет, дорогой мой начальник полиции, резоны у меня сугубо деловые. Да вы сами поймете, вы ведь не хуже меня видите, когда информация перспективна для разработки. Попробуйте

это вино, — кивнул на узкую бутылку зеленого стекла, — Цинни прислала.

— Тирисское? — скептически уточнил виконт. — У дамы Лецинии прекрасный вкус, но я сомневаюсь, что северяне научились делать пристойные вина.

— Правильно сомневаетесь, — усмехнулся граф. — Одарское горное. Будете смеяться, Грент, но это банальная, самая что ни есть пошлейшая взятка. Некий одарский шевалье всячески задабривает графа Скавалля и его прекрасную жену, пытаясь добиться их протекции в некоторых светских салонах. Тех, что открыты для сугубо избранного круга. Цинни наслаждается игрой, попутно пользуясь ее плодами. Вино, к слову сказать, и в самом деле отменное.

Виконт пригубил густо-багряную жидкость, кивнул:

— Вы правы, отменное. При случае передавайте мое искреннее восхищение даме Лецинии. Ваша сестра, Варрен, женщина редких талантов.

Начальник столичной полиции и начальник Тайной Канцелярии не торопясь пили вино, закусывали сыром и паштетом и говорили о не важных в данный момент, но всегда интересных вещах: о тирисских туманах, одарских шпионах, прекрасных женщинах и тех нитях, что связывают в единую густую паутину столь разные явления.

— В Тириссе вечно туманы, — квохтала Солли. — Дождь, слякоть, сырость, солнечных дней в году раз-два и обчелся. У нас-то здесь шалей не носят, а там это первая вещь в гардеробе любой дамы. Барышня Цинни приезжала прошлой зимой и оставила здесь те, что ей разонравились. Выбирайте, барышня, не стесняйтесь. Вы, верно, из теплых краев, раз так мерзнете.

Нет холодной погоды, хотела ответить Женя, есть слишком легкая одежда. Кто ж носит среди осени платье с открытой спиной и короткими рукавами-фонариками! В свитере бы не мерзла.

Но, пожалуй, шали неизвестной, но уже почти родной «барышни Цинни» — вполне достойная замена любимому свитеру. Тонкие, но стоит укутать в них руки, и ладоням сразу тепло. Мягкие, нежные на ощупь, так и ласкают кожу. Хоть что-то хорошее есть в местной моде! Барышне Цинни они разонравились, наверное, за расцветку, или просто цветочные мотивы вышли из моды. Полтора десятка платков, косынок и шалей, и все — в цветах. Голубая в ромашках и розовая в маргаритках, белые розы на черном и алые на белом, сердечки из незабудок, букеты, веночки и прочая девичья дребедень. Вот бы такую же, но однотонную, думала Женя, накинув на плечи серебристую, изукрашенную золотыми лилиями и золотыми же кистями шаль. Мягкая ткань струилась складками, невесомо щекотала спину и грела, грела! Женя повернулась к зеркалу. Вздохнула: к этому платью не идет, сюда придется брать голубую с незабудками. И ходить, как незабудковая клумба. Да и вообще к платью шаль — не то, пышные юбки портят все впечатление, вот с брюками смотрелось бы шикарно...

В дверь постучали, Солли выглянула, обернулась:

— Барышня! Вас господин граф просят.

Женя сбросила шаль, поежилась — холодно! Схватила ту самую с незабудками, что в тон платью, накинула, даже не взглянув в зеркало, и торопливо вышла. Вряд ли, но вдруг, вдруг — домой?..

Едва войдя в кабинет графа, поняла — нет, о доме пока речи не пойдет. У фор Циррента сидел давешний мент из парка, тот, с которым они друг друга по именам звали. Сейчас, значит, снова начнется: что видела да где видела, да точно ли не заметила, как чувак в

нарядной мантии из живого человека в мумию превращался.

Хотя, если уж честно, мент Жене понравился. Располагающий мужик, не то что граф. Лицо спокойное, мягкое, без хищной резкости, даже, пожалуй, добродушное. Женя улыбнулась в ответ на улыбку симпатичного мента, подумала, что его светло-серые, почти голубые глаза обалденно смотрятся с темными волосами, но взгляд все-таки профессиональный, цепкий и пристальный, под которым так и хочется поежиться.

— Садитесь, барышня, — фор Циррент галантно отодвинул стул, подал руку. — Разрешите представить: мой старый друг виконт Фенно-Дераль. Из полиции. Вина?

Женя хотела отказаться, но вдруг подумала: а почему нет? Какого черта, в самом деле? Настроение ниже плинтуса, просвета не предвидится, а если граф задумал ее подпоить, так это его проблемы. От выпивки Женю обычно тянуло жаловаться и хныкать, ей-то ничего, а окружающим приятного мало. Говоря откровенно, дома она именно поэтому даже на Новый год предпочитала обходиться минералкой.

— Девушке прилично напиваться в компании посторонних мужчин? — спросила все же она, больше в шутку.

— Категорически неприлично, — согласился граф. — Но вы моя гостья.

— А нас можно сейчас считать не за посторонних мужчин, а за представителей закона и порядка, — подхватил мент.

— Представители закона и порядка не должны спаивать пострадавших. Но все равно, давайте. Кажется, мне и в самом деле не помешает расслабиться.

А граф уже наливал из темной бутылки в стеклянный бокал — густо-красное, почти черное в неярком освещении кабинета. Бокалы здесь были будь здоров, грамм на триста, не меньше, но и закуски на столе хватало.

— Гулять так гулять, — пробормотала Женя.

Вино ей понравилось: терпкое, не кислое и не приторное, с необычным дымным привкусом, и пахнет — аж голова кругом идет. Ягодами, костром, осенью — точнее и слов не подберешь. Напьюсь, решила Женя. И пропади все пропадом.

— Я, наверное, совсем вас измучил, — начал граф, — но вынужден просить снова рассказать, как именно вы к нам попали.

Ясно, она была права, к делу подключается полиция. Наверное, это хорошо. Женя улыбнулась менту-виконту, сделала еще глоток вина и начала рассказывать. Теперь это оказалось совсем легко: все, что могла вспомнить, она вспомнила в прошлый раз, оставалось только повторить. Мент слушал, кивал, иногда задавал вопросы, граф подлил вина в опустевший бокал, Женя спохватилась, что надо бы закусывать, задумчиво сжевала ломтик сыра и вдруг сказала:

— А знаете, я вот сейчас подумала. Этот чувак, который мумия, он ведь мог сам по себе меня сюда перетащить. То есть, я имею в виду, если их несколько было, то все путем, можно концы найти, а если нет? Если никто другой и знать не знал? Что тогда?

— Тогда дело закрывается за отсутствием преступника в живых, — пояснил мент.

— Ага, — мрачно согласилась Женя. — А я остаюсь здесь на веки вечные, аминь, здравствуй, детка, песец пришел.

— Простите?

— Не обращайтесь внимания. Это вино. Теперь меня прошибет на жалобы о тухлости жизни.

— Юной красивой девушке не пристало жаловаться на жизнь, — граф Циррент коварно

подлил еще вина. — Жалобы — удел стариков. Расскажите, как вы жили у себя?

Смешно, он, кажется, и в самом деле собрался внимательно слушать нытье нетрезвой гостьи. Рассчитывает на пьяную откровенность? Или у него такой метод показания сверять? Ну, пусть. Дома Женя насторожилась бы от такого навязчивого внимания, скорей всего, даже постаралась бы уйти, а здесь — уходить некуда, и скрывать, по большому счету, тоже нечего.

— Если честно, мне ведь даже не к кому возвращаться. Родителей нет, друзья-подруги погрустят, но у них своя жизнь, а от бывшего мужа чем дальше, тем лучше.

Граф и виконт отреагировали одновременно и почти одинаково:

— Вы замужем?

— Вы сбежали от мужа?

— Я была замужем, — с нажимом поправила Женя. — Полтора года была и полгода как в разводе. У вас понятие «развод» есть вообще?

О разводе пришлось объяснять. Об Олеге тоже, и для этого понадобилось выпить еще. Вот уж действительно, о некоторых вещах только с пьяных глаз и откровенничать. О том, из-за чего Женя потребовала развода, уважающая себя женщина на трезвую голову разве что в суде будет рассказывать, и то вряд ли. Хорошо, что у них с Олегом до суда не дошло. Не смогла бы Женя перед чужими людьми вытряхивать, как муж водил начальство по проституткам, возвращался пьяным, пахнувшим чужими бабами, а, протрезвев, объяснял: «Все так делают, это правила игры, а ты должна мне ноги мыть и воду пить, кручусь как бешеный, лишь бы в доме деньги были».

Даже странно, что сейчас — смогла, рассказала, почти не запинаясь. Перед не просто чужими — мужиками. И не настолько уж пьяная. Может, потому что до сих пор кажется, что вот-вот проснется, а во сне все можно?

— Значит, развод, — симпатичный мент смотрел вроде бы на Женю, но так рассеянно, будто видел кого-то другого. — Вчера замужем, а завтра при живом муже свободна. Если вам, дама, придется задержаться в нашем мире, не советую делиться с кем-либо этой идеей. «Безнравственно, цинично и мерзко», — самые взвешенные отклики, которые вы получите.

— Я уже «дама»? — Женя сама не знала, почему вдруг зацепилась за изменившееся обращение. Почудилось что-то неприятное в интонациях, вроде как в трамвае обхамили: «Что это вы, дамочка, локти здесь растопырили». Накатила обида, хорошо, хватило еще ума понять, что всему виной — последний бокал. — Ладно, спасибо, хоть шлюхой не припечатали. Вот так и рассказывай о жизни в другом мире. А вы бы как полицейский прикинули, что лучше. В плане профилактики бытовых преступлений.

— Это первое, о чем он подумал, — уверил граф. — А совет вам дал исключительно из добрых побуждений. К слову, совет весьма правильный.

— Это я поняла. — Женя демонстративно отодвинула бокал: пить не то чтобы расхотелось, но просто больше не стоило. Иначе дело и вправду кончится пошлыми пьяными слезами, а потом будет стыдно. Очень стыдно.

— Тогда закроем тягостную для вас тему. И, разумеется, если вам неприятна «дама», мы можем вернуться к «барышне». В конце концов, вашего мужа здесь нет. Но все же, как вы жили у себя, расскажите? Вы говорите, вам не к кому возвращаться, но вы хотите вернуться.

— А вы бы не хотели? Там мой дом, мой мир, моя работа, моя, в конце концов, родина...

И какая разница, что на работе незаменимых нет, а дома не ждет даже кошка. Хотя,

была бы кошка, Женя бы уже издергалась. Хорошо, что так и не завела.

Ладно. У них ведь наверняка профессиональный интерес, а не праздное любопытство ради поддержания разговора. Поговорим.

Почему-то вместо слез Женю разобрал злой азарт. То ли вино у них здесь другое, то ли, Олега вспомнив, завелась.

— И не держите меня за блондинку, я прекрасно понимаю, что вам на самом деле интересно. Тайная Канцелярия — это ведь что-то вроде полиции, но серьезней? С какой радости вам сдалась моя жизнь? Подъем в шесть по будильнику, терки в бабском коллективе, любимые сериалы и список закладок в интернете? Вам нужно, как у нас воюют, какая медицина, наука и прочие достижения. Элементарно же. Но я, знаете, не нарисую чертеж танка или формулу пенициллина — не специалист. Моя работа — сидеть за компом и заполнять скучные таблицы по расчетам себестоимости. Вас интересует себестоимость автомобильных деталей? Думаю, нет, у вас и автомобиля-то еще не изобрели.

— Почему «за блондинку»?

— Что такое автомобиль?

Женя невольно хихикнула: вот уж два мента, снова спросили одновременно.

— Насчет блондинки, это у нас так говорят иногда, в основном про глупых наивных девочек. А автомобиль, упрощенно говоря, карета, которая едет без лошади.

— Магия?

— Механика. И двигатель внутреннего сгорания. Чертеж двигателя я вам тоже не нарисую, хотя упрощенный принцип знаю, школьную программу еще не совсем забыла.

— В ваших школах изучают двигатели?

— Что у нас только не изучают. Человек вроде как должен иметь представление о мире, в котором он живет, верно? Я имею в виду, нормальное представление. С географией, историей, литературой и базовыми знаниями по основным наукам. В этом плане я много чего рассказать могу, хотя сомневаюсь, будет ли вам интересно.

— Зря сомневаетесь.

— Разумеется, нам интересно.

Теперь Женя рассмеялась в голос. Граф подлил еще вина, сказал:

— Кажется, на не существующих в нашем мире понятиях заклинание сбоит. Из того, что вы сказали, я не понял добрую половину. Расскажите попонятней. И, к слову, зря вы думаете, что ваша жизнь менее интересна, чем ваши медицина, военные достижения и прочие науки. Вы здесь, вы моя гостя, и, разумеется, я хотел бы узнать вас лучше. Хотя, раз уж вы так хорошо понимаете, какие вопросы важны для безопасности, давайте и в самом деле начнем с армии. Мне, признаться, очень интересно, как ваши военные обходятся совсем без магии.

Женя пожалала плечами:

— Уж наверное, ковровое бомбометание эффективнее каких-нибудь файерболов. Хотя, конечно, это зависит от того, что на самом деле можно сделать с магией. Я-то не знаю.

— С этого места подробнее, — граф хищно наклонился к Жене, а та вдруг подумала, что ведь интересоваться армией ее мира здесь могут не только в том смысле, что «как бы вслед за одинокой девчонкой не свалился на головы десантный полк», но и наоборот. И что делать? Она же не хочет, чтобы в родной мир свалился полк магического спецназа? Угадай тут, как будет лучше — рассказать как можно меньше, или, наоборот, постараться напугать военной мощью, чтоб и в мыслях не было лезть?

— Что за сомнения появились в ваших глазах, милая барышня? — тут же заметил ее

колебания граф. — Поверьте, в вашем положении ничего нет лучше откровенности.

Женя хмыкнула, пожалала плечами. Ладно, получит он откровенность. Полную порцию.

Вот только надо бы решить все же, с чего начать и как объяснить...

— Знаете, я очень боюсь войны, — Женя невольно поежилась, обхватила себя руками, завернувшись в шаль, будто летучая мышь в крылья. — В моем мире последняя большая война была при моем прадеде. Моя страна потеряла в ней двадцать миллионов человек, общие потери были, кажется, около шестидесяти пяти миллионов. Не делайте такие лица, ваше переводческое заклинание нормально работает. Шестидесять пять миллионов человек, из них мирных жителей больше, чем солдат. Я не знаю, насколько, но сильно больше. В нашем мире «линия фронта» — очень относительное понятие. Знаете, если ракета может долететь на другой континент... Хотя, в той войне такого еще не было. Если сейчас запустится мировая война, миру кранты. Вы знаете, что такое ядерное оружие? Нет? Вот поверьте мне, лучше этого не знать.

Граф с ментом переглянулись, Женя потянулась к бутылке и налила себе полный бокал. Выпила залпом.

— В той войне его применили впервые. То есть, это была единственная война, в которой использовали ядерную бомбу. Две бомбы — два огромных города. По одной бомбе на город. В эпицентре взрыва просто испарилось все, дальше — людей в стены вплавляло. Кто выжил, потом еще много лет от лучевой болезни умирали. Знаете, может быть, потому с тех пор не было крупных войн, только всякие локальные конфликты. Потому что все понимают, что будет, если шарахнуть всеми накопленными ядерными боеголовками. Боятся.

— А что будет? — спокойно спросил граф.

— Кранты. Конец человечеству, ядерная зима на сотни лет, радиация... Я не специалист, знаете. Но ходит такая шуточка, что после ядерной войны на земле выживут только крысы и тараканы.

— Странные шуточки в вашем мире.

— Какая жизнь, такие и шутки, чего уж там. Знаете, я не могу вам рассказать, что у нас сейчас с армией. Честно, не могу. В моей стране девушки в армии не служат, так что я знаю только то, что по телевизору можно увидеть. Э-э, информация, разрешенная для всех, так понятнее? Но вот с той войны мы далеко вперед ушли. Политика в мире сложная была, большое противостояние двух крупных блоков, гонка вооружений... Так что можете сами прикинуть, насколько за три поколения техника мощнее стала. Учитывая, что у нас она вообще развивается очень быстро. Компьютеры, вон, за пару лет безнадежно устаревают.

Мент потер бровь, сказал задумчиво:

— Боюсь, что единственный смысл, который мне удалось уловить из вашего рассказа — «все очень страшно». Похоже, переводческое заклинание все же сбьит на вас.

— Не хватает понятий, — поправил граф. — Если для чего-то нет слова у нас, как его перевести? Но сам факт, что у нас не существует слов, соответствующих военному потенциалу другого мира...

Он снова затарабанил пальцами по столу, и Женя воспользовалась повисшей паузой, чтобы выпить еще. Сказала неловко:

— Вы не думайте, что я пьянь какая. Терпеть не могу напиваться. Но под такие темы... У меня на той войне два прадеда погибли. А прабабка от голода умерла, в блокаду. Бабушку вывезти успели, с детским садом, в эвакуацию. Ей три года было. Ее отец потом еле нашел.

Ну представьте, возвращается мужик с войны, а там не то что его дома — всей улицы нет. Разбомбили. Жену даже неизвестно, кто и где похоронил, дочку... их эшелон под бомбежку попал, детей вывозили потом на случайных машинах, документы все пропали. А что там ребенку, три года, она даже адреса своего не знала. Имя, фамилия, да как папу-маму зовут. Он ее нашел аж в сорок седьмом, в детдоме где-то за Уралом.

Женя запнулась: лица ее собеседников стали совсем уж непонимающими.

— Ясно, — вздохнула она, — здесь как минимум с десяток лекций по истории нужно. Извините. У нас это как-то... ну, всем понятно.

— Возможно, это нам следовало бы извиниться, — напряженно ответил граф. — Я не ожидал, что вопрос окажется для вас настолько тяжелым. Давайте пока оставим.

— «Пока»? — переспросила Женя.

— К сожалению, мы не можем позволить себе совсем не поинтересоваться, чем опасен мир, из которого кто-то может попасть к нам вот так запросто.

— Понимаю. Тогда давайте на трезвую, ладно? Отдельной темой.

Неловкую паузу запили вином.

— Давайте все же о вашей жизни, милая барышня, — предложил граф.

— Давайте попробуем, — Женя снова вздохнула и честно попыталась переключиться на более веселые темы.

Дальнейший разговор, на ее взгляд, мало чем отличался от полупьяного трепа в большой компании, где все дружат, но очень давно не виделись. Разве что объяснять приходилось больше — хотя, к ее удивлению, идею интернета оба собеседника поняли сразу. У симпатичного мента аж глаза горели, когда он спрашивал, точно ли не получится наладить нечто подобное здесь. Разговор скакал от компьютеров к автомобилям, танкам и самолетам, от двигателей внутреннего сгорания — к пробкам, метро и общественному транспорту, от студенческой жизни — к объяснениям, зачем вообще девушке учиться и работать. На теме работы Женя завелась, попыталась изложить идею женского равноправия, потом вдруг вспомнила суфражистку мисс Дюбуа из «Больших гонок» (здесь пришлось отвлечься на небольшую лекцию о кинематографе), а закончила рассказом о том, что в войну даже английская королева работала водителем автобуса. Правда, была она тогда уже королевой или еще принцессой, Женя не знала, но какая, по большому счету, разница?

От обалдевших лиц графа с виконтом Женя хохотала так, что расплескала вино. Странно, что-то она от здешней выпивки сильно веселая. Или просто компания хорошая? Женя уже и думать забыла, как начальник Тайной Канцелярии напугал ее при первом знакомстве. Клевый же мужик, поговорить с ним интересно, и вообще...

— Вообще, — задумчиво сказал граф, — жаль, что все ваши рассказы для нас несбыточны. Интересно, но бесполезно...

— Да ну, зря вы так, — Женя вдруг обиделась. Или не обиделась, а... черт знает, что за дурь, эмоции от этого вина скачут, как взбесившийся маятник! — Нет бесполезного знания, понимаете? Вот глядите, если бы я была из вашего собственного будущего, вы бы у меня наверняка спросили про войны и все такое. Пусть у вас мир другой, но общие закономерности все равно есть. Понимаете, развитие общества — это тоже наука, и у нас с вами история будет разная, но в чем-то похожая...

В голове зашумело, Женя зевнула, поморщилась: граф стучал кончиками пальцев по столу, и этот стук неприятно отдавался в висках.

— Может быть, вы и правы, хотя... не знаю. Меня, разумеется, крайне заинтересовал бы

прогноз развития нынешней политической ситуации, но мне трудно поверить, что такие прогнозы можно выводить на базе истории другого мира. Признаться, эта мысль звучит крайне бредово.

— Просто у вас, наверное, еще не дошли до этой мысли. А вообще, обмен опытом — великая штука. Знаете, это безумно интересно на самом деле. Если бы можно было туда-сюда мотаться... Ой, хотя нет, лучше не надо. Ничего хорошего из таких мотаний не выходит.

— Почему-то мне кажется, — мент заговорил медленно, словно взвешивая каждое слово на аптекарских весах, — что вы в любом мире не потеряетесь.

— Зря кажется. Я вам хоть сейчас могу выдать сотню вариантов с полной безнадеей. И напрягаться не придется, все придумано до нас. Начать с того, как немисливо мне повезло, что у вас переводческое заклинание есть. Можете себе представить — очутиться черт знает где, люди вокруг одеты черт знает как, разговаривают непонятно, никакой возможности объясниться? Готовая добыча для местного криминала. Или для местной Тайной Канцелярии, — Женя хихикнула, встала, покачнулась, ойкнула. — Извините, последний бокал был лишним. И предпоследний тоже, наверное. Мне вообще лучше не пить. Я пойду. можно?

— Подождите, — граф дернул шнур звонка, — пусть Солли вас проводит. Вы, кажется, и впрямь немного перебрали, милая барышня.

Глава 12, в которой к графу фор Цирренту приходит еще один гость

— Исключительно умная девушка, — кивнул фор Циррент. — Слишком умная. Оттого и все мои подозрения.

Фенно-Дераль разлил по бокалам остаток одарского вина.

— Ваша беда, Варрен, в излишнем потакании собственной интуиции. К подозрениям нужно подходить исключительно с позиций логики. Либо эта девушка — невинная пострадавшая, либо она в сговоре с гильдией магов. В первом случае врать ей незачем, она хочет вернуться в родной мир и надеется на вашу помощь, потому что больше ей надеяться не на кого. Однако я советую вам учитывать, что, если помощь вдруг предложат господа магистры, у барышни нет причин отказывать им ради вас.

— К сожалению, — буркнул фор Циррент.

— Далее. Если девица в сговоре с магами. Здесь я вижу два варианта. Первый — ей предложили щедрое вознаграждение за разовую работу, после которой обещали вернуть домой. Второй — ей по каким-либо причинам желательно остаться здесь, и она отработывает убежище, обустройство, будущий доход... Скажу честно, Варрен, в такой расклад я почти не верю. Нужно объяснять, почему?

— Да уж объясните.

— Переводческое заклинание к ней применили вы?

— Да.

— В таком случае, весьма маловероятно, я бы даже сказал, категорически невероятно, что кто-то из магов сумел договориться с ней здесь, в промежутке между ее появлением и той минутой, когда ее заметил ваш лейтенант Тибериш. Остается вариант, что маги вышли на нее там, в ее мире. То есть — что они смогли туда попасть, не привлечь там к себе внимания, найти подходящего человека, объясниться с ним, чем-то соблазнить. К слову, Варрен, я бы не взялся подбирать рычаги давления к незнакомому человеку, находясь в мире, чуждом мне, но родном для него.

— Почему же. Если тот человек скрывается от правосудия, например. Или нуждается в средствах.

— То есть, назначит цену сам, — Грент задумчиво покивал. — А теперь, Варрен, представьте, что вы скрываетесь от правосудия или нуждаетесь в средствах. И к вам приходят неизвестные вам люди и обещают золотые горы и райские сады в обмен на некую опасную работу в чужом мире. Вы согласитесь? Вы ринетесь очертя голову в полную неизвестность, понадеявшись на ничем не подкрепленные обещания?

Граф усмехнулся, отхлебнул вина.

— Я понял вашу мысль, Грент. Нужно быть неисправимой доверчивой идиоткой, чтобы на такое клюнуть, а барышня Женя очевидно умна и столь же очевидно не страдает излишней доверчивостью.

— Итог: вариант сговора полностью исключить нельзя, но вероятность его крайне мала. Я бы даже сказал, исчезающе мала.

— Вы блестящий логик, Грент.

— Погодите, это еще не все. Я собираюсь рассмотреть ситуацию с другой стороны. Скажите, Варрен, можете ли вы придумать интригу, заговор, преступление, для которых

выгоднее нанять не местного исполнителя, а вот это не знающее наш мир недоразумение? Не говоря уж о том, что сам переход, похоже, съедает прорву энергии. Я не вижу цели, которой были бы соразмерны такие средства.

— Грент, вы упустили одну важную деталь. Барышня, мягко говоря, выделяется, она неминуемо попала бы или к вам, или ко мне. Возможно, в этом и была цель.

— Заинтересовать вас настолько, чтобы вы подпустили девицу вплотную? Помилуйте, ведь она совершенно не вашего типа, это очевидно любому, кто хоть немного в курсе столичных сплетен.

— Фи, Грент. Интерес может быть не только личного характера. Эта девушка действительно меня заинтриговала. — Граф задумался, подбирая слова для той странной смеси чувств, что вызывала в нем барышня Женя: азарт, раздражение, острое любопытство... — Она увлекает, как может увлечь нерешенная загадка, или случайно подсмотренный обрывок чужой тайны, или флирт с незнакомкой, в которой подозреваешь врага. Захватывает. Будоражит кровь.

— И вас это настораживает? Понимаю. Но, Варрен, неужели вы думаете, что под нашим солнцем не нашлось бы ни единого человека, способного вызвать в вас те же чувства? Искать ключик к вашей душе в другом мире — при всем уважении, вы не того полета птица.

— Согласен. Но если цель — не я?

На некоторое время в кабинете повисло молчание. Граф ждал. Способность Фенно-Дералю разложить его опасения по полочкам, снабдив ярлыками с указанием «вероятно», «сомнительно» и «категорически отпадает» никогда еще не приходилась настолько кстати.

— Маловероятно, — наконец выдал очередной вердикт Фенно-Дераль. — Я понимаю, на кого вы намекаете, но подумайте сами, зачем бы вам сводить их? Окольный путь хорош, когда он верен. Чтобы подсунуть девицу Ларку, нужно действовать через Реннара или напрямую.

— Слишком очевидно.

— Для нас с вами, но не для глупых мальчишек.

— Ларк давно не мальчишка, хотя, вы правы, в некоторых вопросах он так и не повзрослел. Но, Грент, вы злитесь на него за истории с девицами и прочее шалопайство, а у него, между тем, победоносная военная компания за плечами. И международный авторитет соответствующий, в его-то двадцать четыре.

— Только из-за военных побед. Силу уважают все. И Реннар этот его — остолоп остолопом, несмотря на победоносную военную компанию. Беспомощная трогательная девушка из другого мира, мечтающая вернуться домой, — как раз то, что эти два балбеса проглотят, не поперхнувшись. В отличие от вас, дорогой граф. Впрочем, менее очевидных подходов я вам тоже могу придумать с десятков, не меньше. Открывайте следующую бутылку, Варрен, и умерьте вашу подозрительность. Если бы мне пришлось заключать пари, я поставил бы на то, что ваша девица невинна, как первый снег. Не считая отвратительной истории с мужем, разумеется.

Вино другого мира оказалось таким же коварным, как дома. Азарт интересного разговора прошел, а заноза в душе осталась. Женя плакала, уткнувшись в голубую с незабудками шаль. Обзывала себя дурой, болтливой идиоткой, клялась, что больше — ни глотка, раз не умеет держать язык за зубами или хотя бы думать, прежде чем ляпать. Кой черт ее дернул вытаскивать на свет отвратительную историю их с Олегом отношений? Да еще и перед двумя посторонними мужиками! Да еще и в мире, где, оказывается, до

цивилизированного решения семейных проблем пилить, как от крестовых походов до ООН! Развод им, понимаете ли, безнравственно и мерзко! А когда муж над женой издевается, а бедной женщине и деться некуда — это, значит, не мерзко. Средневековье. Пещерный век. Шовинисты чертовы.

Заглянула Солли, начала квохтать, спрашивать: не господин ли граф ненароком обидел, не болит ли чего, или, может, по дамской части какая помощь нужна? Женя махнула рукой:

— Ничего не надо, дайте пореветь спокойно, не трогайте!

Дождалась, когда за служанкой закроется дверь, влезла прямо в платье на кровать, завернулась в покрывало, задернула тяжелый полог. Уютный сумрак успокаивал. Женя поплакала еще немного, спустила остатки пара, хорошенько взбив подушки, а потом совершила настоящий подвиг — сама разобралась, как снять навороченное «домашнее платье». Правда, пока расстегивала непривычные булавки, все пальцы исколола.

Снова нырнула за уютный полог, забралась под одеяло, натянув его на голову — детская привычка, которая всегда возвращалась, когда Жене бывало плохо. Буркнула зло:

— К черту все. Я же влезла в их дурацкое платье. Не размахиваю в их дурацком монастыре своими правилами. А как я у себя жила, не их собачье дело. И хрена с два я еще хоть раз начну откровенничать.

Уткнулась лицом в подушку. И нет бы уснуть — вот, казалось бы, и выпила достаточно, чтобы срубиться, а в голове все крутились и крутились какие-то смутные, невнятные, но явственно обиженные мысли. Снова подступили слезы, Женя стукнула подушку кулаком и повторила:

— К черту.

Перевернулась на другой бок — еще один испытанный детский рецепт — и начала бороться с непрошеными мыслями по принципу «клин клином». То есть занимать мозги другим. Лучше всего было бы вспомнить какой-нибудь фильм, или книгу, или хотя бы забавную историю. На память Женя никогда не жаловалась, одна беда — сейчас любые книги-фильмы и прочее напоминали о доме, то есть как раз о том, от чего неудержимо тянуло плакать. Нужно было найти зацепку для мозгов в этом мире. Вот например, этот мент, как же его звать-то? Сложные имена в этом мире. Дюраль? Смешно... Светлые глаза кажутся то серыми, то голубыми, хвост темных волос короче, чем у графа, на лоб падает несколько коротких прядей — не челка, а так, будто неровно срезали клочок волос, и отрасти не успело. Иногда задумывается прямо посреди разговора, замолкает на полуслове и трет бровь — получается пауза на несколько секунд, почти незаметная, в общем-то. А граф имеет привычку тарабанить пальцами по столу, выстукивает какой-то сложный ритм. Та-да-там, та-дам, та-та-та-тадам... или...

На попытке вспомнить ту мелодию, которую навязчиво выстукивал граф, Женя заснула.

Приснился Олег. Будто Женя сидит в графской библиотеке, а он прохаживается перед ней туда-сюда, то остановится, оглядит шкаф с книгами, то к окну подойдет. Смотрит с презрительной насмешкой, губы кривит.

— Зачем ты пришел? — спросила Женя. — Тебя здесь только не хватало!

А он:

— Сама позвала, чем опять недовольна?

— Не звала я тебя! Проваливай! — Женя вцепилась в деревянные подлокотники кресла так, что пальцам больно стало. — Ненавижу тебя!

Он рассмеялся, а Женя удивилась сквозь сон: почему она сидит и даже шевельнуться не

может, почему терпит, снова терпит его присутствие? Воздух казался вязким и густым, на какое-то мгновение Жене почудилось, что она сейчас застынет мухой в янтаре, и ладно бы она сама, так ведь и Олег окажется рядом! И придется вечность сидеть, не двигаясь, и терпеть его рядом с собой!

Она оттолкнулась от подлокотников и встала, продавила себя сквозь этот почти застывший янтарец воздух, и сразу стало легче дышать.

— Уходи! — она вскинула руки ладонями вперед, как будто отталкивая от себя ненавистного гостя. И помогло: его снесло прочь, впечатало в стену так, что покачнулся шкаф и жалобно зазвенели стекла в окнах. — Уходи навсегда! Не хочу тебя больше видеть! Даже во сне!

Олег разлетелся неровными лоскутами и растаял в воздухе, а на его месте соткался давешний труп — мумия в мантии. Спросил, широко разевая рот, по-собачьи клацая зубами:

— За что?

— А я откуда знаю?! — поразилась Женя. — Вопросыки у вас! А меня за что? Шла из магазина, никого не трогала, и на тебе, получите по полной программе! Думаете, очень весело?

— Кто? — спросил труп. Похоже, на более сложные фразы его мертвых мозгов не хватало.

— Что «кто»? — не поняла Женя. — Меня перенес кто? Или вас убил кто? Знаете, с этим к тому менту, который меня тут вопросами изводил. Он дело ведет. Очень надеюсь, что доведет до конца, и мерзавцу мало не покажется. Ни тому мерзавцу, который вас убил, ни тому, который меня в этот дивный мир выдернул. Кстати, это не вы случайно были?

Мумия покачала головой и разлетелась яркими разноцветными искрами. Искры завертелись вихрями, сложились в маленькие радуги, заплясали у Жени на пальцах. По телу пробежала щекотная волна, стало жарко, Женя откинула одеяло — и проснулась.

Села, жадно хватая ртом воздух, вытерла лоб дрожащей рукой.

— Приснится же такое...

Под накрывшим кровать балдахином было душно. Женя встала, приподнялась на цыпочки, закинула края тяжелого полога наверх. Пальцы все еще покалывало от жара. Женя поднесла ладони к лицу. Наверное, она даже не удивилась бы, и в самом деле увидев на пальцах те самые искрящиеся радуги. Но ничего такого не было. Руки как руки, как всегда, только дрожат немного.

— Пить меньше надо, — пробормотала Женя себе под нос. Встала, прошла к окну, повернула две литые защелки. Тяжелая рама сдвинулась с неприятным скрипом — наверное, окна здесь открывали редко. В комнату хлынул холодный ночной воздух. Женя стояла у окна и жадно дышала, чувствуя, как отступает приснившийся ей кошмар, тает, исчезает, как исчезли во сне оба неприятных гостя.

За окном сгущался вечерний сумрак, когда Фенно-Дераль вдруг решил, что засиделся в гостях и пора бы навеститься в собственный кабинет. Фор Циррент намеревался проводить гостя и посвятить остаток вечера всестороннему обдумыванию ситуации с девицей Женей — теперь, после доводов Грента, и девица, и ситуация виделись графу в несколько ином свете.

Однако планы обоих оказались нарушены самым неожиданным образом. Едва не врезавшись в собравшегося уходить начальника полиции, на пороге кабинета возник упоминавшийся в долгом сегодняшнем разговоре Ларк. Его высочество принц Ларк-Элиот-

Дионн, старший внук и второй наследник ныне здравствующего короля Дионна-Горрента Мореплавателя, а также непрерывная головная боль графа фор Циррента. Поскольку его величество здравствовал весьма относительно и вопрос престолонаследия в Андаре стоял остро.

Именно о вопросе престолонаследия подумал граф при первом же взгляде на Ларка — встрепанного, злого, со смазанным пятном подсохшей крови на рукаве зеленого камзола.

— В Рени стреляли, — выпалил Ларк.

«Слава богу», — едва не сорвалось с языка. Герцог Реннар фор Гронтеш, порученец и закадычный друг принца Ларка, это все же не король и не первый наследник. И не сам Ларк.

— Подробности, — Фенно-Дераль посторонился, пропуская принца в кабинет, и вернулся за ним следом.

— Он жив, я надеюсь? — спросил фор Циррент.

— Жив, — Ларк тяжело опустился на первый попавшийся стул и налил вина в первый попавшийся бокал. Выпил залпом, жадно, как воду. — Пуля раздробила кость и застряла в плече, пришлось резать. Доктор сказал, месяц в постели при наилучшем течении выздоровления.

— Что ж, — фор Циррент облегченно выдохнул, — войны в ближайший месяц не ожидается, а прочие ваши эскапады подождут. Слава богу, все могло быть хуже. Теперь давайте подробности.

На «слава богу» принц поглядел волком, но смолчал, лишь налил себе еще вина. Выпил теперь уже неторопливо, собираясь с мыслями для рассказа.

— Мы вернулись с прогулки. Ездили... не важно, за город. Шли от конюшни к восточному крылу дворца, но не прямо, а по дорожке между цветниками, вы же знаете, граф, мы всегда именно там ходим. Я не понял, откуда стреляли. Может, из-за ограды, или с крыши конюшен. Рени отбросило на меня, я его удержал, позвал на помощь... пока дождались доктора, искать стрелка было поздно. Рени уложили в моей спальне, я велел доктору не отходить ни на шаг, а сам помчался к вам.

— Почему вы решили, что стреляли в него? Целиться могли в вас.

— Нет. Мы... — принц запнулся, будто подбирая слова, — я подустал немного, а Рени был возбужден, то бежал вперед, то останавливался... он как раз остановился, я шел, он повернулся ко мне, хотел сказать что-то... Между нами было два или три шага. Плохой стрелок мог настолько промахнуться, но плохого не послали бы убивать принца, верно?

— Логично, — кивнул граф. — Грент, что скажете? Дело по вашей части.

— Удивительно бездарное начало расследования. — Фенно-Дераль потер пересекающий бровь старый шрам, мрачно глядя на принца. Тот отвечал таким же мрачным взглядом — растрепанный, нахмуренный, злой. Вынь да положь ему убийцу. Плевать, что сам накосячил, как только мог, полиция ведь для того и существует, чтобы исправлять промахи безмозглых шалопаев. — Надо было сразу, немедленно слать ко мне курьера, а страже велеть оцепить предполагаемую зону нахождения убийцы. Прошу вас учесть на будущее, ваше высочество, если вы, конечно, хотите, чтобы полиция работала эффективно.

— Учту, — буркнул принц. — Но зачем было дергать стражу, если убийца наверняка успел удрать?

— Мог остаться след. Теперь же искать следы все равно, что ловить в лесу ветер. Хотя бы охрану с пострадавшим вы оставили?

— Разумеется, виконт! — принц надменно задрал подбородок, показывая, сколь

оскорбительны для него подобные вопросы.

— Господин начальник полиции, — зловредно поправил Фенно-Дераль. — Раз уж по вашей милости я сейчас работаю. Что ж, ваше высочество, я вынужден буду потревожить раненого. Едемте.

— Минутку, Грент. Принц, вы верхом?

— Разумеется.

— Я велю заложить карету. А вы пока приведите себя в пристойный вид. Не нужно подавать столице повод к лишним сплетням. Ланкен вам поможет.

Через несколько минут, когда секретарь выслушал распоряжения и увел принца умываться, Фенно-Дераль сказал:

— Вы заметили, Варрен, за какой именно бокал схватился принц? Если бы я верил в приметы...

— Представьте, заметил, — усмехнулся граф. — И, представьте, это подало мне идею... безумную, возможно, но я хотел бы обсудить ее с вами. Скажем, завтра?

— С удовольствием. Ваши безумные идеи, Варрен, доставляют мне столько же удовольствия, сколько вам — мои логические выкладки. Что же, разрешите проститься еще раз.

— Повремените прощаться, — граф встал, вздохнул. — Дело, разумеется, по вашей части, но я еду с вами. Моей интуиции категорически не нравится, как складываются события в последние дни. У меня странное чувство, Грент: что это только начало.

Глава 13, в которой виконт Фенно-Дераль осматривает место происшествия и допрашивает потерпевшего, а граф фор Циррент беседует с верховным магистром об энергетических аномалиях

— Между прочим, Варрен, вопрос: как вашей интуиции нравится выбор места преступления? — Фенно-Дераль с рассеянным видом разглядывал свежий песок на дорожке дворцового парка — там, где какой-то час назад пугало дам кровавое пятно.

Вдоль дорожки полыхали на клумбах алые хризантемы, привезенные для короля с Огненных островов. Густой россыпью усеивали свежую зелень газона звездочки белых и желтых тирусских ромашек. Ни кустов, ни деревьев. Каменную ограду конюшен скрывали длинные плети дикой розы, настолько густые и колючие, что прятаться среди них было бы верхом глупости.

— Отличное место, — отозвался граф. — Для своих. Чужого заметят издали. Я бы первым делом допросил конюхов.

— Безусловно. Хотя готов поставить золотой фрегат против ломаного медяка, что толку не будет. Слишком очевидное направление.

— Всегда можно надеяться на человеческую глупость. Или спешку.

— Или любопытство, — кивнул начальник полиции. — О, а вон и мои бездельники подтягиваются. С вашего позволения, Варрен...

— Не смею мешать, — откланялся граф. — Полагаю, расспросить пострадавшего вы предпочтете со мной вместе?

— Учитывая его состояние, это будет разумным.

Не очень-то Грент хочет делить добычу, усмехнулся про себя фор Циррент. Но что поделат, нельзя слишком навязчиво беспокоить раненого.

— Поговорю пока с его высочеством. У меня создалось впечатление, что при вас он не собирается откровенничать.

— Не сомневаюсь, — буркнул Фенно-Дераль.

Уходя, граф кинул беглый взгляд на подоспевшее к Гренту подкрепление. Негусто: похоже, его лучшие люди заняты по делу погибшего мага. Впрочем, допросить конюхов и обрыскать окрестности на предмет нечаянных следов — не бог весть какая работа. Особого ума не требует, это вам не господ волшебников обхаживать.

Господа волшебники, легки на помине, встретились фор Цирренту на полдороге к восточному крылу. Да не абы какие, а Страунгер собственной персоной, в сопровождении второго магистра и служки-подмастерья. Вот уж точно, вспомни кровососа, он тут как тут. Оба магистра явственно не оправались после праздничной волшбы, а скорее, возлияний: бледные, с опухшими глазами и слегка дрожащими руками. Белые мантии менталистов подчеркивали похмельную одутловатость, превращая властителей гильдии магов в пародию на привидений — чему очень помогали вечерние тени и зыбкий свет фонарей. Проспать бы господам магам как следует, но интриги ждать не станут, лишний день пропусти — не заметишь, как окажешься за бортом.

Раскланялись с той официальной вежливостью, которая выдает непримиримых

противников. Брюшко первого магистра кольхнулось под мантией, воротник впился в тяжелый двойной подбородок.

— Работаете, граф? — с кислым видом поинтересовался Страунгер.

— Увы, — развел руками фор Циррент. — Разрешите принести вам соболезнования, господа.

— По поводу?

— Скоропостижной трагической гибели неопознанного пока члена вашей гильдии. Надеюсь, потеря не слишком невосполнима.

— Я слышал, вы помогаете в расследовании виконту Фенно-Дералю. — Страунгер сплел пухлые пальцы в замок поверх живота, став похожим на статуэтку восточного божка-демона. — Разрешите уточнить, это официальный допрос?

Граф надеялся, что ответная улыбка вышла достаточно сладкой.

— Вас ввели в заблуждение, дорогой магистр. Виконт ведет расследование самостоятельно. Трупы по части полиции, даже трупы подающих надежды молодых волшебников. Мое дело разве что поинтересоваться необычной энергетической картиной. Но в Перелом дозволено все, не так ли, господин магистр?

— Не понимаю, о чем вы, граф, — водянистые глаза на мгновение спрятались за тяжелыми веками, и тут же на пухлом лице магистра расплзлась приторная улыбка. — Энергетические аномалии никоим образом не зависят от календаря. К превеликому нашему сожалению.

— Хотите сказать, вашего молодого коллегу убила энергетическая аномалия?

— Не имею представления, граф. Меня там не было, я знаю об этой смерти не больше вашего. Возможно, господин виконт с его острым умом сумеет прояснить ситуацию. Мы все искренне на это надеемся.

— То есть, с точки зрения магической науки вы не можете дать никаких объяснений?

— Увы, увы... Благодарю за соболезнования, граф, и разрешите откланяться. Мы с коллегой спешим.

Два магистра в белых мантиях неторопливыми призраками шествовали по дорожке. Подмастерье нервно обернулся, встретился взглядом с фор Циррентом, споткнулся на ровном месте... Что-то знает? Сказать Гренту, пусть обратит внимание.

С этой мыслью начальник Тайной Канцелярии взбежал по ступенькам восточного крыла, небрежно кивнул страже и свернул к покоям принца Ларка.

Его высочество Ларк-Элиот-Дионн занимал второй этаж восточного крыла. Кроме широкой парадной лестницы, туда вела отдельная боковая, узкая и темная, по которой и поднялся граф фор Циррент. Стража пропустила его молча, встреченные по пути слуги так же молча кланялись. Обычно здесь было куда более шумно, но сегодня, похоже, Ларк разогнал всех лишних. Анфилада приемных, ведущая к личным покоям, пустовала, ни души, только стража у каждых дверей.

Ларк встретил фор Циррента у дверей спальни. Заступил дорогу, сказал:

— Он заснул.

— Пока что мне нужны вы, ваше высочество.

— Тогда идемте в кабинет.

Граф обернулся к страже:

— Когда придет господин начальник полиции, отправьте его к нам.

Принц кивнул, подтверждая приказ, и первым зашагал к кабинету.

Граф фор Циррент не любил кабинет принца Ларка — по той простой причине, что для серьезных разговоров предпочитал свой. Во дворце никогда не знаешь, сколько лишних ушей тебя слушают. Ларк, разумеется, принимает нужные меры, но своим мерам начальник Тайной Канцелярии доверял больше, чем чьим-либо еще.

Однако сейчас выбирать не приходилось. Граф устроился в одном из кресел для посетителей, подождал, пока стражник закроет двери, а принц усядется, и сказал:

— Теперь, ваше высочество, я готов выслушать те подробности, которыми вы не захотели делиться с начальником королевской полиции.

— С чего вы взяли? — быстро ответил принц. Слишком быстро: разумеется, он ожидал этого вопроса. Не дурак, вот только никак не научится держать лицо, когда врет.

— Это очевидно, поверьте, ваше высочество. Итак, куда вы с Реннаром ездили и почему предпочли скрыть место вашей загородной прогулки?

— Я обязан отвечать, граф фор Циррент?

— Нет.

Несколько минут принц сверлил начальника Тайной Канцелярии злым взглядом. Граф молча ждал.

— Это не имеет отношения к покушению, — сказал, наконец, Ларк. — Я уверен. Абсолютно уверен.

— Женщина? Дуэль?

— Нет. Дважды нет.

Фор Циррент пожал плечами:

— Как хотите, ваше высочество. В конце концов, это ваш друг, а не мой, лежит сейчас в постели по вине неизвестного стрелка. Постель, разумеется, не могила, полежит и встанет, но уверены ли вы, что покушение не повторится? Убийцы довольно упрямы.

— О том, куда мы ездили, никто посторонний не знал. Иначе нас бы подстрелили там, и все дела. Вы вцепились в ложный след, граф.

Может, и ложный, но что-то с поездкой все же нечисто. Не настолько, чтобы принц всерьез опасался Тайной Канцелярии, иначе уперся бы в «просто захотели прогуляться» или изобрел невинную отговорку. Скорее, снова одна из их с Реннаром авантур. Мирное время дурно влияет на слишком деятельных молодых людей.

— Хорошо, поверю вам на слово. Тогда давайте поговорим о других следах. Есть у герцога фор Гронтеша враги?

Принц нехорошо усмехнулся:

— У кого их нет. Последняя дуэль была всего пару недель назад.

— Я слышал, — кивнул граф. — Начальник вашего штаба счел эпитет «осел в эполетах» чрезмерно красочным, что обошлось ему в простреленное плечо. Сомневаюсь, что он захотел бы отомстить подобным образом. Не в его характере. Спрошу иначе: есть ли у герцога враги, предпочитающие не рисковать своей шкурой на дуэли? Возможно, кто-нибудь из потерпевших поражение в честном поединке, недостаточно храбрый для реванша? Смертей за герцогом, насколько я помню, нет, так что безутешных родственников можно исключить.

Принц задумался, покачал головой:

— Вряд ли. Нет, точно нет. Все, с кем дрался Рени, благородные люди, и обиды были честно смыты.

— А также залиты вином в знак примирения, — скептически покивал граф. — Хорошо, пусть так. Интрижки с женщинами? Обманутые мужья, оскорбленные любовники, отцы, братья, женихи пылких красоток?

— Нет. У Рени есть подружки, конечно, но он не имеет дурной привычки соблазнять чужих женщин.

— Ангел во плоти. Значит, остается политика? Ваши общие враги?

— Скорей всего, — мрачно ответил принц. — Хотя в таком случае я не понимаю, почему стреляли не в меня.

Граф помолчал; поймал себя на том, что выстукивает по деревянному подлокотнику кресла походный кавалерийский марш, и сцепил пальцы в замок.

— Что ж. Примем как наиболее вероятное. Итак, ваше высочество, происходило ли в последние дни что-либо, о чем я не знаю?

— Все как обычно, — Ларк поморщился. — Даже тише обычного: Клалия увезла мелкого в Неттуэ. Сказала, что климат столицы ему не подходит.

Граф кивнул:

— Я слышал, что его высочество Киренн слишком долго не мог оправиться от простуды. Возможно, воздух южного побережья и в самом деле пойдет малышу на пользу. Когда они уехали?

— В первый день Перелома, утром.

Граф мысленно поставил зарубку: продрать с песочком остолопа, который делал сводку новостей в тот день. И понизить куда-нибудь, где мозги не требуются. Упустить отъезд из столицы жены первого наследника! Теплая южная осень и морской воздух — это, разумеется, хорошо для маленького Киренна, но вряд ли первая интриганка королевства, думая о здоровье сына, забыла о прочих своих планах.

— Следующий вопрос должен быть о наших одарских и тирисских друзьях, — усмехнулся Ларк. — Я, разумеется, могу не знать всего, но, по моим сведениям, там тоже полное затишье.

— Пока да, — кивнул фор Циррент. — Ваш друг должен благодарить за неожиданный отдых исключительно наших собственных заговорщиков.

— Или своих собственных врагов, — Фенно-Дераль вошел в кабинет стремительно и бесшумно. — Ваше высочество, я должен задать герцогу фор Гронтешу несколько вопросов.

— Он спит.

— Значит, придется разбудить. Таков порядок, ваше высочество. Разумеется, я не стану утруждать герцога вопросами о том, что можно узнать и помимо него.

Фор Циррент подавил неуместный сейчас смешок: Грента ни принц, ни сам король не собьют со следа. Но симпатии друг к другу им с Ларком сегодняшней день определенно не прибавит.

— Ваше высочество, — бесстрастно добавил Фенно-Дераль, — если вы полагаете, что я пришел спрашивать у вас разрешения, то вы ошибаетесь. Я ставлю вас в известность.

Развернулся и вышел. Выругавшись, принц поспешил следом. Разумеется, фор Циррент тоже не стал задерживаться.

Реннар фор Гронтеш, обычно румяный, шумный, веселый, громко смеющийся и азартно жестикулирующий, сегодня выглядел жалко. Бледное лицо, испарина на лбу. Очевидно, сонная настойка не смогла перебить боль и лихорадку: Реннар слегка повернул голову на звук шагов и приоткрыл глаза.

— Рени, — принц оттолкнул Фенно-Дераль, подскочил к постели. — Ты как? Позвать доктора?

— Он сделал, что мог, — медленно выговорил Реннар, — теперь только перетерпеть. Заживет.

— Герцог, — Фенно-Дераль остановился у изголовья и слегка поклонился. — Приношу искренние извинения за беспокойство, но мне нужны ваши ответы на несколько вопросов. С вами не случилось ничего странного за последние несколько дней? Необычные встречи, письма, разговоры?

— Нет.

— Можете ли вы предположить, кому выгодна ваша смерть?

— Нет.

— Ваш отец по-прежнему в своем поместье? Когда он писал вам последний раз?

— При чем тут мой отец? — Реннар сделал попытку приподняться, но тут же с коротким стоном упал на подушки. — Если вы попытаетесь впутать его в это дело, я вызову вас... как только встану. Ясно, что стреляли в Ларка. Ваше дело — защищать принца, а не...

— Рени, тихо. Успокойся, тебе нельзя напрягаться и много говорить тоже нельзя, — принц придержал друга за плечи, обернулся к Фенно-Дералю: — Виконт, я прошу вас уйти. В вашем допросе нет смысла. Мы уже обсудили ситуацию с графом фор Циррентом.

— Ваше высочество, — приторная вежливость в голосе Грента не сулила принцу ничего хорошего, — я высоко ценю ваши успехи на военном поприще, но полицейскую работу оставьте тем, кто в ней разбирается. Вы, разумеется, можете приказать страже вывести меня силой, но в таком случае я не поленюсь сходить к его величеству и вернусь сюда с королевским предписанием. Поэтому позвольте мне все же задать те вопросы, в которых я, в отличие от вас, вижу смысл.

— Вы не имеете права меня допрашивать, — снова дернулся Реннар.

— Имею. Я даже арестовать вас имею право. Вы удивитесь, герцог, если дадите себе труд поинтересоваться границами полномочий начальника королевской полиции. Впрочем, я готов сделать скидку на ваше дурное самочувствие. Принц, будьте любезны, окажите услугу следствию, — мед и патока в голосе Фенно-Дералья перешли, кажется, все мыслимые пределы, — оставьте нас с вашим другом наедине. Тайна в обмен на тайну: я не спрашиваю ни его, ни вас о том, куда вы ездили, вы же даете мне возможность обсудить с герцогом некоторые другие вопросы. Всего несколько минут, обещаю. Могу даже пообещать, — виконт усмехнулся, — что если впоследствии герцог вдруг передумает вызывать меня, а вместо этого потребует моей казни, я безропотно сложу полномочия и пойду на плаху.

Ну, это вряд ли, обалдело подумал фор Циррент. Это очень вряд ли, даже если забыть, что полномочия с начальника королевской полиции может снять только лично его величество. И про «не спрашиваю» дорогой виконт тоже загнул — или просто надеется сплавить работенку мне...

— Ваше высочество, — граф взял принца под руку и мягко повел к двери, — поверьте, виконт знает, что делает. Сейчас он защищает жизнь вашего друга, пусть и не слишком приятными методами. Если пожелаете, я прослежу, чтобы виконт не слишком перегибал, но если он считает нужным поговорить с герцогом без свидетелей, значит, это и в самом деле необходимо. Прошу вас, проследите, чтобы нам не мешали.

— Но...

— Или вы и правда хотите дожидаться королевского предписания? По дворцу ходит

убийца, который в любое мгновение может нанести следующий удар. Задумайтесь об этом, ваше высочество.

Граф фор Циррент плотно закрыл двери за спиной принца и приготовился наслаждаться спектаклем.

— Итак, герцог...

Реннар, очевидно, еще не понял, насколько влип. Сверкнул глазами:

— Итак, виконт?

— Как и обещал его высочеству, я буду краток. Герцог, когда вы выздоровеете, я настоятельно прошу вас вызвать меня на дуэль.

Глядеть на ошарашенную физиономию Реннара оказалось неожиданно грустно. Все еще не понимает, щенок...

— И на этой дуэли я вас убью. Одним из тех подлых приемчиков, о которых болтают по дамским будуарам хлыщи, неспособные отличить шпагу от кулеврины. Не все сплетни лживы, некоторые являются намеренной утечкой сведений... Со стороны покажется, будто вы споткнулись и сами нанизались на мою шпагу. Я буду очень горевать, поверьте. Принесу на похороны цветы...

— Что вы несете... виконт?!

— ...потому что если вы не вызовете меня, герцог, я натравлю на вас бретеров. У меня есть на примете несколько подходящих. Поверьте, ваш богатый дуэльный опыт против них не сработает. Вообще, — в голосе Грента прорезалась очень нехорошая задумчивость, — не понимаю, почему этот способ не пришел мне в голову раньше. Или вашим врагам.

— Они все — благородные люди!

— Понимаю, среди трусов, подлецов и предателей вы завести недругов не озаботились. Похвально, похвально...

— Да как вы смеете?!

Грент зло оскалился, наклонился к Реннару почти вплотную:

— Во имя государственного блага я посмею и не такое. Вы безответственный мальчишка, ради сиюминутных удовольствий подставляющий под удар не только себя, но и наследника короны. Лучшего из трех имеющихся наследников! На вас мне наплевать, в политических играх вы ничего не значащая пешка, но потеря принца Ларка-Элиота-Дионна больно ударит по будущему королевства. Я не стану занимать вашу пустую голову такими ничего не значащими пустяками, как государственная безопасность, недовольство магов нынешней властью, неумное честолюбие ее высочества Клалии. Я не стану вам напоминать о такой безделице, как спорные с Одаром серебряные рудники, отвоевать которые силой Одару мешает только военный талант вашего друга Ларка. Я понимаю, милые барышни и веселые попойки куда важнее всей этой скучной ерунды. Кстати о барышнях... Вы в курсе, какие слухи ходят о вас с принцем Ларком? Да-да, именно о вас двоих? Я не знаю, является ли сие сплетней, преднамеренной утечкой информации или...

— Как вы... смеете!..

— Да уж смею, — Грент сбавил тон, видно, тоже подумал, что мальчишку сейчас удар хватит. — Между прочим, дорогой герцог! Вам может показаться небезынтересным, что, согласно моим данным, эти слухи — вполне намеренно распушенная дезинформация, имеющая целью скомпрометировать претендента на корону. Впрочем, вы ведь не вызовете на дуэль ее высочество Клалию или третьего подметальщика пятой ступеньки парадной лестницы. И все королевство не вызовете, потому что в этом случае принцу Ларку придется

бежать из страны. И мне с ним вместе, а я уже немолод и люблю свою родину. Что и вам искренне советую.

Реннар сглотнул, облизнул искусанные губы.

— Воды? — спросил фор Циррент.

— Да... пожалуйста...

Выпил жадно, откинулся на подушки. Граф покачал головой: лихорадка, похоже, усиливается.

— Какой лекарь вас смотрел?

— Не знаю...

— Я пришлю своего. На всякий случай. Виконт...

— О, я почти закончил, — зло усмехнулся Грент. — Дорогой герцог, надеюсь, вы хорошо поняли все, что я вам сказал, и обдумаете это на досуге. Благо, досуга вам предстоит вполне достаточно. Иначе дуэли нам с вами и впрямь не миновать. Исключительно из уважения к чувствам принца я займусь вами сам. Хотя это и будет дуростью. Бретеры лучше, право слово. Их тоже потом можно... убрать.

— Боже мой, в каком... каком мерзком мире вы... живете...

— Вы живете в нем же, герцог. Откройте, наконец, глаза пошире и оглядитесь вокруг. Что ж, не смею больше утомлять раненого. Я навещу вас... скажем, завтра. Не дайте убить себя до того времени. Пойдемте, граф, герцогу нужно отдыхать.

Грент нацепил на лицо одну из самых добродушных своих улыбок и неторопливо направился к выходу.

Принц мялся за дверью. Не раз, наверное, проклял наложенное на спальню заклятие звуконепроницаемости. За собственные деньги, между прочим, наложенное, и втайне от короля. То есть, разумеется, это он думал, что втайне.

— Ваше высочество, — поклонился граф. — Нам с виконтом нужно работать, а вы оба нуждаетесь в отдыхе. Я прошу разрешения посетить вас завтра.

— Разумеется, граф, — Ларк нервно оглянулся на дверь. — До свидания. Виконт, если у нас появятся заслуживающие вашего внимания новости, я непременно вам сообщу.

Глава 14, в которой Женя учится читать

— В хорошей порке они нуждаются, оба, — проворчал Грент, отойдя на достаточное расстояние от стражников. — Два бестолковых лоботряса. Итак, Варрен, что вам удалось вытрясти из его высочества?

— Один по-настоящему важный факт, о котором мне позабыли доложить вовремя: ее высочество Клалия покинула столицу. Повезла сына в Неттуэ, поправлять здоровье. Ларк рад отъезду мачехи, хотя вслух этого не сказал. Остальной разговор не заслуживает потраченного на него времени. Несчастный подстреленный юноша просто ангел во плоти, желать ему смерти могли разве что враги принца Ларка, но тогда непонятно, почему стреляли не в самого принца. К слову, вы нашли, откуда стреляли?

— С крыши центрального здания конюшни. Мне даже повезло раздобыть примерное описание злоумышленника. Выстрел слышали конюхи, и среди них оказался один то ли слишком любопытный, то ли чересчур ленивый: он бросил работу и вышел посмотреть, что происходит. На его глазах, шагах в десяти, с крыши спрыгнул человек в форме королевского гвардейца, обругал его за безделье и спокойно пошел прочь. Средних лет, худой, высокий, волосы темные, лицо бледное. Все.

— Негусто. Надо предупредить Ларка, пусть будет внимательней к гвардейцам. Хотя, скорей всего, костюм уже догорает.

— Не обязательно. Маскировка для дворца почти идеальная. Что ж, граф, я с вами прощаюсь. Время позднее, а мне еще нужно успеть отправить человека к старшему фор Гронтешу.

Фор Циррент усмехнулся:

— Думаю, если бы не ваш сегодняшний разнос, у Реннара и в самом деле хватило бы ума вызвать вас.

— Не сомневаюсь, — Грент ухмыльнулся в ответ. — Только на такие глупости им и хватает ума.

Дорога домой показалась графу фор Цирренту досадно длинной: в карете плохо думалось. Но и любимый кабинет не слишком помог: о чем думать, когда фактов почти нет? И граф отправился спать.

Утром же первым делом, даже не открыв еще глаз, подумал о принце Ларке и его мачехе.

Ларк вторую жену отца не любил — естественное чувство для молодого человека, до сих пор тоскующего по умершей матери. Но Клалия ненавидела пасынка, как только может ненавидеть честолюбивая женщина того, кто закрывает для нее путь к вершине. Выходя замуж за первого наследника трона, она наверняка уже видела себя королевой. Но наследный принц Киренн-Ларкен оказался слаб сердцем и надежды на долгую жизнь не питал. А после него стоял Ларк. Не ее сын, при котором она могла стать хотя бы регентшей. Ларк, любимый армией и народом, молодой, здоровый, нахальный, знающий свою силу. И не только Андар, но и сопредельные страны уже видели в нем будущего короля.

Случайно ли, что Клалия уехала накануне праздника, а не после? Она, как любая молодая и красивая женщина, любит повеселиться, не было причин спешить с отъездом, лишая себя удовольствия. Если только...

Если только — обеспечить себе возможность сказать: «Меня тут не было, когда...»

Когда мутят воду маги, с которыми Клалия в прекрасных отношениях. Когда лучший друг ее пасынка едва не погиб. Когда, возможно, вот-вот произойдет еще что-нибудь!

Граф вскочил. Бросил вошедшему слуге:

— Быстро умываться, я спешу!

Ощущение безвозвратно уходящего времени холодило пальцы. Граф едва усидел, пока домашний цирюльник брил его, едва выслушал обычный утренний доклад дежурного офицера, вместо завтрака почти на бегу закинул в рот кусок ветчины. Галопом домчал до дворца. Взбежал по лестнице восточного крыла, едва не сбив с ног идущую навстречу заспанную служанку.

Лишь для того, чтобы выслушать удивленное:

— Его высочество изволят спать.

— Хорошо, — фор Циррент перевел дух, — я подожду.

В конце концов, за ночь, похоже, ничего серьезного не произошло.

За ночь настроение необъяснимым образом исправилось. Правда, снилась всякая муть, и голова с утра болела, но две кружки кофе помогли ожить. Зато за окном светило солнце, а граф куда-то умотал, и не было причины напяливать ради завтрака дурацкое платье. Женя влезла в родные джинсы, натянула свитер, накинула шаль — с брюками и правда смотрелось сногшибательно. А что Солли и Ланкен носы кривят, это их проблемы. Она же не по улицам идет рассекать в неподобающем виде.

— Скажите, Ланкен, — спросила Женя, дожевывая бутерброд и с тоской поглядев на опустевшую кружку, — в доме есть библиотека?

— Разумеется. У господина графа прекрасное собрание книг, одно из лучших в столице. Что конкретно вас интересует?

— Меня интересует, умею ли я читать. Это ваше переводческое заклинание — оно только на устную речь работает, или на чтение тоже?

— Только разговор. К сожалению.

— Плохо. А вы сможете меня поучить?

— Зачем вам, барышня?

Посмотрел, будто у нее зеленый ирокез на голове и кольцо в носу. Вот уж удивительное дело, девушка хочет книжку почитать!

— Скучно мне. Граф просил несколько дней посидеть дома. Чем я, по-вашему, должна заниматься? Мух считать?

Секретарь задумчиво пожевал губами.

— Хорошо, идемте.

Женя ожидала чего-то похожего на библиотеку родителей одной школьной подруги, заядлых книгоманов: стеллажи, полки до самого потолка... Раз уж «лучшее собрание в столице»... Библиотека графа фор Циррента помещалась в не слишком большой комнате, пожалуй, даже меньше той, которую отвели Жене. Два окна, светлый ковер на полу, два шкафа у левой стены и два — у правой. Женя не могла бы сказать точно, сколько книг помещается в такой шкаф, но «лучшее собрание» выглядело не слишком впечатляюще. Хотя для домашней библиотеки, пожалуй, и неплохо.

Простенок между окнами занимали два кресла и столик. Еще один стол, большой, с письменным прибором, стоял на середине комнаты.

— Садитесь и подождите немного, — предложил Ланкен. — Я найду для вас старый букварь господина графа.

Отошел к одному из шкафов, достал связку ключей. Ничего себе, они еще и запираются! Интересно, от кого?

— И прописи, — буркнула себе под нос Женя, устраиваясь в кресле у окна. — Палочки-крючочки-буковки...

Ланкен услышал. Обернулся:

— Вы и писать собираетесь учиться?

— Почему нет, — хмуро ответила Женя. — Гулять так гулять.

— Хорошо, — согласился Ланкен, — будут вам и прописи. Завтра. На сегодня, я полагаю, хватит букваря.

Скрипнула тяжелая дверца, секретарь зарылся в недра шкафа едва не с головой, и вскоре вынырнул с тонкой книжицей в руках. Аккуратно запер шкаф, подошел, измерил Женю откровенно изучающим взглядом:

— Держите. У меня есть полчаса, я покажу вам буквы, потом будете тренироваться сами. После обеда я смогу уделить вам немного больше времени. Вас устраивает?

— Вполне, спасибо.

Букварь Жене понравился с первого взгляда. Веяло от него чем-то... старинным, музейным даже. Кожаный потертый переплет, желтоватые страницы, четкие крупные буквы, но слегка неровные строчки — наверное, вручную набирается на доску для печати. Хотя, наверное, для этого мира обычная книга? Добраться бы до шкафов, остальные посмотреть...

— Начнем, — Ланкен взял книгу из ее рук, положил на стол, раскрыл на первой странице. Откуда-то в его руке взялась короткая указка. Заскользила по столбцу двойных букв: — Запоминайте. Кеа. Ири. Ар. Зе.

— Стойте! — Вот только «аз-буки-веди» ей тут не хватало! — Подождите.

Пролистнула несколько страниц, туда, где начинались слова.

— Прочтите мне, — ткнула наугад, — вот хотя бы это.

— Собака.

— А по буквам?

— Се. Орум. Боу. Ама. Кеа. Ар.

— Ага. Так я и думала. Ланкен, послушайте... Не нужно вот этих «Кеа», «Ар» и как там еще. Мы не в школе, мне экзамены по алфавиту не сдавать, я читать хочу. Давайте учить звуки, а не буквы.

Ланкен посмотрел на нее, как на слабоумную:

— Я учил господина графа, барышню Цинни...

Ага, значит, своих барышень они все-таки учат!

— Я понимаю, у вас принято так. Но давайте попробуем, как я прошу? Пожалуйста. Поверьте, это будет намного быстрее.

Наверное, будь у старика больше времени, он бы так просто не сдался. Но его, похоже, ждала работа поважнее, чем обучение грамоте скучающих барышень, так что через полчаса Женя сидела в гордом одиночестве, водила пальцем по буквам и повторяла шепотом: к, и, а, з, б, ц, г... Непривычный порядок мешал. Подумав, Женя пересела за письменный стол, взяла лист бумаги, нашла среди перьев заточенный карандаш — пером писать, наверное, интересно, но вряд ли с первой попытки получится, а заляпать кляксами графский стол она точно не хочет! Написала в столбик привычный алфавит. Теперь против каждой буквы проставить местную...

Идея оказалась даже удачнее, чем думала Женя. Очень наглядно, и сразу ясно, о чем

спросить, когда Ланкен выкроит еще полчаса. Вот, например, зачем на «и» три разных буквы? Две «а», две «о»... длинная и короткая? Или они на самом деле по-разному произносятся? Ох, как все сложно...

Наверное, для того и нужно вызубрить названия букв, чтобы отличать, когда «а» — «Ар», а когда «Ама». Женя представила, как старый Ланкен скажет: «Я учил господина графа, барышню Цинни, зря вы, барышня, принялись учить меня!» Ну уж нет.

— Не посраим, — пробормотала Женя и перелистнула букварь на десяток страниц вперед — туда, где начинались короткие фразы. — Чего не знаем, о том догадаемся! Не первоклашка, небось.

— Так и сказала? — переспросил граф. — «Что не знала, о том догадалась»?

— Именно, — кивнул Ланкен. — Еще объяснила: если, мол, человек в основном буквы запомнил, нужно быть полным идиотом, чтобы в знакомом слове не подставить одну пропущенную.

— И у нее получается?

— Вслух — ужасно, — вздохнул Ланкен. — Она путает «Орум» и «Осс», вместо «Ама» то и дело читает «Ар»... Но она читает. Если вы дадите ей сегодняшнюю газету, она все поймет.

— А что не поймет, о том догадается, — задумчиво повторил граф фор Циррент. Спыхватился: — А что, Ланкен, газеты уже принесли?

— «Столичный вестник» и «Еженедельные объявления» я отнес в кабинет. Придворный листок после праздников еще не выходил.

— Спасибо, Ланкен.

— Мне учить ее дальше?

— Непременно учить! Это может оказаться очень интересным. И, к слову, Ланкен. У тебя было достаточно времени приглядеться, что ты о ней думаешь?

Ланкен помолчал немного.

— Почему-то мне кажется, что там, у себя, она была несчастна, и что на самом деле она не слишком хочет возвращаться. Я думаю, что есть смысл пристроить ее к делу. Это довольно редкий сорт женщин, которым всегда будет мало одного только домашнего очага. Она похожа на барышню Цинни, вы заметили?

— Да, — кивнул граф, — заметил. Мне не раз приходила мысль, что с Цинни они бы столковались легко.

Они помолчали немного, и Ланкен вдруг добавил:

— Но она катастрофически не умеет носить платья.

Граф рассмеялся, вспомнив непередаваемо несчастное выражение лица барыни Жени, в очередной раз запутавшейся в подоле домашнего платья:

— Страшно представить, что с ней будет, если нарядить ее в бальное! И обольщать не умеет тоже, даже не пытается. Больше похожа на мальчишку, чем на девицу.

«Но это может оказаться полезным», — мелькнула смутная пока мысль.

— Что ж, спасибо, Ланкен. Я буду в кабинете, пусть обед подадут туда. Если появится Фенно-Дераль, впускай без доклада.

То ли Грент сработал на упреждение, то ли столичные газетчики предпочли в Перелом праздновать, а не гоняться за сенсациями, но о найденном в Чародейном саду трупе ни «Вестник», ни «Объявления» не написали. Главным событием недели обе газеты называли отъезд на южное побережье Клалии с сыном, упоминались также резкие слова магистра

Страунгера об ограничительном эдикте и не менее резкий ответ его величества. Покушение на молодого фор Гронтеша попасть в новости не успело. Что ж, в следующих номерах отыграются, бедняге Реннару стоит ждать больших статей с анализом всех его прошлых дуэлей, интрижек, неосторожных слов и косых взглядов.

Грент пришел, когда фор Циррент покончил с обедом и газетами. Сообщил с порога:

— У меня пусто. Тем стражником может оказаться кто угодно. В страже подходящих людей десятка два-три, среди придворных еще с десятков, плюс маги, обслуга и возможные наемники со стороны. Безнадежно.

Граф кивнул гостю на кресло, разлил вино.

— Я говорил сегодня с принцем Ларком. Просил усилить охрану. Объяснил, какова вероятность, что он сейчас в самом центре опасной интриги.

— Дайте угадаю, — Грент устало откинулся на спинку кресла. — Его высочество обещал, что к раненому не пролетит и муха, а насчет собственной безопасности предпочел не паниковать зря?

— Примерно так. Сказал, что верит своей гвардии, что нет никакого смысла убивать его именно сейчас и что мы с вами — два старых параноика.

— В последнем он прав.

— Должен же хоть кто-то...

Начальник полиции и начальник Тайной Канцелярии рассмеялись, выпили по бокалу вина.

— Теперь о магах, — начал Фенно-Дераль. — Не сказал бы, что там тоже полный тупик, но вашей гостье вряд ли стоит надеяться на скорое возвращение. И на возвращение вообще. Я взял в разработку служку, о котором вы говорили. Долго колоть не пришлось, бедняга, кажется, мечтал о возможности выговориться.

— И?

— Вам понравится, Варрен. Это такая, знаете ли, сияющая иллюстрация человеческой глупости... — виконт невесело усмехнулся, покачал головой. — Некий ритуал в Чародейном саду действительно имел место, и проводил его Страунгер лично, собственной наиученейшей персоной. Дальше начинаются неожиданности. Ни вашей девицы, ни дьявола, о котором болтают в университете, ни кого-либо еще господин магистр и думать не думал сюда тащить. Он, представьте, и не знает о столь неожиданном результате собственного эксперимента. Предполагалось, что ритуал пробьет канал в то самое гипотетическое «замирье», в котором скапливаются запасы магической энергии, и направит оную энергию в хранилище гильдии.

— Что ж, канал он, очевидно, пробил...

— Да, и почувствовал, как в этот канал уходит его собственная энергия. Причем уходит, как в прорву, обвально и неконтролируемо. Вместо ожидаемой дармовщинки. Страунгер запаниковал и сбросил свой край канала на первого же человека, случайно оказавшегося рядом.

— Вот так просто?

— Да, вот так просто, — виконт потер бровь и скривился. — Полагаю, именно это послужило причиной словоохотливости бедняги подмастерья: он стоял рядом, развернись Страунгер чуть сильнее, и лежать бы в нашем морге именно ему. Он, разумеется, всегда знал, что господин магистр ни в медяк ломаный его не ставит, но когда твою жизнь едва не сбросили, как битую карту...

На несколько мгновений в кабинете повисла тишина.

— Прекрасно, — вздохнул граф. — Что ж, по крайней мере, неведомый чужой мир и его страшное оружие, сметающее с лица земли целые города, мы можем исключить из наших раскладов. Слава богу. Значит, обыкновенная жадность, недовольство ограничительным эдиктом... Возможно, энергию планировалось тут же пустить в дело, учитывая странные сроки отъезда Клалии. Если так, нас можно поздравить, мы прошляпили попытку государственного переворота. Два старых параноика.

— Да уж, — мрачно согласился Грент. — И то, что мы сейчас так много знаем, не наша заслуга, а всего лишь невероятное везение. Счастливое стечение обстоятельств. Барышня, подмастерье этот...

— Вы, разумеется, поработали с ним на предмет дальнейшего сотрудничества?

— Конечно. Он был не слишком рад: трусоват малый. Но согласился. Говорит, Страунгер с того самого дня не просыхает, а книгу с описанием ритуала велел сжечь.

— Что?!

— Вот то самое, — зло ухмыльнулся Грент. — Сияющие вершины глупости. Не сам сжег, а приказал подмастерью. Так что оная книга теперь у меня, при желании можете ознакомиться. Личность убитого выяснили, маг из глухой провинции, приехал в столицу пробиваться в жизни. Ну, вы понимаете, невероятный талант, помноженный на столь же невероятные амбиции... Дома не ждут, здесь близких друзей завести не успел, так что хватиться его некому. А девица ваша вне подозрений, неучтенный побочный эффект, и знаем о ней мы с вами и... кто еще?

— Ланкен и доктор Заккенталь. За Ланкена, разумеется, я ручаюсь, с доктором надс будет поработать, но, думаю, там все будет просто. — Граф кивнул на стол, где поверх бумаг лежало досье на толстячка-лекаря. — У него старушка-мать, необычайно милая жена и три красавицы-дочери, в которых он души не чает.

— Таким образом, в руках у нас с вами... хм, простите, Варрен, у вас в руках, оказался кладезь довольно бессистемной информации о чужом и недостижимом мире. Возможно, бесполезный, а возможно — бесценный. И что вы собираетесь делать?

— Беседовать, много и обо всем. Систематизировать по мере сил. Хорошо бы как-то свести ее с Ларком, пусть расспросит о делах военных. Ему это будет интересно. И еще я хочу, — граф усмехнулся, — предложить барышне работу. Раз уж она столь рьяная поборница права дамы обеспечивать себе жизнь без помощи мужа.

— Вот как? — Грент задумчиво повертел в руках бокал. — Вы уже решили, какую именно?

— Пока нет. То есть, мысль-то у меня есть. Но для начала следует узнать барышню поближе. Я хочу, Грент, — фор Циррент азартно подался вперед, — хочу, чтобы эта девушка стала всецело моим человеком.

— Что ж, желаю вам удачи, — кивнул Грент. — При правильном подходе эта девица может стать весьма ценным приобретением. Если понадобится моя помощь, обращайтесь в любое время.

Глава 15, в которой граф фор Циррент ничего не обещает, а Женя не плачет

Легко сказать — «правильный подход». Граф фор Циррент не стал бы начальником Тайной Канцелярии, не умеет он подбирать ключики к самым разным людям, но чем можно взять барышню Женю, он пока не представлял. У каждого человека есть слабые места: шлейф поступков, предосудительных или просто опрометчивых, родственники, враги и друзья, желания, амбиции, привязанности...

Слабые места барышни Жени остались в ее родном мире. Желание вернуться не годится в качестве крючка, ведь барышня нужна ему и тогда, когда она поймет, что вернуться не получится. Остается один, довольно трудный путь — опираться исключительно на личные качества.

Но для начала следует решить несколько сугубо практических проблем. Раз уж барышне придется здесь задержаться, нужно подумать о том, как объяснить ее присутствие в доме фор Циррента. Кроме того, будет правильным помочь ей обзавестись собственным гардеробом, выделить собственную комнату... спросить, в конце концов, не нужно ли чего, мало ли в девичьем обиходе мелочей, без которых несколько дней можно обойтись, но дальше их отсутствие становится ощутимым и весьма досадным.

Вздыхнув, фор Циррент отправился разбираться с девичьими потребностями.

— Простите, что потревожил, — довольно смешно извиняться, входя в собственную библиотеку, но гостя явно была увлечена книгой. Сам граф не терпел, когда его отвлекали от чтения. Хотя что там у нее за чтение, детский букварь...

Девушка подняла голову:

— Новости?

В ее глазах явственно читалась надежда, и на мгновение фор Цирренту стало больно от тех слов, которые он должен был сейчас сказать.

— Новости, но их не назовешь хорошими. Вам вряд ли стоит надеяться на скорое возвращение, милая барышня. Я говорил с верховным магистром...

Разумеется, весь разговор граф пересказывать не стал. Не стал и объяснять в подробностях, почему гильдия магов не станет добровольно помогать ни полиции, ни Тайной Канцелярии. И уж тем более умолчал о том, что узнал Грент. Ограничился кратким: верхушка гильдии не хочет расследования. По их словам, в Чародейном саду не происходило ничего странного, никаких особенных ритуалов, никакой энергоемкой волшбы.

— В общем, сплошная несознанка? — барышня помолчала, нервно дергая густую бахрому шали. Граф заметил вдруг, что под шалью — не платье, а то обтягивающее безобразие, в котором девица появилась из своего мира. — И что теперь?

— Мы с виконтом Фенно-Дералем будем искать обходные пути. Тем более что у нас есть и свои причины довести до конца это расследование. Но вы...

Как бы объяснить помягче, что даже удачный исход дела может не означать согласия магов вернуть ее домой? Что сюда она попала случайно, а значит, даже при искреннем желании помочь ей может оказаться попросту невозможно?

— Я подожду, — тихо сказала барышня Женя. — Только, скажите, а если это сильно затянется, что тогда? А если вообще ничего не получится? Мне так и сидеть здесь, книжки читать?

— Подумаем, — неопределенно ответил фор Циррент. — А пока, что ж, читайте. Весьма похвальное времяпровождение.

Сейчас она точно читать не будет: в глазах уже блестят слезы. Пожалуй, самым вежливым будет уйти пока что.

— Я хотел бы обсудить с вами ситуацию, — как только мог мягко сказал граф. — Скажем, после ужина?

— Да, спасибо, — невпопад ответила барышня. — Извините, я...

Граф поклонился и вышел. Утешать плачущую девицу у него не было ни малейшего желания.

Больше всего Женя была благодарна графу Цирренту за то, что он ушел. Отложил разговоры на после ужина, оставил ее спокойно переварить новости. Не стал утешать, вытирать сопли, обещать всякое несбыточное... вообще что-либо обещать. Женя ненавидела обещания, сделанные ради «лишь бы деточка не плакала».

И плакать сейчас она совсем не хотела. А рядом с мужчиной, готовым подставить плечо — не удержалась бы.

Ничего не случилось. Все так, как и было с самого начала: неизвестный мир, начальник Тайной Канцелярии рядом, таинственные маги с неизвестными целями — где-то там, и надежда зыбкая, как утренний туман: может быть, кто-нибудь знает, как ей вернуться домой. Может, знает, а может, нет. Может, захочет помочь, а может, нет. От того, что граф Циррент наконец-то сказал это вслух, ничего на самом деле не изменилось.

Женя подошла к окну, прижалась лбом к толстому, слегка неровному стеклу. Библиотека на третьем этаже, а этажи здесь высокие, намного выше, чем она привыкла дома. Внизу, в столовой, потолок — метра четыре, наверное. Да и здесь — не меньше трех с половиной. Так что глядеть из окна графской библиотеки — примерно как из собственной квартиры на пятом этаже старой хрущевки. Вот только вид внизу — совсем не как дома. Под окном лужайка с цветником, что там за цветы, отсюда не разглядишь, но, должно быть, красивые. Алые — крупными кляксами, белые — мелкой, похожей на иней на траве россыпью. Дальше ряд деревьев, черт его знает, каких, не так уж Женя разбирается, то ли вяз, то ли ясень, а дальше — высокий кованый забор и улица.

Улица широкая, чистая. Вместо асфальта булыжная брусчатка, вдоль домов — чуть приподнятый деревянный настил тротуаров. Люди похожи на киношную массовку: то камзол с кружевным воротником, то мантия, как у тех магов в парке, то, наоборот, что-нибудь серое и невзрачное, но таких мало. Да и вообще прохожих тут немного. Изредка пройдет женщина, обязательно в чепце, длинные широкие юбки метут тротуар. Всадники едут неспешно, откровенно красуясь в седле. Вон проехал экипаж с открытым верхом, явно классом на пару порядков выше того рыдвана, что привез сюда Женю. В экипаже две нарядные девушки, в бело-розовом, как крем на торте, с ними дама в черном, вроде бы строгом и скромном, но смотрится даже круче девчонок. Спокойная жизнь благополучного богатого района.

А на той стороне улицы — забор и ряд деревьев, за ними едва виднеется красная черепичная крыша особняка. Вроде и соседи, а не очень-то поглядишь, что там у них делается. Вполне себе уединенно.

Хотела бы Женя так жить. Дома. Но уж дома-то ей точно такой особнячок не светит. Даже если бы осталась с Олегом — не того полета птица бывший супруг. Да оно, может, и к лучшему.

— Барышня... — она обернулась навстречу негромкому голосу, — ужин через полчаса.

— Спасибо, Ланкен. — Показалось, или старый графский секретарь в самом деле глядит сочувственно? — Позанимаетесь завтра со мной еще немного? Кажется, вы были правы, мне все-таки нужно запомнить буквы.

— Непременно, барышня.

И ушел. Непременно позанимается или непременно нужно запомнить? А, черт с ним, завтра будет видно. А сейчас нужно, наверное, переодеться. Не хочется, но очень уж косо все здесь смотрят на ее джинсы...

К ужину барышня переделалась. Выходит, удовлетворенно отметил фор Циррент, понятие приличий ей не чуждо, и она готова следовать чужим правилам, даже если свои нравятся больше. И еще — к удовлетворению примешалось удивление — она, очевидно, не стала рыдать над новостями. Сидела грустная, но совершенно спокойная, слегка задумчивая, и глаза ничуть не заплаканы. Вряд ли готова к серьезному разговору, но обсудить необходимые мелочи наверняка в состоянии.

После ужина так же спокойно прошла вслед за графом в его кабинет. Села, благовоспитанно сложив руки на коленях. Пай-девочка. Граф усмехнулся: вспомнить, как барышня себя вела в первый вечер, или как, перебрав вина, рассказывала о муже в таких подробностях, что волосы на руках поднимались дыбом... Нет, не стоит обольщаться маской тихони. Это не более чем готовность выслушать.

Граф прошелся по кабинету, сел, сплетя пальцы в замок.

— Итак, барышня, в свете сегодняшних новостей у нас с вами образовались две темы для обсуждения.

— Кто виноват и что делать, — буркнула себе под нос барышня.

— Что, простите?

— Да так. Домашняя шуточка, два вечных вопроса родной интеллигенции. Извините.

— Рад, что вы в состоянии шутить. К слову, шутка довольно близка к истине. «Что делать» — это и в самом деле актуальный вопрос.

— Вы ведь смягчили, да? — спросила девушка. — Когда говорили, что нужно просто подождать, что вы все равно прижмете магов? Даже если прижмете, все равно никакой гарантии, так?

Несколько минут фор Циррент молча глядел девушке в лицо. Намеренно держал паузу. Барышня ждала спокойно. Смотрела прямо, губы не дрожали, слезы к глазам не подступали. М-да. Крайне интересный экземпляр. Очень возможно, что Ланкен прав и ей не слишком хочется возвращаться. В таком случае мысли ее достаточно быстро повернут на вопрос, к чему приложить себя в новом мире. И вот тогда о ней можно будет сделать более интересные выводы, чем сейчас.

— Все не так просто, милая барышня. Да, я смягчил, разумеется. Такие новости нужно давать постепенно.

— Предпочитаю сразу. Что, совсем дело плохо?

— Как посмотреть... — Граф помолчал еще несколько мгновений и заговорил нарочито неторопливо, давая девушке время обдумывать и понимать. — Я не стану вам напоминать ту банальнейшую истину, что никогда не следует терять надежду. В данном случае надежда лишь помешает вам. Разумеется, все еще может повернуться в благоприятную для вас сторону, но ждать этого будет ошибкой. Осмелюсь посоветовать вам, барышня, с этого дня планировать свою жизнь, исходя из худшего варианта.

— Понимаю, — тихо сказала девушка.

— Еще не совсем. Есть одна важная деталь, которую вы должны хорошо запомнить. Я не стал говорить о ней сразу, поскольку вы и без того были... в расстройстве.

— Зря не стали. О плохом лучше знать точно.

— Согласен. Так вот, милая барышня, просто остаться здесь — не худшее, что может с вами случиться.

Девушка чуть заметно подалась вперед, пальцы сжали края стула.

— Мой друг Фенно-Дераль — вы, барышня, с ним знакомы — совершенно точно установил, какой именно ритуал проводился в Чародейном саду перед вашим там появлением. Помните, я рассказывал вам немного о природе магии?

Кивнула.

— Так вот. Нашим магам всегда было мало доступной энергии, а теперь еще и ограничительный эдикт мешает черпать вволю. Жадность, увы. Аппетиты растут, а запасы магии в мире тают. Им не нужен был человек из другого мира, да и сам ваш мир тоже. Это был ритуал призыва энергии из так называемого замирья — места, замечу, исключительно мифического. Ритуал древний, описан крайне мутно. Насколько известно, никогда в обозримой истории не применялся. Поэтому никто не скажет, напутал ли магистр, крылась ли ошибка в описании, или же сам ритуал принципиально невозпроизводим в нынешних условиях. Но, зная наших магов, а я, поверьте, их знаю... Если они выяснят, что в результате волшбы призыва энергии появились вы, я за вашу жизнь не дам и ломаного медяка. Методы выкачивания энергии из живого человека известны куда лучше, чем добычи ее из других миров. Вы, собственно, видели, что остается в результате от донора. Это была, к сожалению, не глупая шутка упившихся студентов, а вполне живой, здоровый, молодой и довольно сильный маг, на которого замкнули канал прокачки. То есть, фактически, ваш собрат по несчастью, жертва того же самого ритуала.

— Ой... — глаза девушки испуганно расширились. — То есть это... Ну ни хрена ж себе у вас порядочки!

— Что вы, — граф с некоторым трудом подавил злую усмешку, — это совсем не «порядочки». Подсудное дело, если удастся доказать вину — смертная казнь. Проблема в том, что доказать почти невозможно. Мы знаем преступника, но свидетель — его ученик и подчиненный, по нашим законам он не может свидетельствовать в данном деле, как заинтересованный в судьбе подозреваемого. К слову, преступник — весьма могущественное лицо, найти против него свидетелей в любом случае будет непросто.

Кажется, последние рассуждения девица пропустила мимо ушей. Бросила зло:

— И часто вы такие трупики находите? Если энергия в дефиците, ритуал выкачки из человека отработан, а в суде хрен чего докажешь?

— К счастью, редко. У магов свои защитные механизмы, иначе давно бы друг друга истребили. Этому не повезло: слишком большая сила, слишком внезапно... Но, барышня, речь не о нем, о вас! Вы еще не поняли, к чему я клоню?

Нахмурилась, сжала губы.

— Вы не маг, защититься не сможете. Простых людей не трогают, потому что с них взять нечего, но величину вашего возможного резерва не знает никто. Исходя из ваших рассказов, я склонен думать, что ваш потенциал нулевой, как и всего вашего мира, но кому вы это докажете? Единственная ваша защита — слиться с этим миром и не попадаться магам в руки.

— Запомню, — серьезно кивнула девица. — Спасибо.

— Вот и хорошо. Это самое важное, что вы должны были узнать. Остальное подождет.

— Но...

— Без «но». Вам хватит для бессонной ночи, а меня ждет работа. Остальное — завтра.

Спокойной ночи, барышня.

Вот так. Остальное и в самом деле подождет, пусть пока что проникнется опасностью общения с магами.

Барышня фыркнула чуть слышно:

— Добрый вы, «спокойной». Ладно, и вам хорошей работы. Спасибо, что рассказали.

И вышла: спина прямая, голова поднята, разве что шаг слишком быстрый. Умница.

Глава 16, в которой граф фор Циррент пишет письма, барышня Женя с мотрит в окно, а виконт Фенно-Дераль роет под господина верховного магистра

Насколько спокойной будет для барышни Жени эта ночь, граф фор Циррент не знал, да и не желал знать. Если барышня прониклась трагизмом своего положения до кошмаров и бессонницы — тем лучше. Зато теперь не побежит к магам на поклон, чего и требовалось добиться. Граф прошелся по кабинету, постоял у окна, вглядываясь в густеющие сумерки, вздохнул и сел к столу. Зажег свечи, достал бювар с чистой бумагой, отщелкнул крышку чернильницы. Задумался на несколько мгновений.

Дорогая Лециния! Прежде всего разреши передать тебе слова привета и восхищения от моего друга Фенно-Дералья, с которым мы на днях распили присланное тобой прекрасное вино. Право, жаль, что любезного графа Скавалля служба удерживает в Тириссе, и ты не могла быть с нами в тот замечательный вечер.

Впрочем, жизнь здесь в последнее время довольно скучна для такой блестящей дамы, как ты. Ее высочество Клалия изволили уехать с сыном на южное побережье, к климату более мягкому, чем в нашей суровой столице. Перелом прошел на удивление тихо, разве что один из заядлых дуэлянтов лежит в постели с простреленным плечом. Ты о нем, возможно, слышала, молодой герцог фор Гронтеш, порученец его высочества Ларка-Элиота-Дионна. Надеюсь, свежие номера столичных газет помогут нахальному юнцу развлечься, поскольку на другие развлечения ему в ближайшее время рассчитывать не приходится. Хотел бы я позать руку тому стрелку, что сбил с него спесь.

Осень у нас небывало теплая, стоят прекрасные солнечные дни, и я даже подумываю, пока не зарядили дожди, пригласить в столицу кузину Эбигейль. Бедняжке полезно будет немного развеяться, она совсем закисла в своем имении.

Как видишь, дорогая моя Лециния, твой вечно занятый работой брат наконец-то уделяет время семье. Право, жаль, что обязанности примерной супруги удерживают тебя в Тириссе; сейчас я был бы весьма рад твоему обществу.

С неизменной любовью, твой, Варрен.

Вот так. Цинни поймет правильно.

Письмо для кузины Эбигейль заняло столько же времени, но стоило куда меньших трудов. Погода, здоровье, немного столичных сплетен, интересных для старой девы, и под конец — приглашение оторваться от ведения хозяйства и навестить его, Варрена, пока состояние дорог еще позволяет быструю езду. Ничего необычного: фор Циррент, как правило, приглашал кузину в столицу два или три раза в год, для Эбигейль эти поездки всегда были в радость. В конце концов, как говаривала она сама каждый раз, начиная собираться обратно, ничто так не помогает оценить благостную тишину сельской жизни, как

месяц-другой столичного разгула.

Покончив с письмами, граф в задумчивости прошелся по кабинету. Идея привлечь барышню Женю к работе нравилась ему все больше, а для этого и в самом деле требовалось прежде всего обеспечить ее безопасность. Чем меньше людей будут знать правду о девушке, тем лучше, это само собой разумеется. Но уж тем, кто знает, нужно дать возможность расспросить барышню о ее мире — в том аспекте, который может принести пользу здесь. Принцу — об армии, доктору — о медицине...

Кивнув своим мыслям, граф велел заложить карету. Похоже, полчаса езды до Тайной Канцелярии — единственная его возможность поспать этой ночью. Сегодня дежурит Заккенталь, самое время для задушевного разговора.

Ночь — самое время для того, чтобы неторопливо и обстоятельно вертеть в мозгах текущие проблемы и обдумывать, как дальше жить. Днем думать особо некогда, днем, как в том анекдоте, прыгать надо. А ночью можно стоять, уткнувшись лбом в холодное оконное стекло, смотреть на спящую улицу, на зыбкий свет фонарей, куда тусклее электрического, интересно, что там светит? Газ, масло, магия? На узкий серп молодой луны и яркие звезды — те же, что и дома, если только Жене не чудится ковш Большой Медведицы над кронами деревьев. На одинокое светящееся оконце по ту сторону улицы, под самой крышей особняка напротив. Кто там, интересно, не спит, и почему?

Стоять, смотреть и... нет, даже не думать. Привыкать. Вертеть так и сяк единственную мысль — этот мир теперь твой. Надолго. Возможно, навсегда. Конечно, есть вероятность, что маги все-таки окажутся не такими уж монстрами и вернут ее домой. Или что начальник Тайной Канцелярии банально ей наврал из каких-нибудь своих соображений. Все может быть. Но умней всего, и в этом граф Циррент прав, исходить из худшего варианта.

Ей здесь жить. Долго. Возможно, всю жизнь.

Возможно, не такую долгую, как хотелось бы.

Наверное, у графа есть какие-то свои соображения по этому поводу. Подождет, пока не то гостья, не то пленница свыкнется с мыслью о невозвращении, и вывалит на ее бедную голову очередную порцию «информации к размышлению». Ладно, Женя готова выслушать, что ей могут здесь предложить. Не будет же она всю жизнь бесполезно сидеть в графской библиотеке. Это, в конце концов, банально неинтересно.

Ночью, в чужом мире, ничего не зная о том, что ждет даже завтра утром, глупо строить планы. Зато можно подумать о том, о чем некогда было думать дома. Например, вспомнить, чего ждала от жизни в десять, пятнадцать, семнадцать, двадцать лет. О чем мечтала, чего хотела, и почему оно все не сбылось к ее нынешним двадцати пяти. Раз уж здесь снова начинать с нуля...

Хотя, самое-то главное и здесь не сбудется. В конце концов, как была Женя девчонкой, так и осталась. Уж если дома ей это вечно мешало, здесь тем более не поможет. В этом мире, судя по всему, удел женщины — дом, муж и дети. Не то чтобы Женя была категорически против мужа и детей, но ограничивать себя семьей и домом — нет уж, увольте! Да и к потенциальному супругу она теперь десять раз присмотрится и сто раз подумает. Так что замужество из вероятных перспектив можно вычеркивать сразу, а вот чем здесь можно заняться, чтобы не киснуть со скуки?

Мама называла Женю хулиганкой. Вечные джинсы, велосипед, ролики, драки с мальчишками. Отец смеялся: «Нормальная пацанка!» — и учил, как правильно лупить в нос. Тогда все было просто. Потом пацанка выросла и, поддавшись здравому смыслу, поступила

на «девчачий» экономический. И жизнь пошла наперекосяк. Нелюбимая работа, неудачное замужество, никаких перспектив на будущее. Всю жизнь сидеть, уткнувшись носом в комп, считать скучные таблицы, мечтать об отпуске, как, наверное, в тюрьме мечтают о воле.

И вот она — воля. Неизвестность, которая должна бы пугать, но как вспомнишь до чертиков надоевшую работу, так и задумаешься, что же лучше.

Может быть, именно поэтому сейчас, в чужом мире без интернета, зато с магами, трупами и дурацкими платьями, в положении то ли гостя, то ли подозреваемой, практически взаперти, с неизвестностью впереди — ей совсем не хотелось плакать.

— И жизнь пошла наперекосяк, — с пафосной грустью завершил свой рассказ подмастерье первого уровня Тил Бретишен. Понурился, ссутулил плечи, длинная, изрядно засаленная челка упала на глаза, уголки губ скорбно опустились. Несчастный, кругом невинный зайнышка-пайнышка. Такие если и попадают в поле зрения полиции, то исключительно как жертвы. В самом крайнем случае — как жертвы обстоятельств.

Начальник королевской полиции сочувственно покивал. На самом деле сочувствовать было нечему: свои беды Тил выращивал сам. Вот уже десять лет, с того самого дня, как упросил отца заплатить верховному магистру Страунгеру за индивидуальное обучение малолетнего ученика.

Отец Тила, весьма уважаемый среди членов Западной Колониальной Компании негоциант, разбогатевший на поставках мехов и специй, денег на одаренного магическим потенциалом младшего сына не пожалел. Впрочем, маг в семье обычно окупается. Но маленькому Тилу лучше было бы пойти обычным для не потомственных волшебников путем: обучение азам и определение профиля в гильдейской школе, а затем — школой же назначенный наставник, наиболее подходящий под направление и степень дарования ученика. Так нет же, захотел лучшего с гарантией. У мальчишки, наверное, с самого начала был неплохой потенциал — Страунгер ни за какие деньги не взял бы к себе полного бездаря, ведь негодный ученик бросает тень и на учителя. Однако мечтавший о блистательной карьере Тил и его амбициозный папаша не учли главного: верховный магистр никогда не станет доверять тому, кто так навязчиво добивался допуска к его тайнам. Никогда не станет ценить ученика, которого взял не по собственному выбору. Тил с самого начала обречен был стать пешкой, расходным материалом. И не так уж он, выходит, умен, если заметил это лишь тогда, когда учитель едва не списал его в расход самым простым и верным способом.

— Значит, хотел со временем сам стать верховным магистром, — задумчиво повторил Фенно-Дераль. — А скажи мне, Тил, у тебя хватило бы потенциала для этого? Я, сам понимаешь, не специалист в оценке магической мощи.

— Да тут не в мощи дело, — обиженно возразил подмастерье. — Вы думаете, господин Страунгер так уж силен? Держи подол шире! Я тоже думал, пока вблизи не поглядел. Он...

Юнец запнулся, сглотнул и замолчал. Фенно-Дераль улыбнулся как можно более мягко и ободряюще.

— Твой магистр, я вижу, сумел внушить тебе такой страх, что даже мне ты боишься рассказать о его подлинной силе? Как считаешь, Тил, кто опаснее для тебя — верховный маг королевства или начальник королевской полиции?

«Оба», — отчетливо нарисовалось на побледневшем до трупной зелени лице подмастерья. Понял, наконец, между каких жерновов угораздило оказаться.

— Сейчас, Тил, для тебя опаснее я, — вкрадчиво сообщил Фенно-Дераль. — Потому что Страунгер не знает, где ты сейчас, с кем, о чем рассказывал и чем твои откровения ему

аукнутся. И не узнает, если ты, именно ты, Тил, не сваляешь дурака.

Моргает, сводит брови, изображая мыслительный процесс — так и чудится, как со стоном и скрипом вертятся в мозгу несмазанные шестеренки. Потенциал у юнца, может, и велик, но быстрым умом не подкреплён. Придется разъяснить подробней.

— Если подумать, Тил, у тебя сейчас завидное положение. Опасное, но завидное. Верховный магистр доверяет тебе. Да, не качай головой, доверяет, если поручил избавиться от опасной книги, а после не избавился от тебя самого. — Не сообразил, скорей всего, или побоялся. Но раз уж юнец сам не понимает настолько простых раскладов, не в интересах начальника полиции его просвещать. — Ты знаешь о своем наставнике многое... много того, чего не знают другие. Ты учился у него десять лет не только магии, но и умению руководить гильдией. Даже если сам он и не думал тебя такому учить.

— Ясен полдень, не учил, — буркнул подмастерье. На бледном лице мелькнула обида пополам с жадностью: юнец, очевидно, полагает себя недооцененным. Отлично. Еще немного, и заглочит наживку мертво, бери за жабры и тащи на сковородку.

— Конечно, не думал, — покивал начальник полиции. — Но ты ведь и сам не слепой и не глухой, верно, Тил? А теперь вот о чем поразмысли: твой магистр, строго между нами, зарвался. Какой бы сильной ни была гильдия магов, королевские войска сильнее. Я не думаю, знаешь ли, что все маги, сколько их есть, дружно пойдут рисковать головами ради власти Страунгера. Сторона короля всегда будет выгоднее. Опасно играть в подрывание корней власти, победитель в этих играх предрешен, а проигравшему не позавидуешь. Хочешь оказаться с проигравшими, Тил Бретишен?

Тот испуганно замотал головой.

— Тогда, мой тебе совет, не жди победы, чтобы присоединиться к победителям. Поработай на победу сейчас, и получишь награду куда более весомую, чем те, кто прибежит потом на готовенькое.

Главное — ничего конкретного не обещать. Доверить детали его собственному воображению. Учитывая направление разговора, юнец наверняка уже видит себя верховным магистром. А самое смешное, что он, быть может, не так уж и ошибается: ручной магистр, не слишком умный и легко ведущийся на угрозы и обещания, безусловно, будет выгоден.

— Итак, Тил Бретишен, что ты можешь рассказать о своем наставнике? Подумай как следует. Ты остановился на том, что Страунгер не так уж силен. Поверь, для меня это не секрет. Магическая мощь — далеко не самое главное, что требуется на посту верховного магистра. Куда важнее ум, хитрость, преданность короне... впрочем, последнего свойства Страунгеру не хватает. Фатально не хватает, я бы сказал. Понимаешь, о чем я?

Закивал. Сглотнул, облизал губы, боже, ну и трус, с какими же отбросами приходится работать. Но полезен. И долго еще будет полезен, если удастся соблюсти баланс между его невероятной трусостью и столь же невероятными амбициями. А пока что, получив ниточку к тайнам Страунгера, важно правильно повести дело, не спугнуть, добыть неопровержимые улики. Если обвинение будет достаточно весомым, Страунгеру придется прогуляться до эшафота, а гильдия магов надолго притихнет. А значит, минус одна опора у господ заговорщиков, и какая опора...

Фенно-Дераль слушал торопливые откровения подмастерья, ободряюще кивал, короткими репликами направлял разговор в нужное русло. С юнцом не будет сложностей, главное — не спускать с поводка. И, пожалуй, действительно стоит рассмотреть его в качестве верховного магистра. Позже. Если сумеет сделать первые шаги вверх и при этом

ДОКАЖЕТ ДЕЛОМ СВОЮ ПОЛЕЗНОСТЬ.

Глава 17, в которой в покои принца Ларка-Элиота-Дионна проникает неизвестный злоумышленник

— Главное в отношениях с полицией — не спускать ее с поводка, — мрачно сказал принц Ларк. — И одергивать, если кинется не на того. В первом дед молодец, но во втором...

Рени неопределенно хмыкнул. Он вообще и десятка слов не сказал со времени визита фор Циррента и Фенно-Дералья, когда принца самым беспардонным образом выставили за дверь. Хоть самому иди и бери за грудки полицейских деятелей, выясняй, чего они наговорили бедняге Реннару.

— Слишком они много о себе полагают! — принц сжал кулаки. Он полностью сознавал, что злость его беспомощна и, следовательно, бесплодна, но все-таки злился. Мало того, что Рени и не подумал рассказать, чего хотел полицейский бульдог Фенно-Дераль; мало того, что фор Циррент с утра пораньше примчался вправлять мозги, будто неразумному мальчишке; так еще и его величество любимый дед устроил старшему внуку выволочку. Да какую выволочку — так его высочеству Ларку-Элиоту-Дионну не доставалось со времен коротких штанишек и игрушечных шпаг.

Принц, видите ли, уподобился беспутному шалопаю, дискредитирует королевский дом связями с особами легкого поведения, открыто, никого не стесняясь, наставляет рога почтенным горожанам, всецело, между прочим, преданным короне... Как, спрашивается, соотносятся жажда развлечений прекрасной женушки и благонадежность ее мужа?! Подумаешь, легкая интрижка на балу, было бы о чем говорить! В конце концов, если не хочешь щеголять развесистыми рогами — изволь удовлетворять молодую жену сам. Или вовсе не женись.

А дед все продолжал. Принц кутит ночи напролет, самым достойным развлечением почитает стрельбу и фехтование, а единственным стоящим чтением — военные трактаты, как будто самое большее, чем ему предстоит стать в жизни — какой-нибудь армейский генерал... Вот укор так укор! Почему-то год назад его величество не упрекал внука за несомненный военный талант и желание его развивать! Наоборот, назвал спасителем государства, надеждой андарской армии... кем там еще? Конечно, когда враг норовит оттяпать земли, приносящие казне четверть годового дохода, запойное чтение военных трактатов сразу становится достоинством. Не всем же рождаться финансистами, как его величество Дионн-Горрент, благословлять заморские экспедиции, давать ссуды торговым компаниям... Кому-то приходится и воевать.

И напоследок, будто мало было всего прочего, Ларк получил нагоняй еще и за небрежное отношение к начальнику Тайной Канцелярии. Небрежное! Еще бы сказал — непочтительное! С каких вообще пор тайная полиция в королевстве стоит выше особ королевской же крови?! Почему принц — принц! наследник престола! — обязан докладывать всяким там полицейским ищейкам, с кем, куда и по каким делам он изволит прогуливаться?! Это, в конце концов, просто оскорбительно! Так нет же, его величество дедушка считает, что оскорбительно себя ведет он, Ларк! Мешает уважаемому человеку честно исполнять свою работу. Стоять, понимаете ли, на страже государственных интересов.

— Пора пить лекарство, ваша светлость, — присланный лекарем помощник, тихий юноша, дежуривший ночами вместо сиделки, набулькал в бокал вонючей микстуры и поднес

Реннару. Тот выпил, скривился:

— Ну и дрянь.

— Зато жар спадет, и вы сможете поспать, — утешил лекарский помощник, меняя мокрую тряпку на лбу Реннара. Зажег свечу, погасил лампу: — Так свет не будет вам мешать. Постарайтесь уснуть, ваша светлость, сон необходим для выздоровления.

Если бы уважаемый человек честно исполнял свою работу, зло подумал принц, негодяй, стрелявший в Рени, уже был бы пойман и повешен.

Разумеется, принц сознавал, что злоумышленники не всегда ловятся легко и просто, а иногда не ловятся вообще. Но сейчас дело касалось его друга, и он не желал признавать оправдательных причин, из-за которых убийца до сих пор гуляет на свободе.

Часы на северной башне пробили полночь, им отозвались куранты городской ратуши.

— Ваше высочество, — тихо сказал лекарский помощник, — вы бы тоже изволили идти спать.

— Не хочу, — буркнул принц.

Ночь ползла медленно. Рени и правда заснул, молодой лекарь исправно менял ему мокрые повязки на лбу, а принц Ларк сидел в глубоком кресле, слушал неровное, слишком частое дыхание друга и думал. Сначала о том, прав ли был Фенно-Дераль, упрекнув его, Ларка, в небрежности, из-за которой злоумышленнику и удалось ускользнуть. Неужели звать стражу и перекрывать выходы важней, чем позаботиться о раненом?!

Важней, невесело усмехнулся принц. Будь дело в военном походе, он первый разнес бы в пух и прах растяпу, упустившего вражеского лазутчика, пусть даже за заботой о раненом. Но то война, а здесь — столица, мирная жизнь. Есть же разница!

«Поубавьте градус наивности, дорогой внук, — вспомнилась убийственная реплика деда. — Для генералов война идет на фронте, а для короля — в собственном дворце. Вам нужно это понимать, если желаете вести государство к победам так же уверенно, как умеете приводить к победам армию».

Похоже, ему и в самом деле пора принять неизбежное и смириться. Король Ларк-Элиот-Дионн, чертово его величество. В одном дед прав — чтобы его корона пришлась внуку впору, нужно уже сейчас думать не только об армии. У королевства хватает проблем и в мирное время. Но, видит бог, как же не хочется окунаться с головой в вонючее болото интриг!

Затем мысли свернули в другое русло. Теперь принц гадал, как убийца мог прийти и уйти незамеченным. Фор Циррент сказал, негодяй был одет гвардейцем. Значит ли это, что теперь на любого незнакомого гвардейца придется смотреть, как на вероятного врага? Такая перспектива вызывала отвращение. Придворные — это да, тот еще клубок ядовитых змей, но гвардия! Гвардия — это свои, те, кому должен верить, кто прикрывает тебя в бою. Последний рубеж обороны, последний резерв, лучшие из лучших. Если не верить им, значит, никому нельзя.

Огонек свечи колыхнулся, мигнул и погас. Лекарь клюнул носом, уронив тряпку в таз со льдом. Едва слышно скрипнуло окно.

Темный силуэт скользнул к кровати. К несчастью — его, разумеется, несчастью, — злоумышленнику пришлось пройти мимо того самого кресла, в котором сидел принц Ларк. Наконец-то принцу представилась возможность направить злость в деятельное русло!

Принц бесшумно поднялся и, продолжая движение, от души, с замахом, приложил гостя по уху. Снизу вверх, так что того подбросило и снесло к кровати, словно соломинку

шквальным порывом ветра. Злоумышленник с грохотом врезался в столбик кровати, уцепился за балдахин и начал разворачиваться, немного замедленно, но для человека, пережившего столь мощный удар, пожалуй, даже чересчур шустро. Ларк, не медля, ударил снова, закричал, вызывая стражу, отшатнулся вбок, смутным чутьем угадав направленный в него удар...

Ворвались стражники, а с ними вместе — яркий свет из приемной. Ларк моргнул, из-за спины громыхнул выстрел, и прямо перед принцем, щедро оросив его штаны и туфли кровью, рухнул неудачливый убийца. Увы, окончательно и бесповоротно мертвый, что не замедлил подтвердить внезапно проснувшийся лекарь.

Ночь испорчена окончательно, понял принц. Обернулся, кивнул взволнованной страже: — Благодарю.

И добавил:

— Вызовите Фенно-Дераль. Думаю, он захочет осмотреть здесь все как можно скорее.

Сам принц смотреть не желал. Но все же приказал перевернуть убитого на спину — просто чтобы убедиться, что этот человек в форме королевской гвардии ему незнаком.

— Незнаком? — уточнил Фенно-Дераль, с некоторой, как показалось принцу, брезгливостью разглядывая труп. — Судя по полученным мной описаниям, это тот самый человек, который стрелял в вашего порученца. Хотел бы я знать, кого он шел убивать теперь.

Принц покачал головой:

— Никогда его раньше не видел, даже мельком.

Фенно-Дераль оглядел застывших у порога гвардейцев.

— Вы тоже, полагаю, не встречали его раньше?

— Нет, — в один голос ответили оба.

— Кто его застрелил?

— Я, — отозвался один из охранников. — Тренниар фор Ганнец, вторая рота телохранителей.

— Вы меткий стрелок, поздравляю. Итак, вы услышали шум, потом его высочество позвал стражу, и?.. Пожалуйста, в деталях.

— Мы вбежали, я первым, за мной Лоттан. Его высочество стоял...

— Покажите.

— Вот здесь, — фор Ганнец сделал несколько шагов к кровати и остановился. — Да, вот здесь, спиной к двери. А вот тут, рядом совсем, этот... С ножом. Я выстрелил. Сначала выстрелил, а уж потом подумал, что его бы допросить сначала, а после повесить, как полагается.

— Ваши действия были разумны, — вздохнул Фенно-Дераль. — Хотя, вы правы, я хотел бы его допросить. Можете возвращаться на пост. Теперь вы, молодой человек.

Лекарский помощник мял в руках тряпку.

— Я ничего не слышал. Совсем ничего. Помню, как собрался поменять его светлости компресс, а потом — стража, кровь... и мертвец.

— Вы сразу его проверили?

— Да, сразу, как только очнулся. Смерть наступила мгновенно. Господин стражник в самом деле очень меткий стрелок, попал точно в сердце.

— Вы не носите амулетов от ментальной магии?

— Нет, я не могу... не должен... Ментальные чары — часть моей работы.

— Да, я так и подумал. Пострадали вы и больной, защита его высочества сработала, и

потому он сумел оказать должное сопротивление. Вы можете определить, какие именно чары были применены? И каким способом?

— Полагаю, заклинание черного сна, картина действия довольно характерная. И... — лекарь помялся, но все же продолжил: — Я уверен, что заклинание накладывал непосредственно убитый. Такого рода чары мгновенно рассеиваются со смертью мага, а вот в случае наложения посредством волшебной палочки или же использования иного промежуточного носителя проходят медленно и оставляют заметные последствия на ближайшие несколько дней.

— То есть можно считать установленным, что этот, — Фенно-Дераль дернул подбородком в сторону трупа, — маг?

— Я уверен, — кивнул молодой лекарь.

— Благодарю. — Фенно-Дераль выглянул за дверь, махнул своим людям: — Забирайте труп.

— И вызовите кого-нибудь вымыть пол, — крикнул принц. — Виконт, то есть, простите, господин начальник полиции, у вас есть еще ко мне вопросы? Я хочу переодеться.

— Если вам нечего добавить...

— Нечего.

— В таком случае разрешите откланяться, ваше высочество. Думаю, я могу не отнимать ваше время рассуждениями о бдительности, вы взрослый человек, военный, и сами все понимаете.

— Разумеется, — процедил принц. Не слишком тщательно скрытого сарказма в тоне Фенно-Дераль он предпочел не заметить. Куда больше его сейчас волновало, как перенес магическое воздействие Реннар.

Что там его высочество понимает, а чего понять не хочет, виконту Фенно-Дералью было сейчас все равно. Под замок его не посадишь и охрану не приставишь — хотя было бы весьма полезно! — значит, остается как можно скорее разобраться с убийцами. А это не так просто при оборванном следе.

Хотя, разумеется, лучше мертвый убийца и живой принц, чем наоборот.

В картотеке столичных магов убитый не значился. Срочно вызванный на опознание Тил клялся и божился, что господин верховный магистр с этим человеком не встречался — по крайней мере, там, где он, Тил, сопровождал своего господина и учителя. Другие осведомители тоже разводили руками: не видели, не слышали, ничего не знаем. То ли на сей раз господин верховный магистр очень хорошо замел следы, то ли нанимал убийцу не он. Фенно-Дераль склонен был предполагать второе.

Разумеется, найти мага — не проблема, спасибо все тому же ограничительному эдикту, который ввел их обязательную регистрацию, начиная с учеников первой ступени. Однако на запрос в провинциальные отделения потребуется время, а следующий удар может и достигнуть цели.

Остаток ночи Фенно-Дераль посвятил составлению запросов, а утром, поразмыслив, написал еще один, и к нему подорожную, требующую заверения лично у короля. Придется испросить аудиенцию и рассказать его величеству обо всех сложностях и подводных камнях нынешнего расследования. А его величество такие рассказы любит, даже слишком любит, в итоге рассчитывать надо не на четверть часа, которых с лихвой хватило бы для дела, а часа на два как минимум. Хотя, если правильно подгадать время... А у начальника полиции намного больше возможностей угадать со временем, чем у любого другого. В конце концов,

не зря же именно к нему стекаются все сведения о прибывающих в столицу официальных лицах.

Решено, усмехнулся Фенно-Дераль. К королю идем за полчаса до визита делегации неготиантов Андарио-Тирисской колониальной компании. Мертворожденное соединение, но хоть сена клочок с них... А еще, пришла вдруг мысль, неплохо бы взять с собой фор Циррента. Благо, ему тоже есть что рассказать его величеству.

Глава 18, в которой к графу фор Цирренту приезжает кузина Эбигейль, а виконт Фенно-Дераль развлекает его величество

В чем кузина Эбигейль была мастерицей, так это в искусстве правильно подгадывать время. Сама она утверждала, что ее эффектные появления строго в нужный момент — не более чем случайность и стечение обстоятельств; что же касается Варрена фор Циррента, ему виделось в этой способности кузины нечто откровенно мистическое. В основном из-за того, что «случайности и стечения обстоятельств», вопреки законам вероятности, всегда играли исключительно на пользу.

Эбигейль и ее брат-близнец Арбальд были младше Варрена на два года — разница, которую никогда не берут в расчет взрослые, предлагая детям поиграть вместе. А так как два брата фор Циррент жили по соседству и навещали друг друга запросто, дети их чаще бывали вместе, чем врозь. Варрен на правах старшего учил Арбальда стрелять и фехтовать, два наследника славного рода вместе мечтали о подвигах, славе и приключениях. Где они, те мечты... И где Арбальд, в шестнадцать лет вступивший в Колониальный корпус и уплывший утверждать власть андарской короны на Огненных островах... Единственная глобальная неудача Андара в колониальных войнах наследнику младшей ветви фор Циррентов стоила жизни. Арбальд сгинул бесследно: из отряда, получившего приказ разведать путь к таинственному храму аборигенов, не вернулся никто. А Огненные острова до сих пор, вот уж три десятилетия, сопротивляются всем попыткам присоединить их к цивилизованным землям.

Странное дело, Эбигейль перенесла разлуку с братом тяжелей, чем окончательную его потерю. Казалось, она потеряла Арбальда навсегда в тот самый миг, когда фрегат с гордым именем «Победитель» отошел от причала и расправил паруса. Гелли рыдала неделю, месяц ходила тихая, убитая горем, тень прежней хохотушки. Потом — медленно и трудно — начала учиться жить без брата. Тогда Варрен и заметил за кузиной новое странное свойство.

Случайно, ничего сама не подозревая, Эбигейль прикрывала семью от бед.

Она могла прийти к воротам конюшенного двора, когда мужчины собирались на охоту, и сказать:

— Мне скучно, возьмите меня с собой.

Пока ее спрашивали, точно ли она готова носиться целый день верхом по бездорожью, пока она убеждала, что не станет помехой, пока переодевалась — начиналась гроза, или буран, или проливной ливень, и оставалось только радоваться непредвиденной задержке.

Она могла потерять перчатку, или посадить пятно на платье, или ни с того ни с сего решить, что прическа ей не подходит — и опоздать к пожару, рухнувшему мосту или перевернувшимся каретам. Однажды из-за нее семья пропустила прием, на котором половина гостей слегла, отравившись грибами. В другой раз Эбигейль, наоборот, докучала отцу просьбами поехать в столицу раньше назначенного срока, — а в результате виконт фор Циррент успел предотвратить дерзкую кражу фамильного архива.

Трижды Эбигейль срывала Варрену свидания. В первый раз вроде бы ничего не произошло — не считая того, что девица утратила вдруг интерес к воздыхателю. Во второй — Варрен, опоздав на два с лишним часа, успел ровно к тому моменту, когда сидевшие в

засаде наемники решили, что ждать больше нечего, и шумно направились греться в ближайший кабачок. Притаившийся за углом Варрен отлично слышал рассуждения о том, что «щенок втрескался в крошку Лилиту по уши и никуда от нее не денется, нынче не пришел, завтра прибежит». У него хватило ума отправиться разбираться не к красотке Лилите, а к порученцу начальника королевской полиции, Гренту Фенно-Дералю, с которым графа фор Циррента познакомил буквально накануне — тоже, к слову, благодаря «случайностям и совпадениям», происходившим вокруг кухни Гелли. В итоге «завтра» оказалось для Лилиты и содержавшей ее шайки далеко не таким радужным, как те надеялись, Фенно-Дераль получил первое служебное поощрение, а фор Циррент накрепко запомнил: чем доступней красotka, тем опасней поддаваться ее чарам.

Третий раз, однако, побил первые два по всем статьям. Начать с того, что барышня была вовсе не из доступных девиц — младшая дочь графа Аргайла, восходящая звезда балов и одна из самых завидных невест столицы. Граф поощрял ухаживания фор Циррента, барышня Беннифель молчала, скромно потупив взор, высший свет ждал свадьбы. Однако в тот самый вечер, когда Варрен собрался, наконец, официально попросить у графа Аргайла руки и сердца его прелестной дочери, в столицу внезапно прикатила Эбигейль, и визит пришлось отложить. А ночью скромная барышня сбежала с корнетом-кавалеристом, красавцем и героем, который не мог претендовать на ее руку исключительно из-за своего сомнительного происхождения.

Варрен, узнав, что его предполагаемая невеста тайно обвенчалась с другим, собрался с горя выпить, но странным образом вместо Офицерского собрания — где, собственно, и принято было по негласной традиции заливать вином победы и поражения, — забрел напрямик в Тайную Канцелярию. Как его разум мог настолько помутиться, Варрен не понял тогда и не пытался понять после. Всю ночь он проговорил с герцогом фор Тренди, возглавлявшим Канцелярию в те годы, а наутро распрощался с отцом, обнял кухню, поцеловал в нос маленькую сестренку и отбыл к тирисской границе, в заштатный городишко Кильнерен, славный живописными окрестными пейзажами, пивоварнями и контрабандным бренди.

Тогда только закончилась война, и в мутной водице не всем выгодного мира плескалось изрядно крупной рыбы. Две недели Варрен изображал бездельного столичного повесу, сбежавшего чуть ли не напрямик из чужой постели и переживавшего опасное время в глуши. Дарил цветы и комплименты скучающим провинциальным дамам, любовался пейзажами, перепробовал все сорта местного пива и контрабандного бренди, и, по чести говоря, совсем уж было решил, что господин начальник Тайной Канцелярии попросту убрал его из столицы. Например, во избежание скандала вокруг несостоявшейся помолвки. Или по еще каким-то, вовсе неведомым соображениям. Но на исходе второй недели скука сменилась очень даже шумным весельем — с перестрелкой, погоней и захватом курьера, везущего в Тириссу копии шифровальных досок из главного штаба андарской армии.

Вернувшись в столицу победителем, Варрен с некоторым удивлением понял, что былая любовь подернулась дымкой, свойственной скорее позабытым юношеским грезам, чем настоящему горьким потерям. Он даже поздравил бывшую возлюбленную, пожелав всяческого счастья с, несомненно, достойным мужем. К слову, корнет и впрямь оказался честным малым, в несколько лет дослужился до капитана, а Беннифель родила ему троих мальчишек.

Что же касается Варрена, новая служба не оставляла времени на глупости и,

несомненно, это было к лучшему. Герцог фор Тренди оказался замечательным начальником и наставником, опасностей и приключений хватало с лихвой, а когда молодого фор Циррента спрашивали, каким ветром его вдруг занесло в Тайную Канцелярию, Варрен, смеясь, отвечал:

— Кузина подгадала.

Ведь, если разобраться, так оно и было.

А барышня Эбигейль все эти годы тихо жила в отцовском поместье, лишь иногда навещая в столицу — то по приглашению кузена, то неожиданно для него, но всегда с пользой. Она так и не вышла замуж, отвергнув все предложения, хотя среди них были весьма привлекательные. Графу казалось иногда, что та часть Гелли, которая способна была любить, умерла вместе с Арбальдом, но ни разу он не осмелился произнести это вслух. Потому что Эбигейль любила его, Варрена, любила старика отца, Цинни... а что была страстность перегорела, так с возрастом и не такое бывает. Поэтому Варрен просто старался держать кузину в поле зрения, развлекать, заботиться — в общем, быть ей хорошим братом. И, кажется, у него получалось.

Страсть его величества держать в поле зрения сложные уголовные дела давно не удивляла виконта Фенно-Дераль. Каждому простительны маленькие слабости, а королевские развлечения лишь со стороны кажутся отдыхом. Балы, приемы, аудиенции, охоты? Все та же политика, интриги, тонкое лавирование среди водоворотов противоборствующих сил. Для плотских наслаждений его величество слишком стар, а вот острый ум с годами не притупился. И повертеть в голове задачку, от которой, ради разнообразия, не зависит судьба государства, да и решение ее — не твое дело, король считал совершенно особенным удовольствием.

Разумеется, он не вмешивался в расследование, не давал советов. Всего лишь слушал, задавал вопросы, высказывал предположения; иногда, распаяясь, предлагал начальнику полиции пари на «кто преступник». От заключения пари Фенно-Дераль неизменно отказывался, поясняя:

— Служебное положение не позволяет. Неспортивно, ваше величество.

Король, вздохнув, соглашался:

— Неспортивно.

Однако в этот раз ситуация касалась его величества слишком тесно: король Дионн-Горрент любил своего старшего внука, и новость о ночном покушении уже добежала до его ушей. Поэтому его величество был хмур, с начальником полиции поздоровался резко и прежде всего потребовал принять все меры к тому, чтобы подобное не повторилось.

— Я знаю, с Ларком трудно договориться об охране, — признал он. — Попытался вправить ему мозги, но мальчик давно считает себя взрослым, и с позиции, по которой у него есть свое мнение, его не очень-то сдвинешь.

— Полезное качество для короля, — заметил фор Циррент.

— Полезное, — усмехнувшись, согласился его величество. — Но как вы двое будете с ним работать, когда он станет королем... сочувствую, господа, искренне сочувствую.

— Искренне надеюсь, ваше величество, что у принца хватит времени, чтобы поумнеть, — серьезно ответил граф. — Надеюсь также, что опасение за жизнь друга заставит его быть более осторожным, чем в вопросах собственной безопасности.

— Да-да, интересный зигзаг, — нахмурился король. — Молодой фор Гронтеш перешел кому-то дорожку настолько, что ради него подсылают убийцу в спальню принца...

— Возможно, это была очередная попытка скомпрометировать его высочество, — Фенно-Дераль задумчиво потер бровь. — Хотя, признаться, при известных всей столице похождениях принца по юбкам такое направление выглядит несколько странным. Скажите, ваше величество, а не всплывал ли в последние, скажем, полгода вопрос о женитьбе принца Ларка?

Его величество раздраженно махнул рукой:

— Балбес и слушать не хочет о женитьбе. Обрывает наотрез любые попытки обсудить кандидатуру будущей королевы.

— Насколько я знаю, у молодого герцога Гронтеша тоже пока нет невесты, — негромко, словно про себя, выговорил Фенно-Дераль.

— Его помолвку расстроила опала отца, — король недовольно поморщился. — Полагаю, что при всей своей страсти к юбкам и мой внук и его порученец в глубине души изрядные женоненавистники. Во всяком случае, в той части вопроса, которая касается законных супружеских уз.

— К слову, ваше величество, у меня к вам просьба, касающаяся именно фор Гронтеша. — Фенно-Дераль, слегка поклонившись, подал королю приготовленную ночью подорожную. — Простите, что лезу не в свое дело, однако я полагаю, что опала старшего Гронтеша слишком затянулась. Разбрасываться такими людьми неразумно.

— Зря он полез в политику, — снова поморщился его величество. — Лучший адмирал королевства — не та фигура, которой король не может доверять всецело.

— И не та фигура, которую можно задвинуть в угол и забыть о ней, — поддержал друга фор Циррент. — Забудете вы, ваше величество — не забудут другие. Младший фор Гронтеш верно служит короне, пора и старшего вернуть на службу.

— Сейчас удобный момент, — подхватил Фенно-Дераль. — Старший Гронтеш нужен мне для расследования.

Король усмехнулся:

— То есть вы предлагаете мне воспользоваться этим предлогом и поглядеть, чем он сейчас дышит? Что ж, давайте так и сделаем.

Украсил подорожную собственноручным росчерком, приложил личную печать.

— Теперь же, господа, у меня к вам еще один вопрос. Что за нелепые слухи ходят о последней ночи Перелома? То ли господа магистры вызывали дьявола, то ли дьявол явился незванным и утащил кого-то напрямиком в ад? Я не стал бы слушать подобную нелепицу, но мне доложили о трупе, а начальник моей полиции что-то не спешит развлечь меня деталями.

— Совершенно замечательное, то есть, разумеется, ужасное дело, — по лицу Фенно-Дерала скользнула холодная хищная улыбка. — Признаться, раскрыл его скорее фор Циррент, чем я. Осталось лишь два неразрешенных вопроса: как уличить преступника и что делать с жертвой?

— О преступнике вы мне доложите отдельно, — король взглянул на украшавшие стену кабинета большие часы в резном дубовом футляре, с бронзовыми фрегатами, отмечающими четыре стороны света. — К сожалению, наше время истекает. Жду вас вечером, господа. Что же касается жертвы, я чувствую в вашем вопросе подвох, дорогой виконт. Что можно сделать с трупом, как не похоронить?

— Преступник об этом не знает, но у его преступления есть еще одна жертва, — улыбка Фенно-Дерала стала совсем уж сладкой. — И эта жертва жива, ваше величество.

— Жива, вполне здорова и очень интересна, — усмехнулся фор Циррент. — Настолько

интересна, что в двух словах не расскажешь.

Двери распахнулись, и вставший на пороге кабинета распорядитель торжественно доложил:

— Представители Андаро-Тириской колониальной компании, по приглашению его величества!

— Я с вами не прощаюсь, господа, — ответил король на торопливые поклоны фор Циррента и Фенно-Дералю. — Наш разговор еще не окончен.

Женя думала, что разговор с графом еще далеко не окончен, однако граф, похоже, считал иначе. Или ему и вправду было банально некогда: извинившись и сославшись на служебные дела, он совершенно пропал из поля зрения своей гостьи. Несколько следующих дней обедала и ужинала Женя или одна, или с Ланкеном, а почти все остальное время проводила в библиотеке. Выучила буквы, осилила букварь и несколько скучных детских книжек с назойливо выпирающей моралью. Подросткового чтения здесь, кажется, не водилось вовсе. По крайней мере, Ланкен на вопрос Жени крайне удивился, переспросил, что она имеет в виду, и, выслушав ответ, предложил толстый том вполне «взрослого» вида. Объяснил:

— Этот роман считается весьма подходящим чтением для юных девиц.

— Хорошо, — мрачно согласилась Женя, — попробую, чем кормят ваших девиц.

После нравоучительного детского чтения ничего особенно интересного она не ждала — и не ошиблась. Роман оказался скучнейшим. Провинциальная барышня устояла против ухаживаний столичного повесы, дождалась с войны жениха и благополучно вышла замуж — вот уж интрига! Да еще и в названии все заранее сказано, наверное, чтобы родители тех самых юных девиц не боялись, что книга научит плохому. Интересно, местным девушкам правда такое нравится, или «подходящее чтение» и «любимое чтение» пересекаются у них не больше, чем у нее самой любимые книги со школьной программой?

Ладно, утешала себя Женя, продираясь через страницы томных вздохов, надо же на чем-то тренироваться. Заодно и о провинциальной жизни узнаем.

Провинциальная жизнь описана была крайне унылой. Тихая скука, перемежаемая гостями, визитами, пикниками и охотами; чтение романов, вышивка и романтические мечтания. Оброненные платочки, недошитые букеты роз в пальцах, сплетни, капли слез, падающие на письмо к жениху, в общем, кошмар и тихий ужас. Дойдя до описания неудачной попытки соблазнения — страстные речи, горячий поцелуй и ответная пощечина добродетельной героини, — Женя захлопнула книгу. Потянулась, откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

— На сегодня хватит соплей. Бедные, бедные местные девушки.

— Почему бедные?

— От такого чтения удавиться хочется, — честно ответила Женя. — Добрый вечер, господин граф, как я рада, что вы обо мне вспомнили.

Открыла глаза, вскочила: граф был не один. Рядом с ним стояла невысокая дама средних лет, чуть полноватая, с редкой сединой в черных волосах, в строгом черном платье. А она-то снова в джинсах... Ну и ладно, раз граф не предупредил ее о гостье, пусть сам выкручивается, объясняя неподобающий Женин вид.

Однако графа вид Жени несколько не смутил — даже, кажется, позабавил. Узкое лицо осветила непривычно добродушная улыбка.

— Позволь представить, дорогая Эбигейль, вот та самая барышня Женя, о которой я

тебе говорил. Барышня — виконтесса Эбигейль фор Циррент, моя кузина. Я попросил ее приехать, поскольку сам я, к сожалению, из-за текущих служебных дел не могу уделять вам достаточно времени.

— А когда может, — слегка насмешливо подхватила «дорогая Эбигейль», — наверняка мучает вас бесконечными расспросами вместо того, чтобы помочь освоиться. Готова спорить, у вас до сих пор нет удобного платья.

— Было бы о чем спорить, — смущенно хмыкнула Женя. — По мне сразу видно, да?

— Платье, туфли, булавки, — начал перечислять граф, — всякие ваши женские штучки, модные лавки, вышитые платочки и прочая дребедень. Кроме того, молодой барышне крайне неприлично жить в доме холостого мужчины без присмотра старшей родственницы или опекуни. Равно как и выезжать в город. Теперь эта проблема решена, чему я искренне рад. Получайте удовольствие, барышня, — он слегка поклонился, — и ты тоже, Гелли.

— О, даже не сомневайся, дорогой братец, — проворковала кузина Эбигейль, — мы получим море удовольствия. Пойдем, деточка, поболтаем. Можешь звать меня тетушкой Гелли.

— Очень приятно, — улыбнулась Женя. «Тетушка Гелли» ей понравилась. Правда, перспектива поездок по модным лавкам не слишком радовала, зато наконец-то она посмотрит город! Сидеть в четырех стенах, развлекаясь благопристойным чтением, надоело уже просто до чертиков.

— А ты, Варрен, постарайся устроить свои дела так, чтобы завтрашний день посвятить только нам.

— Не обещаю, — вздохнул граф. — Но приложу все усилия.

Глава 19, в которой виконт Фенно-Дераль выясняет подробности о загородной прогулке принца Ларка

— Можете оказать мне небольшую услугу? — Фенно-Дераль сплел пальцы в замок и мягко улыбнулся.

Капитан Ланцэ ответил спокойным взглядом человека с чистой совестью и без единого секрета за душой.

— Приложу все усилия.

Капитан явился в кабинет начальника королевской полиции точно в назначенное время. Грент указал ему на гостевое кресло, велел порученцу не пускать никого без экстренной надобности и провел несколько минут, изучая лицо сидящего перед ним человека. Шевалье Дастин ди Ланцэ выглядел моложе своих тридцати. Гладко выбритый, загорелый, русые волосы выгорели на южном солнце до соломенной золотистой желтизны. Карие глаза, уверенная линия губ, чуть вздернутый нос, придающий волевому лицу простоватое выражение. Такие мужчины не слишком нравятся девицам, зато их очень любят умудренные жизнью молодые вдовушки. И женушки, разумеется.

Младший сын небогатой семьи, захудалый провинциальный род, все надежды — на военную карьеру, и она карьера пока что складывается вполне удачно. Отличился в прошлогодней кампании, в полку на отличном счету, рассудителен, но не труслив. Три удачных дуэли, ранение в разведывательной вылазке. Если так пойдет и дальше — а почему бы и нет? — лет через десять, а то и раньше, быть капитану полковником.

— Недавно в столице?

— Полтора месяца, — спокойно ответил капитан. Пояснил: — Отпуск.

— Немного развеяться, пока полк на зимних квартирах?

— Именно.

Что ж, обычная практика, здесь придраться не к чему. Да и тихо сейчас на южных границах. Хотя, разумеется, если случится вдруг несчастье с принцем Ларком, тишина вмиг сменится грохотом выстрелов и лязгом клинков.

Может, в том все и дело? Варрен предполагает, что у неприятностей последних дней столичные корни, но не стоит сбрасывать со счетов южного соседа. Одар, может, еще и не оправился после прошлогоднего поражения, но удобный момент для реванша уж точно не упустит.

Однако к делу, оборвал собственные размышления Фенно-Дераль.

Разузнать о пари оказалось нетрудно, и он решительно не понимал, почему принц Ларк не пожелал рассказать об этой сумасбродной затее сразу же. Неужели рассчитывал, что не всплывет? При полутора-то десятках свидетелей! Да скорее следует удивляться, почему еще весь город об этом не судачит!

— Говорят, у вас отличная память, капитан Ланцэ. Меня интересует утро того дня, когда ранили герцога фор Гронтеша.

— Понимаю, — кивнул капитан. — Я, признаться, и сам уж думал, что дело нечисто.

Фенно-Дераль вопросительно приподнял брови:

— Нечисто? В каком смысле?

Ланцэ негромко рассмеялся:

— И правда, что это я. Не в том, какой подразумевают фор Виттенц и остальные, кто там был. Я хоть и согласен с графом по части опасности магии, а только зуб даю, на Дубовом острове пошалили люди. Рени фор Гронтеш славный малый, но ему стоило бы оглянуться вокруг и спросить себя, не завелся ли у него враг.

— Полагаю, это не в характере герцога, — заметил Грент. — Он имеет глупость полагать, что все его враги готовы сражаться с открытым забралом. Итак, что же произошло на Дубовом острове? Только, прошу вас, капитан, не упускайте подробностей. Даже самых незначительных.

— Понимаю, — капитан снова кивнул, свел брови и прикрыл глаза, сосредотачиваясь. — Значит, так... Мы договаривались встретиться утром, в десять. Я заехал за фор Виттенцем, он попросил об этом с вечера. Мы были на месте за семь минут до условленного срока. Его высочество и герцог фор Гронтеш уже ждали. Сразу после нас заявился Шоррентен, еще кого-то из своих дружков-студентишек приволок, их там только не хватало. Но его высочество не стал возражать. Потому, я полагаю, что спор начался как раз из-за утверждений Шоррентена.

— Каких утверждений? — подобрался Фенно-Дераль.

— Идиотских, как всегда. Второго такого осла свет не видел.

— Капитан Ланцэ, — Грент покачал головой, — я охотно верю, что молодой граф фор Шоррентен — дурак, каких мало, но все же, какие именно его утверждения заставили принца и его порученца заключить столь необычное пари?

Ланцэ озадаченно нахмурился.

— А знаете, я толком и не помню. Что-то о природе магии, кажется. Шоррентен вечно несет чушь, к этому настолько привыкаешь, что уже и не вслушиваешься.

«Несет такую чушь, что уже и не вслушиваешься»... Идеальная кандидатура для того, чтобы вбросить в разговор нужную идею — если эта идея, во-первых, бредова, а во-вторых, важно, чтобы потом никто и не вспомнил деталей. Сам Шоррентен, конечно, не вышел умом для участия в интригах, но это отнюдь не означает, что его можно сбросить со счетов. Безмозглая пешка, которую легко разыграть втемную — вот его роль.

— Ясно, — Грент поймал себя на том, что снова трет старый шрам, рассекающий бровь. Опустил руку. — Продолжайте, прошу вас.

Капитан, похоже, честно попытался вспомнить подробности разговора, но не слишком в том преуспел. Раздраженно передернув плечами, он продолжил:

— Дальше возник небольшой спор. По условиям пари фор Гронтеш должен был обойти остров в одиночку, но принц Ларк считал, что присутствие секундантов может оказаться полезным.

Ну конечно, чтобы один шалопай отдал другому такое приключение! Разбежались. Грент скептически хмыкнул:

— И как же его высочество обосновал свою точку зрения?

— Принц сказал, что разделяет мнение Рени, но в том случае, если тот окажется не прав, не желает остаться без порученца. — Капитан, похоже, этот подход вполне одобрял. Что ж, мысленно кивнул начальник полиции, одобрим и мы.

— Здравое рассуждение, достойное военного человека. Как отреагировал фор Виттенц?

— Рассмеялся и сказал, что он не против.

— Вот как? — у фор Виттенца, вроде бы, нет причин для недовольства его высочеством Ларком. Или он умело не афиширует эти причины? — Кто же, в таком случае, спорил с его

высочеством?

Капитан пожал плечами:

— Фор Гронтеш, разумеется. Рени исключительно щепетилен. Он не желал смягчения условий пари после того, как ударили по рукам.

— Ах да, конечно, — Фенно-Дераль коротко рассмеялся. — Я мог бы догадаться. Чью сторону приняли вы?

— Его высочества. Признаться, мне тоже хотелось, — Ланцэ запнулся, загорелое лицо тронул внезапный румянец, — приключения.

— И, как я понимаю, вы его получили, — кивнул Фенно-Дераль. — Итак, что же произошло на острове?

Капитан почесал в затылке, будто этот детский жест мог взбодрить его память или придать ясности рассказу.

— Мы взяли лодку на паромном причале. Виттенц переправился на остров с нами вместе, но остался возле лодки. Сказал, что постережет лодочника, чтобы тот не вздумал удрать без нас. Мы втроем пошли в рощу. Рени шел первым. Он хлопал каждый ствол ладонью и громко считал: первый, второй, третий... и смеялся.

По губам капитана скользнула улыбка. Как будто он снова оказался в том мгновении, когда обалдуй Реннар столь бесцеремонным образом здоровался со священными дубами.

— А желуди? — спросил Грент.

— Срывал по желудю с дерева, как и договаривались. Складывал их в кисет, еще пошутил, после пятнадцатого, кажется, что Виттенцу придется хорошенько поработать челюстями. Знаете, это было похоже на увеселительную прогулку. Рени способен обсмеять любой страх, он и в преисподней, наверное, устроит вечеринку с вином и шляхами, а чертей заставит плясать канкан. Хотя поначалу мы еще ощущали, как бы сказать, — капитан, кажется, смутился, — священный трепет, как ни смешно это звучит. Вы бывали на Дубовом острове?

— Бывал, — коротко ответил Грент. Он не собирался делиться с простодушным капитаном своим мнением о священной роще: месте, которое без присмотра полиции давно превратилось бы в рассадник уголовщины и приют всяческих отщепенцев.

— Ну вот, — кивнул тот, — значит, вы понимаете. Там так тихо было, даже ветер замер, будто время остановилось, и... даже не знаю, как сказать. Как будто все те сказочки, которыми трут нам по ушам маги, на самом деле чистая правда. Неприятное, признаться, чувство.

— Понимаю, — согласился Фенно-Дераль. А сам подумал: жаль, след остыл, знать бы сразу. Похоже, ой как похоже, что ждал там гостей умелый менталист.

— Ну вот, а потом Рени отпустил ту шуточку насчет челюстей Виттенца, и началось. Нас как будто понесло, я, кажется, никогда в жизни столько не смеялся, да и его высочество, насколько я успел его узнать, редко веселится настолько бездумно. Это было похоже на опьянение, но... не совсем то. Иначе. Быть может, на возвращение в детство, когда, знаете, бежишь в солнечный день по траве, или первый раз в жизни скачешь верхом, или...

— Первая женщина? — договорил за вдруг запнувшегося капитана Фенно-Дераль. — Чистый восторг, бездумное счастье, когда хочется удержать мгновение в ладонях. Коварные чары, капитан. Но, вы сказали, его высочество тоже поддался настроению? Это странно, я точно знаю, что он носит амулет от ментальной магии.

— У меня тоже есть такой амулет, и у Рени. После прошлогодней кампании многие в

армии ими обзавелись, а среди офицеров это стало обязательным. Мы оставили их фор Виттенцу. Иначе было бы нечестно, разве нет? Учитывая предмет спора...

Грент обреченно промолчал. Учить вояк уму-разуму — похоже, сия задача куда выше его скудных умений. Удивительно, как у них еще не вошло в моду рисовать себе мишень на груди перед дуэлями. При таких-то воззрениях.

— А потом, — глухо продолжил капитан Ланцэ, — в один миг все изменилось. Такое чувство... будто небо рухнуло, превратилось в пресс и расплющивает тебя. Будто сердце разлетелось на осколки. Я поверил, что умираю, но даже молитву вспомнить не мог. Даже испугаться не мог по-настоящему, это потребовало бы слишком много сил. Скажите, господин начальник полиции, когда нас нашли бы там мертвыми, как бы объяснили нашу смерть? Мне, признаться, не дает покоя этот вопрос.

— Поскольку дело вел бы я, как предумышленное убийство, — резко ответил Фенно-Дераль. — Я верю в убийственную силу магии, но исключительно в приложении к магу. Злой умысел налицо, и мне, право, весьма досадно, что никто из вас не озаботился поставить меня в известность немедленно. Теперь след давно остыл, и вряд ли удастся найти концы. Хотя я приложу к этому все усилия. Однако продолжайте, прошу вас. Как вам удалось выбраться?

Капитан помолчал, судорожно стиснув кулаки: похоже, мысль о предумышленном убийстве до этого мгновения не приходила в его слишком честную голову. И продолжил взволнованно, как будто снова переживая те страшные минуты.

— Нас спас Рени. Он выхватил пистолеты и начал стрелять. Просто начал стрелять, как он сам потом признался, наугад, вслепую, даже не раскрывая глаз. Два двустольных пистолета, четыре выстрела. Ни один из них не попал в цель, мы потом проверили. Но наваждение ушло, как не было.

— Да, — медленно кивнул Грент, — вы спугнули своего убийцу. Следует отдать герцогу должное, в опасных ситуациях инстинкты его не подводят. — Чего не скажешь о разуме, но этого при капитане лучше не говорить. Честный малый не оценит столь едкий выпад в адрес друга и спасителя. — Итак, вы осмотрели всю рощу и не заметили ничьих следов?

— Ничего.

— А пули?

— Не нашли. Мы искали, но, — Ланцэ развел руками, — поверишь в магию! Бесследно ни царапины на стволах, ни следа на земле... Я облазил половину рощи едва ли не на четвереньках!

— Значит, ни следа? Отлично, — Грент с трудом удержался от того, чтобы потереть в азарте ладони. Есть надежда, что обалдуй и везунчик фор Гронтеш попал в цель! Это еще не след, но уже зацепка. — Следов крови тоже не заметили?

— Не было, — уверенно ответил капитан. — Ручаюсь.

Ничего удивительного: многие менталисты владеют целебными чарами, области смежные, есть талант к одному, найдутся способности и к другому, было бы желание.

— Отлично, — повторил Грент. — Еще вопрос: вы рассказали о случившемся тем, кто ожидал вас?

— Виттенцу, разумеется. Он даже вернулся с нами в рощу, хотел посмотреть на то место, где все случилось. Остальные ждали на том берегу, но Шоррентен и его дружки — последние, перед кем бы мы стали откровенничать.

— Умно, — хмыкнул Фенно-Дераль. — Ну а пари? Кому засчитали выигрыш?

Капитан усмехнулся:

— Сошлись на ничьей. Хотя герцог порывался повторить.

— Ему понравилось считать дубы и палить в неизвестных злоумышленников? — вернул усмешку Грент. — Ну что же, нельзя не признать, вы получили свое приключение. Благодарю вас, капитан Ланцэ. Ваш рассказ очень мне помог. Позвольте дать вам банальный, но, увы, необходимый совет: будьте осторожны. Если судить по дальнейшему, мишенью был герцог фор Гронтеш, но, пока убийца не схвачен, ни в чем нельзя быть уверенным полностью.

— Понимаю, — кивнул капитан. — Если для того, чтобы найти мерзавца, понадобится моя помощь, буду счастлив помочь.

— Учту. — Грент протянул капитану руку, и они обменялись крепким пожатием. Несмотря на прискорбное простодушие и обычную для военных в мирное время беспечность, Ланце понравился Фенно-Дералю. Наблюдательность и здравый ум — уже немало.

Распрощавшись с достойным капитаном, начальник полиции несколько мгновений сидел, задумчиво глядя в никуда. Потом усмехнулся той хищной ухмылкой, которую надолго запоминали все, имевшие несчастье ее видеть, и вылетел из кабинета почти бегом. Раненый маг-менталист, пусть и залечивший себя сам — это уже какой-никакой, а след. Да еще Шоррентен с неизвестными капитану друзьями. Фенно-Дераль многое слышал о молодом графе фор Шоррентене, однако ничто из слышанного не выдавало в том человека, способного интересоваться природой магии с абстрактно-исследовательской точки зрения. В десять утра после праздничной ночи притащиться на берег реки и мерзнуть там на осеннем ветру несколько часов, ожидая результатов пари, в котором лично он не принимал участия? Из любви к науке? Кто угодно, но не Перетт фор Шоррентен!

Зато — и это несказанно радовало — очень многое из слышанного начальником полиции о Перетте фор Шоррентене выдавало в том труса, болтуна и глупца. Расколоть такого проще, чем отнять леденец у ребенка. Грент усмехнулся, вспомнив младшую дочурку сестры. Отнять леденец у малышки Нисси было бы весьма сложной и даже опасной задачей. Справиться с Шоррентеном будет куда легче.

День начальника полиции обещал быть чрезвычайно насыщенным. И — Грент мог бы в том поклясться — удачным.

Глава 20, в которой тетушка Гелли вывозит Женю за покупками и знакомит ее с тонкостями составления дамского гардероба

День обещал быть чрезвычайно насыщенным. И — Женя могла бы в том поклясться, если бы успела перенять у местных эту глупую привычку, — удачным. С самого утра настроение у нее взлетело до небес, да так там и осталось, где-то между облаками и радугой. Наконец-то она выйдет из надоевших четырех стен! Посмотрит город, настоящий город настоящего чужого мира! Даже перспектива заполучить обновок из модных лавок перестала казаться чудовищной, потому что интересно же! Поход по магазинам в другом мире, да дома любая бы обзавидовалась!

Накануне они с тетушкой Гелли никуда не пошли. Во-первых, та устала с дороги, во-вторых, для начала обеим хотелось познакомиться поближе. Тетушка удобно устроилась в кресле в Жениной комнате, огляделась, сказала строго:

— Безобразие. Стыдно Варрену помещать гостью куда придется. Я понимаю, ситуация неоднозначная, да и что он вообще понимает в девушках, но все же так нельзя!

— А что не так? — не поняла Женя. — Отличная же комната?

— Чужая, — с легким оттенком презрения объяснила тетушка Гелли. — Даже не гостевая! Комната должна быть своя! Как и платья, и я же вижу, деточка, что вы это понимаете, не зря же ходите в своем при всем гардеробе Цинни. Так что не нужно оправдывать моего братца. Он хороший человек, но в некоторых вопросах чурбан чурбаном, с этим ничего не поделаешь. Счастье еще, что у него хватило ума вызвать меня!

Ничего себе, оторопело подумала Женя, это, значит, граф свою кухню вызвал? Специально? Чтобы та занялась Женей?

Мелькнуло, сначала смутно, но тут же с пугающей ясностью, понимание: значит, он не думает, что получится вернуть Женю домой. Уж ради того, чтобы чужой девушке несколько лишних дней перекантоваться, специальная нянька не нужна! Как и свои платья и прочие мелочи, как он там сказал — «женская дребедень»?

У Жени задрожали губы, слезы подступили опасно близко. Тетушка Гелли понимающе покачала головой:

— Ничего, деточка, все устроится. Погрустишь и привыкнешь, а что делать...

— Он вам рассказал? — спросила Женя.

Тетушка Гелли рассмеялась тихим, слегка печальным смехом.

— Братец Варрен ревностно относится к служебным тайнам. Он сказал мне так: «Представь, Гелли, что несчастная девушка забыла всю свою прошлую жизнь и ничего не знает об окружающем мире. Ничего, даже самых простых и привычных вещей. И еще учти, что даже об этом никто не должен узнать. Давай предположим, что у нас обнаружилась давно потерянная родственница, которая впервые в столице, и будем исходить из этого». Смешной, правда? И ведь знает, что я не болтлива! Так что можешь мне рассказать, что сама захочешь, а можешь ничего не рассказывать.

Она перешла на «ты» так просто и естественно, будто Женя и правда была ей родной. Какой-нибудь давно потерянной, а теперь нашедшейся племянницей.

— Ладно, — вздохнула Женя, — тогда я лучше не буду рассказывать ничего. Забыла так

забыла. Лучше вы тогда расскажите что-нибудь. Ну, такое, что мне нужно знать.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

И снова комнату наполнил тихий смех.

— За единственный вечер рассказать все, что должна знать воспитанная столичная барышня? Ты в самом деле думаешь, что у нас это получится?

— Вряд ли, — Женя скептически хмыкнула. — Но если я завтра ляпну что-нибудь не то на людях, может получиться очень некрасиво.

— А ты помалкивай и слушай, — тетушка улыбнулась так лукаво и весело, что ее слова прозвучали совсем не обидно. — Разберешься. Умная девушка тем и отличается от умного мужчины, что во всем разберется без лишних слов.

Женя невольно хихикнула и призналась:

— Я не всегда умная. Иногда бываю дура душой.

— Для таких случаев остается возможность пошептаться, — подмигнула тетушка.

Варрен разлил по бокалам вино и придвинул поближе к кухне вазочку с печеньем.

Спросил:

— Ну что, пошептались? Как ты любишь говорить, «о своем, о девичьем»?

Гелли задумчиво сгрызла печеньице, сделала крохотный глоток вина и ответила:

— Милая, неглупая, хорошо воспитанная девочка.

— Воспитанная? Она довольно раскованно себя ведет.

— Раскованно, однако никоим образом не непристойно, — возразила Гелли. — И даже не вульгарно.

Варрен кивнул. В самом деле, можно было назвать непристойной одежду девицы, ее рассказ о муже, но не манеры.

— Она, конечно, воспитывалась не в Андаре и не в Тириссе. Но воспитывалась. Она вежлива, умеет вести беседу, у нее не слишком изысканная речь, но простолюдинки говорят совсем не так. Я думаю, девочка из хорошей семьи. Хотя странная, да... Необычная. Возможно, она из колоний?

— Очень издалека, вот все, что я могу тебе сказать, — Варрен виновато развел руками.

Гелли негромко рассмеялась:

— Держи при себе свои тайны, дорогой братец, мне они не нужны. Я не спрашиваю, просто рассуждаю вслух.

— Продолжай, — Варрен снова кивнул. — Слушать тебя одно удовольствие, сестрица. А твое мнение об этой девушке очень меня интересует.

— Мнение? — Гелли задумалась. Рассеянно грызла печенье, запивала мелкими глотками вина, а взгляд смотрел словно в никуда. — Чем-то она напоминает Цинни. Не внешне, а... даже не знаю, может, взглядом?

— А, ты тоже заметила! — Варрен довольно улыбнулся. — Характером, пожалуй. Она не из тех девиц, кто может быть счастлив, сидя дома и ничем не занимаясь.

— И ты, конечно, уже придумал, как это использовать.

— Не одобряешь?

— Почему же... — Гелли сделала еще глоток и взяла еще печеньице. — Завтра скажу, братец. Но по первому впечатлению — вполне одобряю. Ей скучно сейчас, а ты сам знаешь, чего способна наворотить со скуки девушка вроде Цинни.

— Знаю, — согласился Варрен. — И еще лучше знаю, насколько она может быть полезна для дела. Вот только с нашей милой и неглупой барышней придется очень много

повозиться, прежде чем...

— Ай, перестань, — отмахнулась Гелли, даже не дослушав. — Не придумывай себе сложностей на ровном месте. Все будет прекрасно.

— Прекрасно! — хозяин лавки, он же портной, картинно отступил на шаг и оглядел Женю с головы до ног. — Замечательно! Барышне к лицу этот оттенок зеленого, и серебряная отделка...

Темный, густого бутылочного оттенка зеленый действительно был Жене к лицу, да и просто нравился. А вот та самая серебряная отделка, которой так восторгался портной — и которая поднимала цену платья едва не вдвое! — казалась ей совершенно лишней. Пришлось напомнить себе, что в модах этого мира она разбирается не больше, чем баран в высшей математике. К тому же одно дело домашние платья, и совсем другое — одежда «на выход». Тетушке Гелли виднее, во что нарядить юную «родственницу».

— Сейчас подгоним по фигуре, и...

Женя послушно стояла, поворачивалась, поднимала и опускала руки, пока помощница портного скалывала булавками куски ткани. Ловила на себе сочувственно-насмешливые взгляды тетушки Гелли и тосковала о любимых джинсах. Думала: «Видела бы меня мама, была бы счастлива. С ее-то любимым „стань уже наконец женственной, вспомни, что ты девушка, вылез из джинсов хотя бы ради приличия“. Это дома можно было везде таскаться в чем нравится, а здесь... Здесь с приличиями строго».

— Когда будет готово? — спросила тетушка.

— Уже завтра, госпожа. Не желаете еще что-нибудь, теперь, когда у нас есть все мерки барышни?

Наверное, на лице у Жени тут же нарисовалось, насколько ее утомили снятие мерок и бесконечная болтовня портного.

— Кажется, здесь неподалеку есть кондитерская? — спросила тетушка Гелли. — Нам надо отдохнуть. А вы, любезный мой, приготовьте тем временем образцы тканей, которые, на ваш взгляд, подойдут юной барышне.

— Для каких именно платьев, госпожа?

— Барышне нужно обновить гардероб, — обтекаемо ответила тетушка. — Пойдем, деточка. — Улыбнулась лукаво: — Покажу тебе, что такое столичная кондитерская. Любишь ягодные пирожные?

Пирожных Женя умяла полную тарелку. В доме графа совсем не подавали сладкого — видно, хозяин сурово по-мужски пренебрегал десертами, предпочитая мясо и паштеты. А между тем сладости в этом мире оказались такими вкусными — пальчики оближешь! Ягодные пирожные, которые сразу же заказала тетушка Гелли, напоминали привычные «корзиночки»: тонкая «корзинка» из хрустящего теста, заполненная воздушным сливочным кремом и ягодами и политая сверху густым, похожим на не застывшее желе сиропом. А самое приятное, что к ним подавали горячий чай! Пусть не настоящий, а травяной, но все же! Чай благоухал черной смородиной, земляникой и чем-то незнакомым, кисловатым.

— Почти счастье, — пробормотала Женя, медленно отпив несколько глотков. — А у графа только вино.

— Мужчины! — тетушка Гелли укоризненно нахмурилась. — Сразу видно, что в доме давно нет женщин. Ему и в голову не пришло позаботиться о подобающем десерте. А ты, деточка, почему же не попросила?

— Я ведь даже не знала, что у вас такое бывает, — пожала плечами Женя. — Да и

неприлично в гостях едой перебирать. Что дают, то и ела.

— Ох, поговорю я с ним! — сердито пообещала тетушка.

Женя поспешно откусила хрустящий бок пирожного: иначе не удалось бы скрыть улыбку. Похоже, грозный начальник Тайной Канцелярии был вполне под каблуком у своей милой сестрицы.

— Кушай, деточка, — тетушка довольно улыбнулась. — Надо не забыть послать кого-нибудь купить домой чаю, а то я не удивлюсь, если у братца на кухне такого добра и вовсе не водится. Во времена нашей молодости, видишь ли, это считалось непатриотичным.

— Чай пить? — ошарашенно переспросила Женя. И тут же догадалась: — А, он, наверное, не местный? Завозится откуда-то?

— Из Тириссы, — пояснила тетушка. — Там сырой болезненный климат, не то что у нас, и считается, что такой чай согревает и полезен для здоровья.

— Ну так и правда же полезен, — Женя с удовольствием сделала еще глоток. — Травки, витаминчики. Не вино же хлестать по три раза на день. А вот скажите, — решила она заговорить о том, что в самом деле немного тревожило, — «обновить гардероб» — это насколько серьезно?

— Деточка, у тебя же ничего нет! — трагическим шепотом отозвалась тетушка. — Домашние платья Цинни годятся только на то, чтобы первое время не ходить совсем уж раздетой!

Женя потупилась, поболтала остатки чая в чашке.

— И нечего тут стесняться, Варрен вполне может позволить себе помочь девушке, попавшей в сложные обстоятельства, — тетушка явно поняла смущенное молчание по своему. Вполне логично, в общем-то, поняла, но...

— Знаете, — мрачно призналась Женя, — я как подумаю, что мне всю жизнь придется в этих юбках путаться, так сразу плакать хочется. У нас совсем по-другому одеваются. Я не привыкла, мне неудобно и все время кажется, что я выгляжу полной дурой!

— А как у вас одеваются? — глаза тетушки Гелли загорелись здоровым женским любопытством.

— Проще, — подумав, ответила Женя. — Удобнее. Если хотите, я вам дома нарисую. К тому же у нас в порядке вещей, когда девушка ходит в мужском. Ну, то есть, не то чтобы именно в мужском, у нас просто есть одежда, которую прилично носить и женщинам, и мужчинам. Но по вашим меркам она точно на мужскую тянет, брюки же. Наверняка неприлично, не подобает и все такое прочее.

Тетушка покачала головой:

— Что ни страна, то свои порядки, тут уж никуда не денешься, деточка.

— Я понимаю, — вздохнула Женя. — Только все равно я в этих ваших юбках дура душой получаюсь.

— Привыкнешь, — утешила тетушка. — Хотя, надо признать, ходишь ты и в самом деле не слишком красиво. Неловко, будто не знаешь, куда ноги девать. Я-то думала, что просто слишком по сторонам заглядываешься. Придется тобой заняться.

— О-хо-хо, — мрачно протянула Женя. Тетушка тихо рассмеялась и начала перечислять:

— Домашнее платье утреннее, дневное, вечернее и для приема гостей. Хотя бы по два, на первое время. Платье для прогулок, для выезда по делам, для визитов. Не меньше трех для каждого случая. Не делай такое лицо, деточка, носить всюду одно и то же позволяют себе

только обнищавшие и опустившиеся. Далее: платье для верховой езды и костюм для пикника. Сезон выездов на природу почти закончился, так что хватит и одного. Теплое платье и накидку, скоро зима. Это самое срочное. Обувью займемся отдельно — нам нужны будут образцы тканей для сапожника.

— Тканей для сапожника? — ошарашенно переспросила Женя.

— Деточка, обувь должна подходить к платью.

— Я-ясно...

Кажется, квест «почувствуй себя женщиной» обещал быть долгим и сложным.

— А вот то зеленое, которое мы уже заказали, оно для чего? Не домашнее, это ясно. Прогулочное?

— Видишь ли, деточка, — тетушка доела свое пирожное и тщательно обтерла пальцы салфеткой. — Строгий регламент — это для военных, а не для дам. Но все же определенные неписанные правила существуют, и их необходимо придерживаться. Платье для прогулок и платье для визитов спутает разве что совсем неискушенная девица вроде тебя. Но случаи, когда приходится быстро обновить весь гардероб, не так уж редки, и даже самый лучший портной не сошьет тебе десяток платьев в один день. Поэтому начинать разумно с такого платья, которое подойдет для нескольких случаев. В нем ты сможешь выехать на прогулку или за покупками, сходить в гости или принять гостей у себя.

— Универсальный вариант, — пробормотала Женя.

— Под каждый отдельный случай требуются свои дополнения, и о них мы с тобой тоже позаботимся, — решительно объяснила тетушка. И тут же хихикнула: — Как любит говорить мой братец, дело делают нюансы. Ну что, допила? Пойдем тогда.

Портной успел основательно подготовиться к их возвращению. Поставив Женю у окна, разворачивал рулоны тканей, прикладывал к ней, бросал огорченно: «Бледнит!», или озабоченно: «Нет-нет, категорически не ваш оттенок!», или радостно: «Поглядите, госпожа, мне кажется, барышне очень даже к лицу!»

Тетушка одобрительно кивала, или качала головой, или предлагала сменить оттенок, а Женя все больше чувствовала себя манекеном. Это было скучно и утомительно, а собственное мнение она высказала только один раз, решительно отказавшись от карамельно-яркого розового. Остальное было, на ее взгляд, от «отлично» до «приемлемо», так что можно было с чистой совестью оставить решение за теми, кто лучше нее разбирается в местных вкусах.

После портного тетушка Гелли потащила ее к белошвейке. Услышав это «белошвейка», Женя долго неудержимо хихикала, и пришлось объяснять, что смешного она нашла в необходимости приобрести себе приличное белье. Краткий пересказ «Трех мушкетеров» почему-то вогнал тетушку в задумчивость; после чего она предложила «рассказать это замечательное безобразие братцу Варрену» и пообещала после белошвейки заглянуть к галантерейщику.

В итоге еще часа через два Женя валилась с ног, зато стала счастливой обладательницей вороха сорочек, панталон, платочков, кружевных воротничков, а самое главное — заказала нормальные трусики и лифчики. Тетушка, разглядывая Женины рисунки, с сомнением покачала головой, но жаркие уверения Жени, что это удобно, пробудили любопытство и ее, и молоденькой девушки-белошвейки. Визит к галантерейщику обошелся малой кровью — три пары перчаток, два кошелька, сумочка для мелочей и набор расчесок и шпилек в деревянной шкатулке с врезанным в крышку зеркальцем.

Наверное, это было здорово. Шопинг, лекарство от стресса... Вот только с каждым новым приобретением Женя все больше ощущала себя жителем этого мира. Речь шла уже не о «пересидеть несколько дней, пока прояснится ситуация», а о «слиться с местными, выглядеть, как положено, разбираться, что к чему». Даже интересно — если не думать о том, что означает все это невозможность вернуться домой. Окончательную и бесповоротную невозможность, что бы там кто ни говорил о надежде, которую не следует терять.

— Что-то ты, деточка, погрустнела, — заметила тетушка, когда они вышли из галантерейной лавки. — Утомилась, проголодалась?

— Есть немного, — почти честно сказала Женя. Не рассказывать же о том, какая вдруг нахлынула тоска по дому.

— Поехали домой, — решительно скомандовала тетушка. — Для одного дня более чем достаточно.

Глава 21, в которой Фенно-Деральидет по следу, Леони Паллен собирается в дальний путь, а Женя учит графа фор Циррента танцевать вальс

Для одного дня более чем достаточно неприятностей, думал Леони Паллен, лихорадочно собирая вещи. Самое необходимое: сменная одежда, мыло, бутылка заговоренного бальзама, деньги, пистолет, чистый грессбух, дорожная чернильница... По крыше колотил дождь, и Леони вздрагивал от малейшего шума — боялся пропустить шаги на лестнице. Сам не знал, чего следует опасаться больше — полицейских ищек или магов, решивших убрать опасного свидетеля. Вот же угораздило влипнуть! Прав был отец, ой как прав...

Утро в доме Палленов началось с известия о пожаре на портовом складе — спасибо, что товар успели уже погрузить на корабль, и спасибо, что нанятый отцом ученик мага оказался шустрым малым и вызвал ливень. Страшно даже представлять, что огонь мог перекинуться на соседние здания. А самое отвратительное, что поджог мог быть только намеренным: от случайной искры склады заговорены.

Пока разбирались с поджогом, Леони опоздал в университет. Думал вовсе дома остаться, но все же пошел: нынче ждали капитана знаменитого фрегата «Победитель», графа фор Кирессена, специально приглашенного ректором ради рассказа о плавании на Огненные острова. Пропускать столь интересное выступление Леони категорически не хотел. И все же пропустил: при виде того, как фор Шоррентена уводит начальник королевской полиции, дурным голосом взвыло предчувствие беды. Ясно же, что хочет узнать господин Бульдожьи Челюсти: каким ветром занесло на заклятый остров его высочество Ларка, кто знал о заключенном пари, да не было ли у кого из знавших причины желать принцу гибели. И хотя у Леони Паллена таких причин не было, но ведь Шоррентен додумается ляпнуть, что именно Паллен навел его на мысли о пари! А если и не выболтает прямо, Бульдожьи Челюсти вполне может выщедить из него эту бесценную информацию по двум-трем косвенным обмолвкам! И тогда Леони Паллену ничуть не поможет то, что был он всего лишь посредником. Знал и не донес — уже преступник. Соучастник в покушении на принца!

Нет уж, Леони Паллен не хочет оказаться в положении обвиняемого! И даже в роли свидетеля, если вдруг повезет выторговать жизнь признанием и раскаянием. Свидетель в таком деле — все равно что зернышко между жерновами, смелют и не заметят. С одной стороны корона, с другой маги, безродный сын торговца для тех и для других никто. Хорошо, что корабль готов к отплытию и ждет только вечернего прилива, чтобы выйти в море! Леони успеет. Отец понял, хотя и остался недоволен. Объяснит срочный отъезд сына торговой надобностью, а там, глядишь, все забудется. Путь до колоний неблизкий, да и торговые дела не одним днем делаются. Как знать, может, вернуться доведется уже в страну с другим королем. Или, бог даст, королевой...

А в политику больше — ни ногой, ни за какие деньги! Леони Паллен умел извлекать уроки из собственных ошибок. Один раз его использовали, как полного простофилю, ради чужих амбиций, — хватит. Второй раз он в эти сети не попадет. Пусть господа маги ищут других дураков.

Спроси кто начальника королевской полиции, с кем хуже иметь дело, с дураками или

трусами, тот бы затруднился с ответом. Фенно-Дераль не любил ни тех, ни других, хотя использовать в своих целях не стеснялся. Но в расследовании полагаться на их показания приходилось с оглядкой, по десять раз сопоставляя и перепроверяя.

Перетт фор Шоррентен оказался тройне тяжелым случаем: и дурак, и трус, да еще и с аристократическим гонором. Разумеется, против неограниченных полномочий начальника королевской полиции его гонор не стоил и тухлого яйца, но картину происшествия искажал изрядно. Как дурак, фор Шоррентен не замечал очевидного, зато выдавал за непреложную истину собственные фантазии. Как трус, пытался угадать, что, собственно, хотят от него услышать, и готов был оговорить любого и дать любые показания, лишь бы самому остаться в стороне. А как аристократ с гонором, не привык всерьез присматриваться к окружающим, если те были ниже его по положению. В итоге толку от его показаний было, как с козла молока. Из трех десятков имен, названных фор Шоррентеном, интереса для следствия скорей всего не представлял никто — учитывая нездоровый азарт, с которым тот обливал грязью всех подряд, усердно обеляя себя. Но все же Фенно-Дераль отправил людей проверить каждого. А Шоррентена, припугнув как следует, отпустил под магически заверенную клятву о невыезде из столицы. И, разумеется, приставил к нему опытных соглядатаев. Чем черт не шутит, вдруг таинственные заговорщики решатся еще раз использовать это позорное недоразумение, тем самым избавив полицию от трудов по их поиску.

Сам же Фенно-Дераль попытался выйти на след с другого конца. Искать следы магии на Дубовом острове было, спустя столько времени, бесполезно, однако организовать поиск раненого мага — дело не столь уж сложное. Судя по рассказу капитана, маг этот — менталист уровня магистра, но сила менталиста совсем не обязательно сочетается с умением лекаря. Хотя то и то — воздействие на человека, принцип все же разный, и достичь высот в обеих областях мало кому удается. Так что, скорее всего, маг заблокировал боль и кое-как остановил кровь, чтобы суметь уйти с острова и добраться до лекаря. А лекари обязаны сотрудничать с полицией и немедленно докладывать обо всех сомнительных с точки зрения закона случаях. И раз об этом не доложили, вероятных вариантов всего три. Либо маг получил помощь от коллеги, связав его цеховой солидарностью или собственным более высоким положением в гильдии. Либо у него есть связи в криминальной среде, и он обратился к подпольному целителю. Либо, что самое вероятное, он ринулся к первому попавшемуся лекарю, а потом заставил того забыть о подозрительном пациенте.

Следовательно, первым делом нужно опросить соседей и домочадцев тех лекарей, которые живут поблизости от места происшествия. При наличии хотя бы двух-трех опытных оперативников — дел на пару часов.

Разумеется, Фенно-Дераль оказался прав в своих предположениях, и выяснилось это в точности через те самые два часа, которые он отвел на поиски. Что ни говорите, господа, а опыт есть опыт. Искомый лекарь обнаружился в храмовом приюте для сирот, в двух кварталах от переправы на Дубовый остров. Сам он был уверен, что в день, интересовавший господина полицейского, его после обеда сморил неожиданный сон. Однако воспитанники приюта, как и положено шустрым глазастым мальчишкам, рассмотрели посетителя во всех деталях. Что ни говори, не каждый день бедным сиротам доводится видеть белый балахон менталиста, а почтения к магам у них не больше, чем у любого обделенного судьбой бедняка. Так что господину полицейскому стоило только намекнуть, что с белобалахонником дело нечисто — и мальчишки выложили ему все, что смогли разглядеть и

подслушать. Описали до малейшей мелочи. Пулевое ранение в левую ногу, острый нос, бородавку на щеке, козлиную редкую бородку цвета прелой соломы, тощую сутулую фигуру ростом заметно ниже среднего, а заодно манеру ругаться, поминая согрешившую под святым деревом бабулю благородного Реннара фор Гронтеша такими словами, что оный Реннар, услышав такое, искрошил бы в лапшу любого.

Фенно-Дераль хищно улыбнулся, выслушав доклад. Найти мага по таким приметам — проще некуда. А уж прижать как следует, имея на руках столько фактов, и вовсе раз плюнуть. Лишь бы не оказалось, что мерзавец успел покинуть столицу, тогда поиски могут затянуться. Черт бы побрал Ларка с Реннаром, двух безответственных олухов! Что им стоило сразу заявить о покушении? Или они и в самом деле даже не поняли, что это покушение? Бывают же на свете остолопы...

А чтобы господа магистры не вздумали заступаться за коллегу, когда того придут арестовывать, самое время прогуляться во дворец. Его величество не оставит без внимания подробности покушения на любимого внука. Заодно и внуку перепадет за неуместную скрытность. В другой раз, случись что подозрительное, глядишь, сразу подключит к делу полицию, вместо того чтобы делать невинные глаза в ответ на вполне закономерные вопросы.

Фенно-Дераль встал, потянулся, хрустнув уставшей от долгой неподвижности шеей. Подошел к окну. День едва начал клониться к вечеру, но зарядивший с утра ливень как будто прикрыл улицы мрачной серой занавесью, сгустил сумерки так, что казалось — вот-вот на город упадет ночь. Косые струи ливня бились в двойной оконный переплет, заставляя дребезжать стекла. Не слишком подходящая погода для прогулок, но дела не ждут.

Он вызвал дежурного и велел закладывать экипаж.

Косые струи ливня бились в окно, заставляя дребезжать стекла. Низкое серое небо и пелена дождя превращали день в ранний хмурый вечер. В такую погоду теплый свет ламп кажется особенно уютным, а домашнее платье, пяльцы и корзинка с нитками — особенно уместными.

Барышня Женя подошла к окну, провела пальцами по стеклу.

— Не люблю осенние дожди.

Гелли воткнула иголку в недошитый бутон розы и опустила пяльцы. Она осенние дожди не просто не любила — терпеть не могла. Ненавидела. От них начинала болеть голова и накрывало тоской, ощутимой, как плотный душный кокон. А если уж быть честной, то не от них, а от мыслей, которые они рождали — от назойливого, как бьющаяся в стекло муха, «если бы». Если бы когда-то, тридцать лет назад, такой же дождь пошел неделей раньше. Если бы они с Арбальдом не собрались в лавку Паллена именно в тот день. Если бы разминулись с фор Кирессеном, только ставшим капитаном «Победителя», и он так и остался бы для Арби всего лишь именем, пусть и легендарным. Не заразил бы Арби страстью к новым землям... хотя о чем она, та страсть уже была, просто в тот день к ней прибавилась цель — Огненные острова. Проклятая земля, отнявшая у Гелли брата.

Хорошо, что сегодня не до мыслей.

— Деточка, спину ровней! И руками не маши туда-сюда, ты молодая красивая барышня, а не солдат на плацу!

Безнадежный случай, просто руки опускаются. Ведь и в самом деле — молодая красивая барышня, милая, приятная, а ходит — полицейскому впору. Как будто юбку первый раз в жизни видит. Да и не только в юбке дело. Истинно женского в этой девочке прискорбно

мало. Такое ощущение, что бедняжку воспитывали вовсе без мысли, что когда-нибудь ей нужно будет найти мужчину, выйти замуж...

Хотя — мысль пришла в голову внезапно, изрядно удивив Гелли — Арби, пожалуй, мог бы ею увлечься. Ключнуть на необычность, непохожесть. Гелли представила рядом Арбальда и барышню Женю и покачала головой. У них могла бы случиться прекрасная дружба, но не больше. Вместе на пикнике, в библиотеке над картами, в порту, глядящими на штормовые волны и могучие корабли — да. Но не танцующими и уж тем более не целующимися.

— Деточка, ты любишь путешествовать?

На лице барышни проявилось легкое недоумение.

— Не знаю. Я никогда не ездила куда-то далеко. Только учиться и вот сейчас, — она нахмурилась, — думаю, это не считается.

— А хотела бы?

— Да, наверное. Дома точно хотела, много куда.

Хорошая девочка. Серьезная, неглупая и очень прямая. Арби был таким же. Подумать только, Варрену эта невесть откуда взявшаяся девочка напоминает Цинни, ей — Арбальда... Как будто и в самом деле потерянная родня. Впору поверить, что братца занесло в другой мир вместо Огненных островов. Иди не вместо, а уже там? Кто знает, что это был за храм, на подступах к которому погиб андарский отряд...

Мысль неожиданно захватила, несмотря на всю абсурдность, и Гелли спросила, мгновение поколебавшись:

— Деточка, кто были твои родители?

Глупость, конечно. Да и вопрос бестактный, девочка и без того грустит. А родители самые обычные для ее мира. И бабушки с дедушками по обеим сторонам. Гелли подавила разочарованный вздох: «А чего ты ждала, глупая? Чуда?»

— А в чудеса ты веришь?

— Нет, — быстро ответила Женя. Даже головой помотала, так по-детски, и тут же рассмеялась: — Ни в чудеса, ни в волшебство, смешно, правда? Даже оказавшись в мире, где живые маги по улицам бегают.

Смешная девочка, равнять чудеса и магию...

— В магии нет чуда, деточка. Пусть не все к ней способны, но она, как сказал бы братец Варрен, подчиняется определенным законам. Проще говоря, это всего лишь природные способности, умение и немного таланта. Оно возможно. А чудо — нечто невозможное в принципе.

— Например, научить меня ходить в этом платье, — Женя сердито вздохнула.

— Научишься, — хихикнув в кулачок, пообещала Гелли. А сама подумала вдруг: надо приглядеться, как складывается у деточки с Варреном. На виду — уважение с ее стороны и «рабочий интерес» с его, но отчего-то кажется, что их отношения должны быть куда как доверительнее.

Отчего-то Гелли очень хотелось, чтобы эта милая девочка стала членом семьи. Казалось, что так будет правильно. А подобным ощущениям Эбигейль фор Циррент привыкла верить.

Наверное, именно из-за мрачной погоды теплый неяркий свет масляных ламп казался особенно уютным. Лампы кидали медовые отблески на паркет, полумрак скрадывал стены, делая и без того немаленький гостевой зал еще больше. Тетушка Гелли сидела в кресле под лампой: темно-синее домашнее платье, крохотные пальцы в руках, у ног — корзинка с

нитками.

Женя приподняла тяжелые юбки — немного, может, всего-то на сантиметр-два от паркета, и тут же, спохватившись, выпустила из пальцев плотную ткань. Спросила поспешно:

— Не представляю, как в таком платье в дождь на улицу выйти?

— Да, погода сегодня не для прогулок, — согласилась тетушка. — Ну ничего, пройтись по лавочкам в свое удовольствие мы еще успеем. А пока учись. Вижу, вижу, что тебе надоело, — тетушка негромко рассмеялась, — но такая милая барышня должна уметь подать себя с первого взгляда. Голову подними, деточка, подбородок выше. И не делай такое жалобное лицо, улыбнись!

Женя задрала подбородок и выдавила улыбку. Ей было неловко, неудобно и стыдно, куда уж улыбаться.

Она уже битый час расхаживала туда-сюда, путаясь в подоле пышного платья, то и дело наступая на ушитую кружевами нижнюю юбку, не зная, куда девать руки. Почему-то она думала, что такие юбки вполне нормально слегка приподнять при ходьбе, но оказалось — наоборот. Признак не то чтобы дурных манер, а скорее их полного отсутствия. Как выразилась тетушка, «такого даже горничные себе не позволяют».

Легкие домашние туфельки скользили по натертому до блеска полу, хотелось плюнуть на приличия, разогнаться и проехаться, как по накатанному льду зимой. Интересно, как здешние дамы ухитряются танцевать на таком полу и не падать?

А тетушка сидела в своем кресле и отпускала замечания: «Спину ровней, плечи развернуть, шаг короче, деточка, и руками не маши туда-сюда, ты не солдат на плацу! Ты молодая красивая барышня, знай себе цену и не стесняйся это показать».

— Я вижу, вы не скучаете, милые дамы? — вошел граф, внимательно оглядел Женю, кивнул одобрительно.

«Уж лучше бы скучали», — подумала Женя. Хотя вслух, разумеется, не призналась.

— А ты хотел нас чем-то развлечь, дорогой братец? — тетушка встала, бросила быстрый недовольный взгляд за окно.

— Всего лишь спросить, как успехи милой барышни.

— Отвратительно, — не удержалась Женя. — Если вы собирались вытащить меня на какой-нибудь бал, имейте в виду, что я там опозорюсь по полной программе.

— Гелли? — граф обернулся к сестре.

— Не так все плохо, — улыбнулась та. — У девочки своеобразная манера двигаться, но неуклюжестью она не страдает. Привыкнет.

Граф снова обернулся к Жене:

— А танцевать вы умеете?

— Видели б вы наши танцы, — Женя представила, как вытанцовывает в этом платье какой-нибудь дискотечный быстряк, и, не выдержав, рассмеялась. — Брюки для них подходят больше, честное слово. То есть, конечно, для вальса такое платье вполне годится, но как раз вальс я как-то и не очень...

— Можете мне показать? — заинтересовался граф. Подошел вплотную, протянул руку ладонью вверх: — Позвольте пригласить вас на танец.

— Да вы же не умеете, — Женя протянула руку, почувствовав вдруг, что совершенно по-глупому смущается.

— А вы научите, — невозмутимо отозвался граф. Кажется, он прочитал на ее лице не

сказанное «да зачем вам?!», потому что пояснил, слегка улыбнувшись: — Танцы дают некоторое представление об обществе. И, я бы сказал, как раз то представление, которое довольно трудно выразить словами.

— Ах, у вас исследовательский интерес, — Женя невольно хихикнула. — Знаете, когда этот танец только придумали, он считался неприличным. Но это было, наверное, лет двести назад, если не больше, я даже не знаю точно. А сейчас это... ну, наверное, можно сказать, официальная классика. Так что представление об обществе будет немного несовременным. — Положила руки графу на плечи, запрокинула голову, вглядываясь в лицо. Выше ее больше чем на голову, та еще дылда — а болтают, что раньше люди были ниже! Или для другого мира понятие акселерации не подходит? А еще вот так вблизи виден тонкий, едва заметный шрам на подбородке, интересно, чем его так? «Боже, о чем я думаю», — спохватилась Женя. Объяснила: — Кавалер держит даму за талию. Я напою мелодию. Сразу предупреждаю, у меня ни слуха, ни голоса.

— Ничего, я потерплю, — серьезно ответил граф.

Учитель из Жени оказался никудышний. И не в том даже дело, что она и сама толком не знала, как танцевать вальс по всем правилам. Покружить по залу — не велика сложность. Но Женя путалась в тактах, то и дело сбивалась с правильного шага, непривычное платье мешало, а мужские ладони на талии и пристальный, изучающий взгляд странным образом тревожили. И ведь ничего такого особенного она к графу не чувствовала, с чего бы напрягаться? Может, все дело было в том, что она вообще давно не танцевала с мужчиной?

Поймав себя на этой мысли, Женя остановилась и осторожно отстранилась. Сказала виновато:

— Ерунда какая-то получается. Извините, господин граф.

— Ничего страшного, — все так же спокойно ответил тот. — Основной принцип я уловил. Благодарю вас. — Напел несколько тактов, покачал головой: — Своеобразная мелодия. Никогда не подумал бы, что под такое вообще можно танцевать. Что ж, милая барышня, посещать балы вам и в самом деле пока рано. Разве что в качестве зрителя. Да, так вот о балах. Гелли, дорогая, о твоём приезде уже прослышали, и я боюсь, что тянуть с визитами становится неприлично. Кроме того, тебя видели в обществе барышни Жени.

— Хочешь сказать, братец, нам пора решить, в качестве кого представить бедную девушку?

Женя попятилась и присела рядом с тетушкой Гелли, в соседнее кресло. Спросила шепотом:

— А зачем представлять? Это обязательно?

— Не обязательно, — ответил вместо тетушки граф. — Но крайне желательно. Чем скорей мы ответим на естественный для общества вопрос, что за девушка живет в моем доме, тем меньше кривотолков он вызовет.

— Репутация? — посочувствовала Женя.

— Прежде всего ваша, — усмехнулся граф. Впрочем, усмешка его была какой-то кривой, и Женя не почувствовала за ней ни веселья, ни желания уязвить. Скорее — задумчивость и неуверенность. Хотя уж что-то, а неуверенность меньше всего была свойственна этому всегда решительному и даже излишне резкому господину.

Глава 22, в которой Женя любит издали на королевский дворец, не подозревая, что скоро ей предстоит там побывать

— Какой-то странный ты сегодня, — Грент кивнул на кресло, приглашая гостя устраиваться поудобней. — Как будто никак не можешь решить что-то для себя важное. В чем дело, Варрен? Обычно неуверенность тебе не свойственна.

— Да так, — хмыкнул фор Циррент. — Думаю кое о чем. Расскажи лучше, как продвигается твое расследование. Ты ведь за этим меня звал?

— Да, — Грент прошелся по кабинету, зачем-то выглянул в окно и сел на край стола, небрежно отодвинув стопку газет и писем. — Что я тебе скажу, Варрен. Все слишком запутано, в этом клубке не одна нить, а хорошо если не с десяток, и не факт, что все они как-то связаны.

— Вот оно что, тебе нужен слушатель. Что ж, всегда к твоим услугам.

— С тобой хорошо думается. К тому же одна из нитей в твоих руках, да и безопасность короны по твоей части. А я нюхом чую, что к тому все и движется.

Чутье графа фор Циррента подсказывало ему то же самое.

— Отъезд Клалии, — начал он. — Ритуал по получению силы. Два покушения подряд. К чему еще все это может быть. Клалия наконец-то спелась с магами или маги с Клалией, не суть важно — ясно одно, что они решились действовать.

— Три покушения, — поправил Грент. — Но, знаешь, Варрен, я бы сказал, что автор первой попытки обладает куда более развитой фантазией. Стрелок на крыше — это примитивно. Убийца с ножом и сонным заклинанием — нагло, но крайне грубо. А тот, кто устроил его высочеству ловушку на Дубовом острове... это художник. Мастер, чтоб его. Сложный план, безупречное исполнение. Его высочество спасся чудом. Точнее, знаменитым везением своего дружка Реннара.

Грент рассказывал о том, что приключилось с Ларком и его порученцем на Дубовом острове, и фор Циррент с трудом подавлял желание схватиться за голову, излить злость на десятке известных ему языков, а потом пойти и самолично выдрать его высочество, как дерут нашкодивших мальчишек. Портупеей по голой заднице, так, чтобы долго потом сесть не мог. Бог с ним, что хватило глупости попасть в ловушку — и с более искушенными людьми бывает. Но попытка скрыть столь опасное происшествие! Чего он, хотелось бы знать, опасался? Неужто обвинения в святотатстве? А теперь след остыл, так удачно срисованный людьми Грента менталист успел покинуть столицу, ищи его по всему миру! И гадай, был он автором столь изящного плана или только исполнителем! Внешность не сказать чтоб очень уж приметная, но в окружении Шоррентена точно не мелькал. Там вообще маги не мелькали, да и никого из чужих, нарушающих привычный круг общения. Студенты — народ любопытный, заметили бы. Там действовал кто-то свой, но кто? На следующий день еще можно было бы раскрутить дружков Шоррентена на воспоминания, кто из них что болтал накануне да по какому поводу, но теперь концов не найдешь.

— Вот, можешь взять с собой, — Грент протянул фор Цирренту тонкую стопку листов в картонных корочках. — Все, что мои люди нарыли на нашего нового подозреваемого. Я бы очень тебя попросил аккуратно прощупать окружение Клалии. Если это действительно была

попытка расчистить путь для юного принца Киренна...

— А что еще, — хмыкнул граф. — Других причин опасаться за жизнь принца Ларка у нас на сегодня не просматривается.

Открыл обложку, взгляделся в открывавший дело карандашный рисунок. Белый капюшон менталиста, короткая челка, неприятный, тяжелый взгляд, острый нос, бородавка на левой щеке, козлиная растрепанная борода. Мастер Агватус, маг-менталист первой категории, работает с банкирами, специализация — проверка финансовой благонадежности. Обтекаемое название, за которым — сбор информации о клиентах, выбивание долгов из несостоятельных или неаккуратных должников, шпионаж за конкурентами. Банковское дело никогда не было прибежищем чистоплюев. Зато состояния там сколачиваются из ничего, в год-два, были бы наглость и желание. Очевидно, мастер Агватус не отягощен излишними принципами, зато весьма богат на амбиции. Самое то что нужно для заговорщиков.

— Да, колоритный тип. Думаешь, он убежал под крылышко Клалии? Согласен, разумней всего спрятаться в свите ее высочества. Доступ к новостям, защита... И повод менталист такой квалификации найдет легко. Скрываться с концами причины нет, он не может знать, что засвечен: с острова ушел незамеченным, слухов по городу не ходило: и принц, и прочие участники вылазки о своем приключении дружно промолчали. К слову, не он ли им это внушил? Но вряд ли у Клалии хватит наглости оставить при себе неудавшегося убийцу пасынка.

Грент пожал плечами:

— Почему бы и нет. Взгляни на ситуацию глазами ее честолюбивого высочества. Пусть покушение не удалось, однако случай не получил огласки. Наследник престола, его порученец и несколько боевых офицеров — в самом деле, кто же из них признается, что позволил себе выходку, достойную пьяного школяра? Тем более что окончилась выходка весьма бесславно. Впрочем, я полагаю, Клалия не в курсе подробностей. Вопрос скорее в том, хватит ли наглости убийце спрятаться настолько на виду. Но достойный мастер Агватус вообще довольно наглый тип. Почитаешь, тебе понравится. Мои ребята прижали парочку его работодателей, принесли материал — пальчики оближешь, лет на двадцать каторги уже тянет. Есть с чем работать.

— Но к следующим покушениям он не причастен. Что несколько портит нам стройную картину происшествия.

— Абсолютно точно не причастен, — согласился Грент. — Стрелок не мог знать о подоплеке всей этой авантюры с пари: смысл караулить тех, кто уже должен быть покойником? А ночной гость... Агватус проехал через южные ворота в конце дня, у него не оставалось времени снарядить убийцу так, чтобы оборвать все ниточки к собственной персоне. Он выбрался с острова, нашел лекаря, залечил рану и сразу же ударился в бега.

— Наверняка боялся, что господа офицеры все-таки разболтают о случившемся. Хотя бы по пьяной лавочке. И ведь разболтали бы! Если бы пуля нашего второго номера не уложила Реннара в постель, вечером они наверняка бы пили в том же составе, пересчитывали собранные желуди, и все Офицерское собрание слушало бы об их похождениях.

И уже к утру о них знал бы весь город. Менталисты вообще славятся везучими ребятами, но этому везет как-то даже неприлично. Фор Циррент поймал себя на том, что выстукивает по столешнице кавалерийский марш, и, поморщившись, сцепил пальцы в замок.

— Итого, Варрен, что мы имеем? Один убийца в бегах, второй мертв, а мы, при всех

видимых успехах, топчемся на месте. Я бы предположил, что Клалия не слишком верит в способность магов избавить ее от Ларка, вот и решила подстраховаться. Время играет против нее, здоровье его величества все хуже, а тут перелом. Есть причина рисковать. Одно только «но»...

— Риск? О чем ты, — фор Циррент усмехнулся. — Она отчаянный игрок.

— Нет, я не риске, — Грент покачал головой. — Клалия верит в силу менталистов. Ей и в голову бы не пришло, что менталист первой категории может потерпеть поражение в игре против молодых раздолбаев. И уж тем более не похожа на нее мысль, что там, где не справился маг, добьется успеха стрелок.

Граф кивнул. В самом деле, господ военных Клалия откровенно презирает, и полагаться на них не стала бы даже в менее важном и куда более невинном деле.

— Значит, второго номера снарядила не Клалия. Одно из двух — или я, как последний олух, проглядел работу внешних врагов, или целили все-таки не в принца. У Реннара тоже хватает врагов, что бы эти два остолопа себе ни думали.

На некоторое время в кабинете повисло тяжелое молчание. Нарушил его Грент:

— Кстати, Варрен, о Дубовом острове я собираюсь сегодня же рассказать его величеству. Не желаешь присутствовать?

— Разумеется, желаю, — фор Циррент подавил неуместный вздох сожаления. — Если помнишь, я не успел доложить его величеству все те бесчисленные подробности о бедной барышне, которые он жаждал узнать.

— Чего же ты хотел, — теперь в смехе Грента промелькнуло настоящее веселье. — Случай уникальный, а его величество любит все необычное. Готов поспорить, кончится тем, что он прикажет подать девицу пред свои очи и замучает ее вопросами так, как нам с тобой и не снилось.

— Это было бы весьма интересно, — ухмыльнулся в ответ фор Циррент. — Когда едем? У тебя назначено время?

Грент бросил взгляд на украшавшие стену механические часы:

— Его величество просил подойти к шести, времени достаточно. Как раз успею заехать еще в одно место.

— Я тебе там нужен?

— Как хочешь. Лавка колониальных товаров торгового дома «Паллен и сын». Меня, собственно, интересует как раз сын. Леони Паллен, студент, закадычный приятель фор Шоррентена. Шоррентен утверждает, что именно Леони предложил поймать господ офицеров на байку о Дубовом острове. Просто так, для смеха.

— Что ж, я тоже не прочь посмеяться. Поехали.

— Лавка колониальных товаров? — переспросила барышня. — Конечно, хочу! Интересно же!

Гелли печально улыбнулась. В детстве они с Варреном и Арби любили колониальные лавки так, как прочие дети любят кондитерские. Связки жгучего перца, мешки с рисом, пряностями и чаем, головы бурого сахара, яркие ковры и ткани, странные фигурки туземных божков... Разглядывать все это можно было часами. Арби как-то даже упросил отца купить кривой турецкий кинжал, а после выучился неплохо с ним обращаться, хотя и считается, что чужеземное оружие не пристало дворянину. Потом, когда пришло известие о гибели Арбальда, Гелли долго обходила стороной все, что хоть как-то могло напомнить о брате. Привыкла делать вид, что нет ни колоний, ни кораблей, ни Огненных островов на карте

мира. Подумать только, тридцать лет прошло, а она впервые за все это время собралась в лавку колониальных товаров. И чувствует себя почти как в детстве — с той разницей, что теперь не ей обещают сказку о дальних странах, а она сама — вот этой милой девочке, взятой Варреном под свое покровительство.

Ах, Варрен, Варрен. Просил показать девочке все, что можно, рассказать о мире — так, будто она вовсе ничего не знает. Спрашивал, что дорогая сестрица думает о барышне, а сам дергался, будто от благоприятного ответа невесть что зависит. Будь Гелли поглупей, решила бы, что дорогой братец влюбился. Но Варрен из тех, о ком говорят «женат на своей работе», и такой интерес может означать лишь одно: девушка ему нужна для каких-то таинственных дел. Что ж, оно и к лучшему. Таинственные дела Варрена понравятся такой девушке больше, чем скучная и благопристойная семейная жизнь. Да и не похоже, чтобы барышня так уж рвалась замуж. Не так смотрит. Ни оценивающего взгляда, которым отличаются умные невесты, ни томно-зовущего, свойственного романтичным глупышкам.

Барышня улыбнулась, и Гелли вдруг поняла, кого напоминает ей этот взгляд и эта улыбка. Арби в шестнадцать лет. Такой же жадный интерес к миру и затаенная, неосознанная уверенность в том, что мир прекрасен, а все его опасности — острая, но необходимая приправа к блюду под названием «жизнь». Кольнуло сердце, Гелли оперлась ладонью о стену.

— Ой, что с вами? — барышня тут же заметила, дернулась поддержать. — Вам плохо? Может, ну ее, эту лавку, в другой раз?

— Просто вспомнила кое-что, — Гелли осторожно вздохнула. — Грустные детские воспоминания... Право же, не стоит о них тревожиться. Для тех, кто жив, жизнь должна продолжаться.

«Жизнь должна продолжаться», — повторяла себе Женя, пока коляска неторопливо катила по умытому вчерашним дождем городу. Цокали о каменную мостовую копыта, коляску трясло, даже мягкое сиденье не спасало. Это вам не асфальт и не такси... Привыкай, деточка, и радуйся, здесь такой экипаж — верх комфорта. Тебе, можно сказать, крупно повезло — жива, цела, и люди хорошие приютили. Знать бы еще, чего граф от нее захочет, не просто ж так столько заботы? Но почему-то Женя была уверена, что ничего плохого от графа фор Циррента можно не ждать.

Тетушка Гелли молчала, о чем-то задумавшись. Наверное, те самые «грустные воспоминания». Женя не расспрашивала. Глядела по сторонам, на красные черепичные крыши и кирпичные башенки, увенчанные медными флюгерами, на мелкие переплеты окон, кованые ограды и ворота, не по-осеннему зеленые газоны и яркие клумбы за оградами. Разглядывала встречные экипажи, прохожих, редких верховых. С удивлением понимала, что начала привыкать к чужому миру — по крайней мере, к его виду. Уже не шокируют и не вызывают ощущения исторического фильма всадники в ярких мундирах, нарядные дамы в открытых колясках, немаркие темные и серые одежды пешеходов.

Вскоре район богатых особняков сменился тесными улочками, где дома жались друг к другу, слепляясь стенами, а две коляски с трудом могли бы разминуться. Тротуары здесь едва вмещали толпу прохожих, над головой скрипели, раскачиваясь, кованые и резные вывески. Все они были старыми, потемневшими от времени, и, как правило, над входом в лавочку, булочную или мастерскую бросались в глаза вывески другие — новые, яркие, крупными буквами, которые Женя уже успевала читать, проезжая мимо. В который раз она задумалась, какому времени в родной истории соответствует этот мир. Собственное,

сказанное в минуту беспросветного отчаяния, «дремучее средневековье» явно было скоропалительным и несправедливым. Печатные книги, газеты, вполне, кажется, пристойный уровень быта. Лавки колониальных товаров — то есть не просто колонии, а налаженные торговые связи. До технической революции здесь явно еще не дошли, но кто его знает, насколько влияет на прогресс магия? «Данных мало», — решила про себя Женя.

Коляска свернула, долго ехала вдоль ограды парка. За черными прутьями кованой решетки ярко желтели клены. Жене почудились крохотные радуги над кронами, она невольно поежилась, спросила:

— А здесь что?

— Чародейный сад, — негромко ответила тетушка Гелли. — Он открыт для публики только в определенные дни. Но для простых людей здесь нет ничего особенно интересного.

— А для кого есть? — осторожно спросила Женя.

— Для магов, — как само собой разумеющееся, пояснила тетушка Гелли. Даже плечами слегка пожала: что, мол, спрашивать такие глупости? А коляска свернула снова и выехала на широкую набережную.

Женя замерла, забыв о не заданном вопросе. В широкой реке отражалось синее небо, вода казалась чистой и яркой. От спуска к воде замощенную часть набережной огораживала невысокая каменная балюстрада, над ней возвышались на тонких столбах-ножках стеклянные шары фонарей. Вдалеке виднелся ажурный мост, на входе и выходе украшенный невысокими башенками. А дальше, за мостом, на том берегу, высился дворец. Белоснежный под ярким солнцем, сверкающий, словно сахарный домик, с крохотными мерцающими радугами на крышах высоких узких башен.

— Ой, — выдохнула Женя. — Красота какая... А там что?

— Королевский дворец, — слегка улыбнулась тетушка Гелли. Коляска свернула в переулок, Женя торопливо оглянулась: хотелось посмотреть еще.

— Я думала, такие дворцы только в сказках...

Дома закрыли обзор, но верхушки острых башен и радуги над ними были еще видны, и Женя смотрела, обмирая от непонятного ей щемящего чувства — будто и в самом деле увидела что-то волшебное. А потом коляску тряхнуло, колесо въехало в лужу, окатив грязной водой спешившего мимо детину, тот ругнулся трехэтажно, и Женя невольно фыркнула, очутившись вдруг вместо сказки снова в обычном мире — пусть чужом, но с такими же, в общем, людьми.

Но все-таки мелькнула мысль, что было бы здорово посмотреть на этот дворец поближе.

Глава 23, в которой лавка колониальных товаров становится местом неожиданных встреч, находок и открытий

Граф фор Циррент ждал от поездки в лавку Палленов одно, а получил совсем другое. Возможность посмотреть на барышню Женю не в привычной уже домашней обстановке, а в момент, когда она увлеченно знакомится с новым миром.

Фор Циррент стоял, прислонясь к косяку полуоткрытой двери, прислушивался к разговору Грента с Палленом-старшим и, скучая, разглядывал лавку. Вернее, угол между прилавком и подсобкой, в котором стояли мешки, а над ними висели связки скрученного, словно бараньи рога, жгучего красного перца. Грент раскалывал Паллена-отца небрежно и ласково, уверяя в том, что его сын наверняка ввязался в дурное дело по глупости и само его бегство говорит скорее в его пользу, чем против: осознал, ужаснулся, поддался панике, молодого человека можно понять, ведь он неискушен, неопытен и, очевидно, легко поддается чужому влиянию. Завел не те знакомства, и вот результат. А ведь все еще можно исправить, и будущность юноши не пострадает, и работа на корону зачтется...

В этот миг в лавку и вошли две очень даже знакомых графу посетительницы.

Гелли выглядела напряженной и растерянной, и граф невольно задал себе вопрос, сколько же лет его кузина обходила эту лавку десятой дорогой. Помнится, именно здесь, у Паллена, Арби разговорился с графом фор Кирессеном, капитаном «Победителя». А через месяц отплыл с ним на Огненные острова — и не вернулся. Эта боль слишком давняя, пора уже что-то с ней сделать.

Что же касается барышни, то она напоминала ребенка, впервые попавшего в кондитерскую. Очевидно, только понимание о подобающем на людях поведении удерживало ее от того, чтобы утыкаться носом в витрины, брать товар в руки и пробовать на зуб. Граф незаметно усмехнулся. Старый Паллен продавцов себе подбирал приветливых и словоохотливых, так что смущаться барышне предстояло недолго.

Граф слегка подвинулся, оставаясь незамеченным, обвел лавку оценивающим взглядом. Какой товар девушка отметит первым делом? Будь это обычная девица, граф поставил бы на отрезки яркого шелка и тонкого, полупрозрачного муслина, на расписные бумажные веера, на ожерелья и браслеты из полосатого полупрозрачного агата. Гелли даже в юности больше интересовалась чаем и пряностями, прекрасно разбиралась в сортах сахара, риса и кишмиша и первым делом осматривала прилавки с продуктами. А вот Цинни могла подойти к благовониям или к какому-нибудь уродливому туземному божку, долго перебирать ткани, ковры и шали — или равнодушно пройти мимо, зато отдать, не торгуясь, сотню монет за шкатулку с секретом.

— Ой, — разрезал выжидающее молчание звонкий голос барышни, — это у вас настоящая катана?

— Что, простите? — продавец явно растерялся, и граф досадливо вздохнул: он тоже не понял, о чем спрашивает барышня. Переводческое заклинание с ней все так же временами сбило.

— Катана, — повторила барышня и, поймав полный недоумения взгляд продавца, по-простонародному ткнула пальцем на стену — туда, где висел кривой меч, привезенный с

Огненных островов. Старый Паллен утверждал, что меч принес пожелавший остаться неизвестным господин, которому после бесславного возвращения Колониального корпуса срочно требовались деньги. Сам фор Циррент полагал, что трофей вовсе не принадлежал таинственному господину, а был им неблагородно украден, иначе тот не поспешил бы сбавить настолько редкое оружие за бесценок. Но жалоб на пропажу не поступало; впрочем, так же не появлялось и желающих купить этот странный, непригодный для классического боя меч.

— Барышня интересуется оружием?

Фор Циррент пожалел, что из своего укрытия не видит лицо продавца: интересно было бы оценить, ошеломлен ли он настолько же, насколько сам граф. Барышня не просто интересуется оружием, но еще и называет его своим, непереводаемым для заклинания словом. Словом из своего мира.

— Да нет, — смутилась та, — не так чтобы интересуюсь, просто... Интересно же в руках подержать!

— Я не думаю, что... э-э... простите, госпожа, у нас любой покупатель может поглядеть на любой товар, но...

— Не бойтесь, не порежусь, — фыркнула барышня. — Но если так уж нельзя, тогда ладно. Извините. Что у вас тут есть интересного, что не страшно дать в руки девушке?

Дальнейшие полчаса заставили графа от души сочувствовать несчастному продавцу. Пока Грент и старый Паллен были заняты решением судьбы заблудшего Паллена-младшего, барышня успела покривить носик на коллекцию благовоний, с полным равнодушием осмотреть ткани, пожать плечами на полку со статуэтками, курильницами и прочей, как она выразилась, «дребеденью», и лишь слегка оживилась, разглядывая веера из полупрозрачной бумаги — цветущие деревья, разноцветных птиц, горы и водопады. Гелли в страдания продавца не вмешивалась, а лишь наблюдала — кажется, почти с тем же интересом, что и фор Циррент.

— Цветы и птицы, — вздохнула барышня, бережно откладывая последний веер. — Фудзи, любование сакурой, бамбук под ветром и прочая классика. Так странно. Будто привет из дома. Если бы здесь еще и чай нормальный нашелся...

И снова граф не понял половины слов. Зато понял, о чем он будет расспрашивать милую, тоскующую по дому барышню нынче же вечером.

«Сегодня вечером я буду очень скучать по дому», — подумала Женя. Вечера давались ей тяжело: спать в доме графа расходились рано, а она была закоренелой «совой». Подолгу не могла заснуть, и мысли в голове бродили самые невеселые.

А вся эта японщина, которая здесь шла под маркой «колониальных товаров», слишком живо напоминала ее увлечение анимэ, затянувшееся от школы до конца института и обогатившее кучей довольно разрозненных, но интересных знаний о японской культуре, жизни и истории. Женя даже десяток-другой слов до сих пор помнила. Не таких общеизвестных, как катана, а чисто японских. Вроде «тайчо» или «итадакемас».

Она свернула последний веер, вздохнула:

— Если бы здесь еще и чай нормальный нашелся...

Похоже, «нормальным чаем» она задела за живое не только продавца, но и тетюшку Гелли. Еще бы — с ее легкой руки после посещения кондитерской в доме фор Циррента завелся тот самый травяной чай, который тогда так понравился Жене. Что ж, это, конечно, лучше, чем ничего, и на самом деле вкусно, но...

В лавке оказался большой выбор чая из Тириссы — травяного, ягодного, для лета и для осени, для утра и для вечера, от простуды и даже, как обтекаемо выразился продавец, «для улучшения супружеской жизни». Женя проглотила просившийся на язык ядовитый комментарий, выбрала вместе с тетушкой с десятков разных сортов, попутно выслушав рассказ о том, насколько в Тириссе помешаны на традиции пить особый чай для каждого случая. И все же не выдержала, вздохнула снова:

— Интересно, в Тириссу возят чай из колоний? К вам, похоже, такое не доходит. Наверное, просто не нужно никому, раз уж у вас даже эти, из Тириссы, под экзотику идут.

— Я понял, о чем вы, юная госпожа, — закивал продавец. — В самом деле, в колониях собирают свой чай, и он сильно отличается от тирисских. По совести говоря, это товар для тех, кто хочет казаться эксцентричным. Адмирал Гронтещ, к примеру, предпочитает чай с Огненных островов, говорит, что к нему трудно привыкнуть, но отвыкнуть еще трудней. Я его пробовал и вот что вам от чистого сердца скажу: гадость редкостная. Тирисские куда как лучше.

— Но пробовали? — ухватилась за признание Женя. — Значит, все-таки у вас он бывает, так?

— И сейчас есть, — продавец выставил на прилавок холщовый мешочек, и Женя немедленно сунула туда нос. Прихватила щепотку скрученных листьев — настоящих чайных! Вдохнула запах, улыбнулась:

— Ваш адмирал прав. Отличный чай. А вы, наверное, просто не умеете его готовить. Его ж не в кастрюльке варят, как тирисские. Заварочный чайник вам тут никто не привозил, заодно с катаной?

Примерно через полчаса счастливая Женя подумала, что, наверное, никто до нее не наводил в несчастной лавке такого шороха. В задней комнате оказался склад всяких невостребованных диковинок, которые хозяин лавки скупал у моряков за бесценок и отдавал тоже недорого. Среди привезенного с Огненных островов нашелся и глиняный заварочный чайник, проходивший почему-то под маркой детской игрушечной посуды. А еще — нарисованный тушью самурай с мелкой надписью иероглифами, гравюра с похожей на Фудзи горой, нефритовые статуэтки и почему-то деревянные сандалии-гэта — кому они были нужны через полмира везти, вслух удивилась Женя. За чай и заварочный чайник она ухватилась двумя руками, и тетушка, сделав сомневающееся лицо, сказала:

— Ладно, деточка, давай попробуем адмиральский чай. Раз уж ты умеешь правильно его готовить.

«А жизнь-то налаживается, — неожиданно весело подумала Женя. — Может, у них в какой-нибудь колонии и кофе найдется, а не возят, потому что горький и вообще гадость. Если им даже чай не нра...»

В этот момент ее сбило с мысли слегка насмешливое:

— Здравствуй, сестрица, добрый день, барышня, я вижу, вам здесь весело.

Глядя на изыскания вошедшей в азарт девицы, граф фор Циррент от души веселился. Ситуация забавляла и сама по себе, но, кроме того, замечательно накладывалась на некоторые, пока еще довольно смутные, мысли графа. И при виде того, как барышня Женя разглядывала рисунки на веерах, как, блаженно прикрыв глаза, нюхала привезенный с Огненных островов чай, с какой радостью вцепилась в смешной игрушечный чайник, утверждая, что именно в нем нужно этот самый чай варить, собственная безумная идея казалась графу фор Цирренту все менее безумной.

Однако Грент уже заканчивал допрос старого Паллена — кажется, вполне успешный. Время поджимало, предстояла встреча с его величеством, а уж потом можно было расспросить барышню и обсудить с сестрицей свои мысли и идеи. Можно было и вовсе не показываться на глаза дамам, но граф решил, что уйти незаметно будет не вполне приличным.

Барышня просияла, увидев его, улыбнулась открыто и от души:

— Добрый день, граф. Отличное местечко, мне очень нравится.

— Между прочим, — граф взял с прилавка отложенный барышней рисунок воина-туземца, — мне показалось, что вы как-то странно смотрели на этот образчик дикарского искусства. В вашем лице было что-то такое... ностальгирующее? Разрешите сделать вам подарок, барышня? Я куплю его для вас.

— Буду рада, — серьезно ответила барышня. — Если вас это не напряжет, конечно. И они совсем не дикари, зря вы так. Просто другие.

Граф поймал заинтересованный взгляд продавца, усмехнулся:

— Вы обязательно расскажете мне. Пока же позвольте откланяться — дела.

Расплатился, подумал мельком, что на чай сестрица тоже изрядно потратилась и нужно будет подкинуть ей еще денег на расходы, раскланялся и вернулся к Гренту и старому Паллену.

Грент вертел в руках простой кошелек — дешевый, без каких-либо опознавательных знаков. Поднял голову навстречу фор Цирренту, сказал:

— Итак, что мы выяснили. Молодому Леони Паллену заплатили полсотни серебряных фрегатов за то, чтобы он направил в нужное русло некий разговор. Ничего подсудного, всего лишь теоретический спор о магии. Однако у него сложилось мнение, что целью разговора было заманить некоего человека из высших кругов в определенное место. Возможно, в ловушку. Он сказал... повторите, господин Паллен, как он сказал?

— Чистая вражда, замешанная на выгоде, — надтреснутым, почти мертвым голосом сказал старик. — Леони признался, что в деле замешаны аристократы. Он не любил аристократов... не любит.

Грент небрежно пожал плечами:

— Мало кто из вашего сословия любит родовитых бездельников, это понятно и, я бы сказал, естественно. — Обернулся к фор Цирренту: — Молодой человек похвально осторожен. Он, разумеется, совершил большую глупость, связавшись с людьми, для которых его жизнь мало что стоит, но у него хватило ума — а может быть, инстинкта — вовремя убраться из столицы. Для нас он пока недосыгаем, но, к счастью, недосыгаем и для убийц.

— Живой, но пока недоступный свидетель, — кивнул граф. — Лучше, чем ничего, но сейчас он ничем нам не поможет. Что-нибудь еще, Грент?

— Это все. Благодарю вас, господин Паллен. При okazji передайте сыну известие, что ему следует бояться не полицию. Идемте, Варрен.

Фор Циррент полагал, что на сегодня лимит неожиданных встреч исчерпан, однако, как выяснилось, ошибался. Едва они, распрощавшись со стариком Палленом, шагнули к дверям, как в кабинет ввалился достойный ученик господина Страунгера, подмастерье первого уровня Тил Бретишен.

Первым, как и следовало ожидать, среагировал Грент — еще бы, у господина начальника королевской полиции не только хватка бульдожья, но и реакция, как у бойцового пса.

— Ба! — он распахнул руки в шутливом объятии, — кого я вижу! Вы не меня ли, случаем, ищите, любезный мой?

Тил, и без того изрядно встрепанный, подстреленным зайцем подпрыгнул на месте и замер.

— Что стряслось? — все с тем же деланным легкомыслием спросил Грент. — Вы кажетесь чрезмерно взволнованным.

И тут парня прорвало. Он рыдал, трясся, ползал на коленях и умолял спасти. Подумать только, верховный магистр, менталист высшего ранга, оказался не настолько наивным и слепым, чтобы не заметить предательство ученика. Мог бы сразу выжечь мозг, выпить силу, но, видимо, труп в Чародейном саду и полицейское расследование заставили его быть чрезмерно осторожным. Опасаться свидетелей, лишних глаз и ушей, возможных следов. Когда мальчишка-слуга передал Тилу приказ явиться вечером, тот уже заподозрил неладное. Умений ученика не хватило бы прощупать разум магистра — видимо, поэтому Страунгер и не думал закрываться от него. Ментальные щиты почувствовать куда легче, чем скрытые фоном повседневных мыслей намерения. Но страх оказался слишком мощным стимулятором. Тил распознал смертельную угрозу и ударился в бег.

— Отчего ж не в полицию? — холодно поинтересовался Фенно-Дераль. — Вы могли бы прийти сразу ко мне.

— Вы не понимаете! Я ведь его ученик, для него найти мою ментальную проекцию — как для вас газету купить! Он достанет меня! Я хотел скрыться... далеко, на край света... я слышал, что мастер Паллен не откажет взять на корабль мага, и...

Бедный Паллен посерел и, кажется, едва не схватился за сердце. И то сказать, многовато для одного дня — сначала разбирательство о причастности единственного сына к покушению на высоких особ, потом — такое откровенное сообщение о нарушении ограничительного эдикта. Терпение полиции, а тем более Тайной Канцелярии может ведь и закончиться.

Фор Циррент аккуратно обошел расклеившегося в тряпку ученика мага и наклонился к Паллену:

— Я думаю, мы не станем обращать внимание на то, что некоторые недалекие подмастерья так легко верят слухам.

— Не станем, — кивнул Грент. — Господин Паллен, я думаю, мы начали злоупотреблять вашим гостеприимством. Господин Бретишен едет со мной. Если он сомневается в способности королевской полиции защитить его, то, я надеюсь, у него хватит разума не отказывать в этом лично его величеству.

Если недотепа-подмастерье и усомнился в словах начальника полиции, озвучить это вслух он не торопился. Хоть на что-то ума хватило.

Глава 24, в которой король решает судьбу верховного магистра, а Женя рассказывает графу фор Цирренту о Японии

Стиль правления короля Дионна-Горрента можно было назвать каким угодно, но не жестким. По мнению графа фор Циррента — каковое мнение он, впрочем, не торопился озвучивать вслух — его величество управлял государством так же ловко и уверенно, как опытный капитан ведет корабль. Лавируя в поисках попутного ветра, обходя давно известные рифы и мели и смело споря с внезапными шквалами. Мореплавателем его величество прозвали, разумеется, не за манеру правления, а за покровительство морякам, торговцам и исследователям. Но прозвище подходило ему всесторонне.

В общении его величество был таким же. Его оппоненты сами не замечали, как приходят к нужной для короны точке зрения, его министры трудились, подобно офицерам на великолепном фрегате, без слов понимая волю капитана. И даже враги не знали, каким становится король в те редкие минуты, когда позволяет себе идти напролом.

Сейчас как раз и выдался один из таких редких моментов.

Перед королем подмастерье верховного магистра раскололся еще быстрее, чем перед начальником полиции. Рассказал и о ритуале в Чародейном саду, и о приказе избавиться от книги, и о том, как после магистр решил избавиться от него самого. Его величество слушал молча, только мрачнел все больше. Глубже делалась складка между густыми седыми бровями, тверже сжимались губы и, щурясь, темнели до штормовой черноты глаза. Верные признаки бури.

Дослушав, какое-то время молчал, хмуро, давяще уставившись на трясущегося подмастерья. Фор Циррент лишь однажды видел его таким, но запомнил так крепко, что теперь тут же понял, чего ждать. Сейчас гнев его величества дойдет до пика, и тяжелый корабль рванет вперед под всеми парусами, чтобы перескочить гряде острых камней на гребне волны. Рискованно, самоубийственно при малейшей ошибке — но Дионн-Горрент Мореплаватель не ошибется. Там, где не в человеческих силах обуздать волну, он воспользуется ее мощью.

— Страунгера ко мне. Живо.

Негромкий приказ упал в тишину штормовым валом, рассыпался топотом ног, окриками приказов за дверь. Бедолага Тил Бретишен из бледного стал зеленым — и не зря. Когда стихия буйствует, песчинкам трудно надеяться на спасение. Вряд ли его судьба кого-то здесь волновала.

Король молчал, и остальные не осмеливались нарушать повисшую в кабинете для малых аудиенций тишину. Поэтому неторопливые, полные достоинства шаги они слышали задолго до того, как Страунгер вошел в кабинет.

— Вы не слишком торопились, господин магистр, — тихо сказал король. Он не дал верховному магистру ни мгновения на подобающие приветствия, и это более всего указывало на королевский гнев.

Признаки гнева его величества Дионна-Горрента Страунгер знал куда лучше прочих придворных: все же менталист, не какой-нибудь бесталаный младший распорядитель.

— Прошу прощения у вашего величества, — магистр склонил голову. — Мне не сказали,

что я должен поторопиться, а между тем возраст...

— Возраст, — кивнул король. — Слабое здоровье. Пора задуматься о преемнике. Вы плохо учите своего подмастерья, господин верховный магистр.

От внезапного внимания к своей персоне бедняга Тил посерел, как лежалый мертвец. Магистр смерил ученика пристальным взглядом, спросил скорбно:

— Так это Тил имел несчастье прогневить ваше величество?

— Не прогневить, — с едва заметной насмешкой поправил король. — Огорчить. Я всегда огорчаюсь, господин верховный магистр, когда мои подданные не знают элементарных вещей. Особенно те подданные, которые претендуют на какое-либо влияние в будущем.

На лице магистра отразилось удивление, однако вряд ли оно было искренним. Страунгер был трусом, но отнюдь не дураком. Скорей всего, под этой маской он лихорадочно просчитывал варианты дальнейшего разговора, возможные обвинения и пути защиты.

— Представьте себе, ваш подмастерье боится вас больше, чем меня, — продолжал между тем король. — Он понятия не имеет о том, что корона Андара дает владельцу — и только законному владельцу! — силу, которую не перешибут все менталисты вашей гильдии. Более того, у него даже не хватило ума вывести эту нехитрую истину логическим путем, опираясь на тот несомненный факт, что я все еще король. Да-да, молодой человек, — он обернулся к трясущемуся подмастерью, — все еще король, несмотря на то, что очень мешаю нашей уважаемой гильдии магов и что они давно уже прибрали к рукам одного из наследников. Ах, вы думали, я этого не знаю? — король снова развернулся к магистру. — Не разочаровывайте меня, Страунгер. Вы не так глупы, как ваш подмастерье.

Говорят, ментальный удар невозможно почувствовать. Но силу, которая вдруг рванулась от короля к магистру, ощутили все, от подмастерья до стражи у дверей, и ментальные амулеты не стали для нее помехой. Фор Циррент, стоявший достаточно близко к магистру, даже невольно схватился за сердце, явственно почувствовав чужой страх — липкий, удушающий, парализующий.

— Расскажите все сами, — по-прежнему тихо, но уже без тени усмешки предложил король. — Всю правду, Страунгер. Вы ведь не этот недоученный мальчик, вы отлично знаете о древней династической магии. Знаете, что меня не так просто убрать с дороги. На что вы рассчитывали? Говорите же!

Слова падали тяжело и веско, давили, стискивали сердце ледяными когтями. Фор Циррент попятился, ощутил на запястье ободряющее пожатие Фенно-Дералья. Пробормотал:

— Старею.

Фенно-Дераль покачал головой. Кажется, хотел что-то ответить, но в этот миг Страунгер, глухо застонав, упал на колени и заговорил, захлебываясь словами, всхлипывая и то и дело повторяя: «Виновен».

Что ж, виновен он и в самом деле был, по всем пунктам, включая те, о которых полиция и Тайная Канцелярия только подозревали.

Незаметное влияние на ее высочество ненаследную принцессу Клалию, возбуждение в ней жажды власти для сына — через материнскую любовь воздействовать на юную женщину оказалось очень просто. Подстрекательство к заговору и незаметное влияние на него — как через подставных лиц, так и прямо, тонкими ментальными воздействиями. Клалия носила амулеты, но оказалась не слишком устойчива к непрямой обработке. Лесть, сочувствие,

восхищение, поклонение — то, на что ловятся многие и многие женщины. Блистательное будущее для сына — еще более сильная наживка. Магистр полагал, что ко времени, когда придет пора объявлять регента при малолетнем короле Киренне, Клалия будет полностью под его влиянием. А нет — так ведь и избавиться от нее несложно.

Покушение на его высочество принца Ларка-Элиота-Дионна и его сопровождающих, включающее в себя подстрекательство к святотатственному пари. Хотя в данном случае «святотатство» было устаревшим понятием с точки зрения государственных законов, маги все еще чтили священные роци, и не им бы осквернять Дубовый остров убийством.

Влияние на умы простонародья, возбуждение недовольства ограничительным эдиктом среди торговцев и негоциантов, банкиров, промышленников, всех тех, на чьей стороне — деньги и кто не связан дворянскими клятвами верности. До подстрекательства к открытому бунту, к счастью, не дошло, но только потому, что власть намеревались получить более тонким путем. Обеспечивали не беспорядки, которые помогли бы захватить власть в неразберихе, а радостное принятие свершившегося факта переворота.

И, наконец, тот самый ритуал в Чародейном саду. Магистр и в самом деле не знал, что побочным следствием его безумного эксперимента стал не только труп первого попавшегося мага, но и вполне живой человек, перенесенный из другого мира. Что ж, тем лучше для девушки, пусть маги и дальше остаются в неведении. А вот истинная цель магистра... Да, разумеется, он собирался добыть неучтенной энергии «замирья». Но зачем? Не для переворота, как предполагали фор Циррент и Фенно-Дераль. Переворот произошел бы в любом случае, но принес бы Страунгеру не больше выгод, чем гильдии магов в целом. Дураком верховный магистр действительно не был и прекрасно понимал, что отмена ограничительного эдикта не заставит иссякающие магические источники давать больше, чем они дают. Увеличится только расход, а значит, проблема станет еще более острой. И рано или поздно наступит момент, когда личный, никем не учтенный резерв позволит Страунгеру сыграть свою партию. Стать высшим не только в Андаре, но и на всем континенте, главой Конвента Магистров, а там, чем небо не шутит...

На этом месте терпение короля иссякло.

— Что за мерзость, — презрительно бросил его величество Дионн-Горрент. — Достаточно. Данной мне силой я подтверждаю вину и данной мне властью выношу приговор. Виновен. Умри.

Страунгер ничком рухнул на пол. Агония не продлилась и минуты, но король не стал смотреть, как умирает бывший верховный магистр. Отошел к окну, отвернулся. Повторил глухо, с откровенной брезгливостью:

— Мерзость.

Фор Циррент с трудом перевел дыхание. Вот, значит, как выглядит «суд короны», королевский ментальный дар.

— Вы запомнили имена, господа? — не оборачиваясь, спросил король.

— Да, — коротко отозвался Фенно-Дераль. — Разрешите идти, ваше величество. Я займусь ими немедленно.

— Еще несколько слов, — покачал головой король. Развернулся наконец, окинул взглядом застывшего в ужасе подмастерья. Сказал задумчиво: — Вы не слишком годитесь в менталисты, юноша. Я не чувствую в вас той внутренней силы, которой в избытке было у вашего учителя. Я не маг, мне трудно судить, однако, на мой взгляд, вы избрали неподходящую для себя стезю. Фенно-Дераль, вам понадобится свидетель?

— Да, ваше величество.

— Я вас благодарю, господа, — по бледному лицу короля скользнула мимолетная улыбка. — Сейчас можете идти, но завтра в то же время я жду вас снова.

Только когда за ними закрылись двери королевского кабинета, фор Циррент смог свободно дышать. И только тогда спохватился, осознав: Страунгер в своих признаниях говорил только об одном покушении. Ни о стрелке на крыше конюшни, ни о ночном убийце, пробравшемся в спальню принца, он не обмолвился ни словом.

— Что-то не так? — поколебавшись, спросила Женя. Тетушка Гелли всю обратную дорогу молчала, уйдя в себя, и казалось, что посещение лавки глубоко ее огорчило. Но ведь все было хорошо!

По лицу тетушки скользнула мимолетная улыбка:

— Не обращай внимания, деточка. Грустные воспоминания, ничего больше.

Когда вернулись домой, от ее печали не осталось и следа. Она оживленно перебрала вместе с Женей покупки, долго нюхала чай — не тирисский травяной, а настоящий, и с интересом глядела, как Женя заваривает его в глиняном заварочном чайнике.

— Ну вот, готово, — Женя разлила заварку по чашкам, добавила кипятка. — Вообще-то правильно его пить не так. Разбавлять не нужно, но я не люблю слишком крутой. А еще многие сахар кладут, но, как по мне, хороший чай сахаром только портить. Уж лучше заесть чем-нибудь сладеньким.

Тетушка Гелли осторожно сделала глоток. Покачала головой:

— Не слишком приятный вкус. Я, пожалуй, подслащу.

Взяла щипчиками неровный коричневый кусок, опустила в чашку, задумчиво помешала крохотной ложечкой. Женя, подумав, взяла кусок в рот, вместо конфеты. Она до сих пор удивлялась здешнему сахару, хотя на вкус он не слишком отличался от привычного. Слегка отдавал пережженной карамелью, и это Жене нравилось.

— Закончится кофе, перейду на чай, — вздохнула она, медленно, с удовольствием отпив сразу полкружки. — Хотя странно, что у вас здесь кофе нет. Должен быть.

Тетушка хотела что-то сказать, но тут вошел граф. Он выглядел утомленным, как будто с момента, когда они встретились в лавке, случилось что-то неприятное или тяжелое.

— Разрешите составить вам компанию, милые дамы? — и улыбка у него была усталая, словно через силу заставлял себя улыбаться.

Тетушка Гелли покачала головой:

— Садись, братец. Тебе, похоже, пора отдохнуть.

— Пора, — рассеянно согласился граф.

— Вам крепче? — спросила Женя. — Если устали, хорошо крепкий и сладкий. Бодрит и от головной боли помогает.

— На ваш вкус. — Граф с любопытством глядел, как Женя наливает чай, кидает в чашку два куска сахара. — Вижу, сегодняшний поход за покупками прошел удачно.

— Да, жизнь налаживается, — согласилась Женя. — Как мало иногда нужно для счастья.

Граф осторожно сделал глоток.

— Хм. Мне доводилось пить чай с Огненных островов, но в моей памяти остался совсем другой вкус.

— Так вам его, наверное, традиционно заваривали. Крепче и без сахара. А может, то

вообще зеленый был или улун какой-нибудь, а этот черный.

— Черный? — граф с сомнением уставился в чашку. — М-м, я бы не сказал.

— Он просто так называется, — невольно улыбнувшись, объяснила Женя. С удовольствием вдохнула ароматный пар, сделала еще глоток, уже неторопливый, спокойный. Похвасталась: — А еще мы рис купили. И пряности для плова. И изюм. Ох, я вас поугощаю!

Тетушка усмехнулась, опустив чашку:

— Ах, братец. Откуда бы ни свалилось на тебя это милое дитя, выдать ее за бедную провинциальную девушку не получится.

— Я и не собирался, — похоже, настроение графа стремительно поднималось. — Барышня, после чая составите мне компанию в библиотеке? Вы ведь еще не видели карту мира?

Сердце екнуло, предчувствуя по-настоящему важный разговор.

— С удовольствием! — отозвалась Женя.

Карта мира была почти родной. Разве что государства другие — а очертания материков она, наверное, просто не настолько хорошо помнила, чтобы заметить какую-то существенную разницу. Тирисса оказалась Англией, Андар занимал довольно большую территорию в центре Европы, прихватывая, пожалуй, Францию и часть Германии. На месте России расположились несколько мелких, по Жениным понятиям, княжеств, а дальше к востоку и югу были неизведанные земли.

Вообще белых пятен на этой карте хватало. Тщательней всего были нанесены очертания берегов, а дальше — где как. Америка едва намечена, Индия и Китай — колонии Тириссы, а вот север Африки и Ближний Восток помечены алым цветом, которого нет на карте Европы.

— А здесь что? — спросила Женя.

Переводческое заклинание явно не знало слова «мусульмане», и Женя так и не поняла, существуют ли они в этом, явно параллельном родному миру, или «мавры и бедуины» здесь — нечто иное, чем дома. Ясно было одно, что эти земли от европейцев закрыты категорически.

— Жаль, — вздохнула Женя, — значит, кофе мне здесь точно не видать. Придется переходить на чай, и на том спасибо.

— О чае я и собирался поговорить, — граф перелистнул страницу огромного атласа. — Вот, глядите: Огненные острова. Можете вы что-нибудь о них рассказать?

— Япония, Сахалин и Курилы, — кивнула Женя. — Ясно, почему «Огненные», вулканический пояс. Чай, я думаю, из Японии. Вы ведь понимаете, что с вашим миром может очень сильно не совпадать, правда?

— Вы вполне разумно ориентируетесь у нас, — возразил граф. — Отличия, несомненно, есть, но не настолько глобальные, чтобы сделать вас совсем чужой в нашем мире. Я полагаю, что и с Огненными островами так же: некоторые отличия, некоторое сходство. Сегодня в лавке вы вели себя очень уверенно.

Женя задумалась, вспоминая прежние разговоры с графом.

— Помните, я рассказывала о том, как незаметно в интернете нахватываешься всяких знаний по верхушкам? Так вот, это оно и есть. Какие-то общие представления, наверняка не совсем точные, в чем-то ошибочные, ближе к женским сплетням, чем к данным военной разведки. — Такое сравнение он точно должен понять лучше, чем рассуждения об интернете и глобализации. — Я увлекалась японскими мультфильмами — о мультиках я тоже рассказывала. Что-то знаю, конечно. Наверняка больше, чем те, кто никогда не

интересовался, но все равно, я не специалист. К тому же в нашем мире примерно лет сто назад Япония резко сменила политическое направление. Была закрытая страна со своей культурой, а теперь — хотя и отличается от Европы, но взяла у нее достаточно, чтобы суметь вписаться и завоевать авторитет. У вас, я так поняла, она сопротивляется и военному вторжению и просто чужому влиянию?

Граф кивнул. Обвел пальцем контур Японских островов, словно задумавшись о чем-то. Несколько минут в библиотеке стояла тишина.

— Тридцать лет назад там пропал мой кузен, — сказал он наконец. — Брат Гелли. За эти тридцать лет ничего не изменилось. Мы по-прежнему там чужаки, нежеланные и незваные. С нами торгуют в одном из портов, но нашим морякам запрещено сходить на берег. Корабли, приставшие к берегу в других местах, считаются нарушившими границу. С ними не вступают в переговоры. Нас терпят за наши товары, но при этом ненавидят. Рассказывать можно долго, но все сведется именно к этому. Врага прежде всего нужно понимать, знаете ли. Как и друга, впрочем, и партнера — любого. Мы с ними слишком далеки от понимания.

— Слишком разные, — кивнула Женя. — Да, я понимаю. «Запад есть Запад, Восток есть Восток»... Знаете, я из страны, которая на стыке. Между Европой и Азией, между Западом и Востоком. Но у нас все уже не так, все перемешано. Мир слишком маленький, когда с любым человеком в любой его точке можно поговорить, как сейчас мы с вами говорим. А ваш мир еще большой. Без самолетов, зато с парусниками. Даже не знаю, что рассказывать, честно. У меня ведь обрывки в голове.

— Для нас ваши обрывки на вес золота, — серьезно ответил граф. — Даже с учетом различий наших миров и недостоверности ваших знаний. Женские сплетни, разумеется, далеки от донесений военной разведки, но и в них можно отыскать зерно истины. Расскажите для начала о том, что вам кажется важным, хорошо?

— Важным? — переспросила Женя. У нее в голове была та еще каша: гейши, чайная церемония, самураи, ниндзя, бедные крестьяне и сегуны, рис и суши, божественный император и шинигами, якудза — или якудза уже из более позднего времени? И так ли зависит от времени то, что определяет главное в любом народе? Хотя откуда ей знать, на самом деле, что там главное... Вот уж нашли специалиста! — Знаете... Давайте я сначала расскажу кое-что о последней войне. Это точно никак не относится к вашему миру, но... В чем-то люди не меняются, понимаете? Связь поколений, самурайские традиции и все такое. В Европе не было камикадзе. Наверное, нигде в мире не было, если на государственном уровне брать, а не террористов каких-нибудь. — Задумалась, пожала плечами: тяжело о таком рассказывать, и с чего начать, не сообразишь. Может, с этого? — «Знаешь, мама, завтра я стану ветром, по священной воле разящим свыше»...

Глава 25, в которой безумная идея графа фор Циррента получает одобрение начальника полиции, а Женя знакомится с настоящим принцем

В чем-то люди не меняются, думал граф, стоя поздно вечером у окна библиотеки и глядя в затянутое тучами беззвездное небо. Жизнь идет по накатанной колее из поколения в поколение, и открытие новых земель никак не меняет эту колею — для большинства. Наверное, поэтому люди склонны думать, что жизнь везде одинакова, и к одним и тем же поступкам всюду подступают с одинаковой мерой. А потом появится вот такая девица, привыкшая к совсем другой колее, и окажется, что все мы ошибались, глядя на чужие страны со своего берега.

Свести бы ее с фор Гронтешем, мелькнула вдруг мысль. Не с остолопом Реннаром, а с адмиралом. Им найдется о чем поговорить. Да и его высочеству Ларку не помешало бы послушать, хотя бы ради расширения кругозора. Как знать, не придется ли ему, надев корону, решать вопрос об Огненных островах.

Король выслушал историю занесенной из чужого мира девицы с весьма умеренным интересом. Неудивительно, ему важнее сейчас отбившиеся от рук магистры и ее высочество интриганка Клалия. А барышня Женя — что же, раз в интриге не замешана, подождет. Поручил ее графу фор Цирренту, согласился с необходимостью держать историю ее появления в тайне, а напоследок сказал:

— Я рад буду с ней поговорить, но позже, когда кризис пройдет.

— Когда его величеству станет скучно, — вполголоса уточнил Фенно-Дераль, и король только усмехнулся, услышав.

«Кризис». Очень давно фор Циррент не слышал от короля этого слова. Его величество не имел привычки преуменьшать проблемы, но и в панику впадать был не склонен. И уж если он считает положение дел серьезным, значит, оно более чем серьезно. И то сказать: никто из них не ожидал, что не все ниточки ведут к верховному магистру. Но если из трех покушений он стоит лишь за одним... «Работайте, господа, пока убийцы вас не опередили».

Работать, работать... Барышня подождет, пусть пока что Гелли с ней занимается, им вдвоем не скучно. Обживется, покатается по столичным лавкам и кондитерским, обзаведется приличным гардеробом, заодно научится ходить в платье, не спотыкаясь и не путаясь в подоле.

Наутро, закрывшись в кабинете Фенно-Дералья, они перебирали досье на верхушку магистров, а заодно аристократов, банкиров, негоциантов — всех, кому хоть как-то была бы выгодна смена власти. Таких было много, и проверять всех вслепую — точно означало упустить драгоценное время.

— Что нам надо сделать, — сказал фор Циррент, — это каким-то образом разделить принца Ларка с его обалдуем-порученцем. Мы ведь даже не можем точно сказать, на кого из них покушались. Мы не знаем, есть ли серьезные враги у молодого фор Гронтеша.

— Ждете третьей попытки от нашего неизвестного убийцы, — невесело усмехнулся Фенно-Дераль. — Идея не так уж плоха. Обеспечить каждому незаметную, но надежную охрану и устроить мышеловку. Рискованно, однако ничего не предпринимать еще хуже. Осталось придумать для его высочества неотложное дело, которое заставит его бросить

друга на произвол лекарей и постельного режима. Грешно сказать, но так и пожалеешь, что никакой войны не намечается.

— Рекогносцировка? Дипломатическая миссия? Хотя нет, охрану не обеспечим. Если охотятся на него, это все равно что выдать убийце билет в первый ряд и выключить свет в партере.

— Да уж. А скажешь прямо, зачем нам это надо — тут же начнутся юношеские бредни о том, что он не бросит прикованного к постели друга в одиночестве, что он сам справится с любой опасностью, и прочая похвальба храбрых, но глупых мальчишек.

Помолчали. За окном шумел дождь — осень все больше вступала в свои права.

— А знаете, — начал фор Циррент, — мелькнула у меня одна бредовая, но заманчивая идея. Двух уток одним выстрелом, можно сказать.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Фенно-Дераль. — Ваши бредовые идеики обычно весьма неплохи, Варрен.

— Пришла пора познакомить принца Ларка с барышней Женей.

На несколько мгновений Фенно-Дераль, казалось, потерял дар речи.

— Вы серьезно?

— Надеюсь, вы не приняли меня за сводника, — рассмеялся граф. — Знаете, вчера я спросил барышню об Огненных островах в ее мире и услышал в ответ столько интересного... Принцу будет крайне полезно послушать ее рассказы. Но так как само существование этой девицы — государственная тайна, и во дворец ее не проведешь незаметно ни под каким благовидным предлогом, придется принцу стать моим гостем. Скажем, в загородном поместье, чтобы не возникало соблазна мотаться туда-сюда по столице. И, разумеется, под присмотром Гелли — репутацию девушки я не намерен ставить на кон.

— Так ваша кузина, значит, в курсе?

— Я ничего ей не говорил, но она быстро догадалась, что не так все просто с «бедной девочкой». Но вы же знаете, Гелли не болтлива.

— Что ж... Важнее то, что с охраной сложностей не будет. Мне нравится ваша идея, Варрен. Давайте подумаем, как лучше ее воплотить.

«Во всем нужна сноровка, усердие, тренировка», — фальшиво пропела Женя. Вздохнула, придерживав юбку кончиками пальцев. Она-то думала, что хотя бы с домашними платьями сложностей не будет. Но домашние здесь посложней каких-нибудь навороченных вечерних дома, а у нее нет привычки к длинным юбкам и плавной походке. Вот и приходится выработать с нуля.

Туда-сюда по большой гостевой зале, под присмотром тетушки Гелли, до ужина еще больше часа, и докажете кто-нибудь, что это не бездарно потраченное впустую время!

Хотя на самом деле, конечно, не так уж и впустую. Тетушка оказалась кладезем всяческих забавных историй, дающих очень даже неплохое представление о здешней жизни. Уж точно куда лучше поучительного чтения для девиц! Вчера она рассказывала о своем соседе по деревенскому имению, заядлом охотнике и лошаднике. Позавчера просветила Женю о правилах поведения на пикнике и загородной прогулке — сейчас это было не по сезону, конечно, а так, к слову пришлось. Сегодня же пересказывала столичные сплетни о любовных конфузах некоего Реннара фор Гронтеша, героя войны, порученца одного из наследников престола, записного дуэлянта и, очевидно, натурального теленка во всем, что касалось женских чар и женского коварства.

— И вот представь, деточка: в самый разгар пылкого объяснения, когда кавалер, сгорая

от любовных чувств, опускается на колени и начинает расписывать все оттенки своей неземной страсти, его дама прячет за веером усмешку, делает наивные глаза и спрашивает: «Скажите, дорогой герцог, верно ли, что вчера вы сопровождали его высочество на представление тирисской оперы? Их танцовщицы, о которых шепчется вся столица, в самом деле так хороши, как о них рассказывают?» Наш герцог мнетя, краснеет и не знает, что отвечать, потому что надо тебе сказать, деточка, в этом сезоне спектакли тирисской оперы несколько... чрезмерно свободные, если можно так выразиться. Ставят драмы из восточной жизни, и на сцену выходят настоящие танцовщицы, нанятые в колониях. В почти прозрачных одеждах, открывающих все то, что девушке пристало скрывать, и с весьма фривольными танцами. Мужчины поголовно теряют разум. А у герцога фор Гронтеша разума и так не слишком много, да и его высочество Ларк, между нами говоря, по женской части не особо умен. А восточные красавицы вполне доступны, это часть их работы. В результате имеем то, что имеем: вся столица в курсе очередного любовного похождения принца, причем отнюдь не делающего ему чести, его величество негодует, а неземная любовь юного герцога так и остается неземной, утрачивая всякую надежду на взаимность. Впрочем, если рассудить здраво, надежды там и без того не было.

— Лопух, — согласилась Женя. Если говорить честно, больше всего ее в этой истории поразило то, что здесь тоже есть театр, опера и, похоже, балет. Или хотя бы варьете с кордебалетом — как раз для таких вот неумных по женской части мужиков. А впрочем, почему не быть театру, если есть газеты, кондитерские, загородные пикники и прочие культурные и не очень развлечения? Люди везде одинаковы, в конце концов.

Как раз на этом обалдеть каком оригинальном выводе вошел граф. Сказал, одним быстрым взглядом оценив картину:

— Прошу простить вторжение, милые дамы. Не буду вам мешать, я зашел предупредить: завтра к обеду у нас будет гость. Надеюсь, вы простите мне столь удручающе малое время на подготовку.

— А надо готовиться? — удивилась Женя.

— М-м-м... — тетушка задумалась, приложив палец к губам. — Раз дорогой кузен специально нас предупреждает... Пожалуй, нужно поторопить портного. А скажи-ка мне, милый братец, почему ты не называешь имени этого таинственного гостя? Сюрприз задумал?

— Сюрприз будет прежде всего ему, — усмехнулся граф. — А я всего лишь хочу увидеть ваше чистое впечатление, дорогая барышня. Не искаженное именем, которое вы уже могли слышать. Волноваться вам не о чем, разве что о том, окажется ли портной достаточно расторопным.

Поклонился и вышел, оставив Женю в полном недоумении.

От приглашения графа фор Циррента — сделанного официально, по всем правилам, в присутствии и при полном одобрении его величества — принц Ларк остался в полном недоумении.

— Право же, граф, к вам я мог бы приехать на обед и запросто, к чему были все эти громкие церемонии? — он бросил быстрый взгляд на деда, словно пытаясь угадать, что у того на уме.

— Видите ли, ваше высочество, — неторопливо ответил фор Циррент, — одним обедом дело может и не ограничиться. Ситуация такова, что я счел необходимым посвятить в нее его величество. Из соображений государственных интересов, а возможно, и государственной

безопасности.

— Ого, — Ларк по-мальчишески присвистнул.

— И я настаиваю, чтобы ты отнесся к предложениям графа со всей серьезностью, — веско уронил король.

После таких предисловий принц, наверное, ожидал увидеть в гостях у фор Циррента по меньшей мере какую-нибудь тайную делегацию — Одара, Зеленого берега, а то и вовсе пиратов. И, разумеется, граф не отказал себе в удовольствии полюбоваться на изумление принца в тот момент, когда ему представили барышню Женю — без каких-либо пояснений, кроме «моя гостья».

Принц все же вспомнил о вежливости — лишь чуть заметно приподнял брови, покосившись на графа. Поклонился Гелли, а перед девушкой рассыпался в приличествующих случаю комплиментах. Удовольствие графа тут же возросло вдвое, потому как барышня, выслушав славословия с безупречно вежливым лицом, покосилась на графа с тем же выражением, что и принц. Даже брови приподняла в точности так же. Однако взгляд ее был все же куда более выразительным, чем у закаленного войной и дипломатией принца, и сейчас этот взгляд говорил со всей прямоотой: «Кого вы мне приволокли и почему вы думаете, что его общество будет мне приятно?»

Обед прошел с некоторой натянутостью: чем больше пытался Ларк поддерживать светский разговор, тем холодней становилась девушка. Гелли молчала, но глаза ее смеялись — значит, ей казалось, что все идет правильно. Поэтому граф спокойно ел, предоставив его высочеству и дальше распускать хвост. Интересно, барышня не любит записных ловеласов в принципе, или Гелли успела ее просветить относительно репутации Ларка среди женского населения столицы? Нужно будет спросить.

Только под конец десерта, когда дамы насладились специально заказанными кремовыми корзиночками, а Ларк мужественно выпил полную чашку купленного барышней чая и даже не поморщился, граф позволил себе открыто усмехнуться.

— Итак, дамы и господа, — начал он, откинувшись на спинку стула и с удовольствием наблюдая, как барышня Женя собственноручно наливает себе еще чашку чая. — Если вдруг кто-то здесь позволил себе неподобающие мысли относительно состава присутствующих, пусть он задумается о собственном моральном облике. Речь у нас с вами пойдет исключительно о делах.

Принц снова поднял брови — и промолчал. Не иначе хотел сказать, что о делах не говорят при столь милых дамах, но решил, что это будет не слишком вежливо.

— Добавлю также, что предмет разговора составляет собой государственную тайну. Именно поэтому, ваше высочество, убедительно вас прошу не делиться тем, что вы здесь узнаете, с вашим другом фор Гронтешем.

— Вы ему не верите? — тут же ошетинился принц.

— Верю, — поднял ладони граф. — Поводов не доверять вашему порученцу у меня нет. Но здесь не будет идти речь о тех вопросах, которые лежат в сфере его компетенции.

На этот раз принц не выдержал. Протянул со всем возможным недоумением:

— Объясните же мне, дорогой граф, какие именно вопросы не лежат в компетенции моего доверенного человека, но тем не менее не являются секретными для женщин?

Барышня отчетливо фыркнула. Еще бы, учитывая ее стремление к самостоятельности и взгляды на женские права. Похоже, и без того невысокие акции принца Ларка упали до нуля. Граф подумал вдруг, что даже помимо бесценных сведений об Огненных островах и оружии

чужого мира общение с этой девушкой будет крайне полезно для принца. Давно пора кому-то избавить его от иллюзии собственной неотразимости в женских глазах. А заодно и от мифа о женской глупости.

— Видите ли, дорогой принц, — в тон ответил граф, — одна из присутствующих дам и является собственно этим самым вопросом. А вторая... мы же не будем подвергать риску репутацию юной девушки? Осмелюсь заметить, что виконтесса Эбигейль фор Циррент умеет хранить тайны ничуть не хуже вашего порученца.

— А дама, которая является собственно вопросом, предпочла бы и вас не посвящать, — с плеча рубанула барышня Женя. И добавила, словно спохватившись, улыбнувшись сладко, как змея перед броском: — Ваше высочество.

— Я вижу, дорогой принц, вы произвели впечатление не слишком надежного человека, — с деланным сочувствием проговорил фор Циррент. Принц предсказуемо возмутился. Спросил, нахмурившись:

— Могу я узнать, почему?

— Вы можете над этим подумать, — барышня слегка пожала плечами. — Но я доверяю графу, раз он считает, что вы можете знать...

Не договорила: снова пожала плечами, будто сомневаясь и в собственном доверии к фор Цирренту. Завернулась в шаль, как летучая мышь в крылья, скрестив руки на груди.

— Не переживай, деточка, — Гелли выразительно покосилась на ее недопитый чай и придвинула ближе блюдо с ягодными корзиночками. — Все будет хорошо. За свою долгую жизнь я убедилась, что мой любезный братец даже глупости делает с пользой.

Спроси кто у графа фор Циррента, почему он вдруг так наслаждается происходящим, он не сумел бы ответить. Казалось бы, честный подданный, и принца Ларка искренне считает лучшим претендентом на престол, а вот поди ж ты — от души радуется, глядя, как невзрачная девица отражает натиск блистательного кавалера и неотразимо обаятельного сердцеда, возит его, если прибегнуть к жаргону столичной шпаны, мордой по грязи. Потому, наверное, что принц со своей наплевательской реакцией на череду покушений выпил из них с Фенно-Дералем столько крови. Сладкий миг реванша, усмехнулся про себя фор Циррент. А вслух сказал:

— Пожалуй, я рано начал о делах. Дамы еще не расправились с десертом. К тому же для предстоящего нам разговора мой кабинет подходит лучше столовой. Возможно, его высочество пока что развлечет дам? Как это принято в кругах военных. Не зря же говорят, что именно военные — душа любой компании.

— У-у, — протянула себе под нос милая барышня, предусмотрительно перейдя на родной язык. — Как все запущенно.

Граф подавил усмешку, сказал серьезно:

— Милая барышня, после десерта я буду иметь честь поцеловать вам руку. Кажется, у нас с вами только что обнаружилось весьма приятное совпадение во взглядах.

— Барышня иностранка? — поднял брови принц Ларк. — К стыду своему, должен признаться, что я не могу определить язык.

— Это так удивительно? — невинно поинтересовалась Женя.

— Некоторым образом, — ответил вместо принца граф. — Его высочество славится способностями к языкам.

— Право же, можно подумать, что вами движет некое предубеждение, — улыбнулся принц. — Мне кажется, с мига нашего знакомства вам не понравилось во мне решительно

ничего. Не то чтобы я претендовал на благосклонность, но, право же, меня гложет любопытство...

— Или уязвленная гордость, — тихо подсказала тетушка. — Видишь ли, деточка, наш принц Ларк-Элиот-Дионн известный сердцеед. Не скажу, что в него влюблена вся столица, но поручусь, что ни одна дама не отзовется о нем с пренебрежением.

— Может, он просто не мой типаж? — невинно отозвалась барышня. — Ах, простите, ваше высочество. Не слишком прилично обсуждать человека в его присутствии. М-м-м... пожалуй, мне понравилось, как вы выпили свой чай. Очень храбро. Ну что ж, прошу вас. Развлекайте дам, господин военный.

Заглянула в чайник, вздохнула:

— Ну вот, заварка кончилась. Пойду еще сделаю. А то что ж за развлечения?

— Деточка готовит чай собственноручно, — объяснила Гелли.

Принц оторопело глядел вслед, и только когда за Женей закрылась дверь, спросил:

— Кто эта девушка?

— Обсуждать человека в его отсутствии тоже не слишком прилично, — Гелли сделала крохотный глоток из своей чашки. — Остыл. Подожду, пока деточка принесет свежий. Ужасная сегодня погода, не правда ли? Как приятно в такую погоду сидеть маленькой уютной компанией, пить чай и никуда не торопиться.

Глава 26, в которой граф фор Циррент портит настроение принцу Ларку, бессовестно прикрываясь королевским указанием, а тетушка Гелли предлагает неожиданное решение для задачи со слишком многими неизвестными

Сидеть маленькой уютной компанией, пить чай и никуда не торопиться — отличное времяпрепровождение, если за окном моросит холодный осенний дождь, а ты — не обремененная делами прекрасная дама или девица, и тебе есть с кем и об кого почесать свой остренький ядовитый язычок.

Принц Ларк предпочел бы ледяной секущий ливень, чавкающую размокшую глину под копытами или сапогами, трудный поход и отчаянный бой — но только чтобы никаких дам, девиц, чаепитий и ядовитых острых язычков! Но вот незадача — его не только позабыли спросить, но еще и прямым текстом указали, что он должен принять предложенную фор Циррентом программу дня как дело государственной важности.

Женщины семьи фор Циррент вообще некоторым образом выпадали из привычной принцу Ларку картины мира. Одна, выйдя замуж за дипломата, взяла на себя самую опасную часть его работы — об этом знали считанные единицы, но наследник престола, разумеется, входил в число посвященных. Дама Лециния, безусловно, была выдающейся во всех отношениях, о ее уме и красоте слагали легенды, а о прилагаемом к красоте и уму коварстве опасно молчали. Такими женщинами принц Ларк предпочитал восхищаться издали.

Вторую называли затворницей, слишком уж редко она являлась на люди из своего поместья. Но при этом почтенная виконтесса Эбигейль умудрялась не только быть в курсе всех столичных дел и сплетен, но и составлять о них верное мнение, и зачастую весьма удачно предсказывать последствия некоторых мелочей — таких, как правило, на которые никто, кроме нее, и внимания-то не обращал. При этом виконтесса Эбигейль не была ни красавицей, ни дурнушкой, остроумием не блистала, да и вообще больше предпочитала молчать — словом, производила впечатление типичной сельской тетушки, персонажа почти комического. Вот только Ларку вовсе не казался комичным слегка рассеянный взгляд темных глаз, да и улыбка словно говорила: «Я знаю о тебе то, чего и сам ты не знаешь, забавный милый мальчик».

Девица тоже наверняка приходилась им какой-то родственницей, очень уж хорошо вписывалась в общую картину. И принц Ларк решительно не понимал, какие такие государственные секреты помешали графу представить ее, как требовали приличия.

Принц таких девиц не то чтобы не любил, но... вежливо обходил стороной, так сказать было бы вернее всего. Простонародье о таких говорит «ни кожи, ни рожи»: грудь — доска, зад — ущипнуть не за что, даже пышные юбки не спасают. Зато мнит о себе явно до небес. Думает, раз красоты небо не дало, хоть умом возьмет? То-то и взгляд такой — вроде и оценивающий, как барышне на выданье положено, а все кажется, что оценивает нежная дева не перспективы твои как мужа или любовника, а что-то другое, такое, о чем ей и знать не нужно.

Чай он, видите ли, храбро выпил! Ну уж, прямо скажем, в походе и не такую бурду пить доводилось, но в приличном доме можно было бы позаботиться и о приличной выпивке для гостя. К слову, граф Циррент вовсе не страдает скупостью, так что отсутствие на столе вина и этот нарочитый акцент на дамское чаепитие — наверняка инициатива дам, которую ему пришлось поддержать. А вот на чьей он стороне в этом вопросе, принц гадать бы не рискнул...

— Жаль, что его высочеству чай не понравился, — надо же, словно мысли прочитала. — А я не нарадуюсь, как это нам так удачно он подвернулся. — Вскинула невинные глаза, сощурилась насмешливо: — Не вы, ваше высочество, чай. Я прошу прощения, радоваться удачной покупке это так по-женски.

И в голосе ни намек на нежность, кокетство и прочие девичьи штучки. Нет, сам-то по себе голосок у девушки приятный, но интонации — в самый раз новобранцев бесталанных строить. Спросить бы, зачем вдруг деду понадобилось, чтобы граф подсунул подобную девицу наследнику престола? Одно радует — о смотринах речи быть не может, явный мезальянс, как ни крути. Разве что не самому принцу сватать собрались... Реннару, может быть? Ох, нет, бедолага Рени от такой жены тут же запишется в какой-нибудь экспедиционный корпус на край света.

Спрашивать прямо принц не хотел. Сами позвали — а уж если верней сказать, приказали явиться! — сами пусть и объясняются.

Женя тоже ждала объяснений. Но, в отличие от принца, который явно все больше ощущал себя не в своей тарелке, она была уверена, что объяснения никуда не денутся. Все, что граф запланировал на вечер, он сделает. Пока же ему хотелось то ли развлечься самому (интересно даже, он что-то против принца имеет?), то ли развлечь «милых дам».

Поэтому Женя с чистой совестью развлекалась: пила крепкий черный чай, заедая его вкуснейшими, начиненными кремом и ягодами корзиночками, переглядывалась с тетушкой и осторожно, стараясь не впасть в совсем уж явный троллинг, прощупывала принца Ларка.

Принц ей не то чтобы совсем уж не понравился, а скорее показался скучным. Никаким. Очень может быть, что в государственных делах парень и вправду шарит, несмотря на явную молодость (сколько ему? Ровесник ей или немного младше?). Может быть, он герой в бою и гений в тактике и стратегии. Но в обществе дам это такой типичный «настоящий полковник», что аж зубы сводит. К счастью, он довольно быстро понял, что комплименты попадают не в кассу, приумолк, а молчаливым стал даже малость посимпатичней. И все же Женя решительно не понимала, из-за каких именно достоинств в принца влюблены все дамы столицы. Лично ей виделось только два варианта — либо то «достоинство», которое при посторонних доставать из штанов не принято, либо — будущая корона.

После того, как молчание стало немного натянутым, тетушка невинно поинтересовалась, правда ли, что его высочество неплохо умеет петь. Принц, как ни странно, несколько смутился, но признал, что да, немного умеет. Правда, в этом вопросе преимущественно военная жизнь внесла не слишком приличный отпечаток как в его репертуар (тетушка понимающе улыбнулась, Женя с трудом сдержала смех), так и в умения собственно музыканта. Насчет последней оговорки Женя решила, что принц попросту играет слишком уж на любительском уровне — но как раз это ее не пугало, она и сама, когда доводилось брать в руки гитару, выдавала такое, что даже лучшие подружки предлагали не мучить несчастный инструмент. Кстати, интересно, на чем здесь играют. Каких-нибудь роялей или клавесинов Женя в доме графа не видела.

— Ну что ж, — усмехнулся граф, — желание дам для нас закон, не правда ли, ваше высочество? Извольте послать кого-нибудь за любимым инструментом вашего друга Реннара? Все равно нашему злосчастному дуэлисту ближайший месяц играть противопоказано.

Тетушка сочувственно покивала и переключилась на медицинские прогнозы и опасную привычку дуэлировать с кем ни попадя, а Женя вдруг сообразила, что друг его высочества Реннар — тот самый, о котором тетушка вот буквально вчера рассказывала ей пикантные истории. Даже захотелось спросить у принца, правда ли восточные красавицы из тирисской оперы настолько неотразимы.

За инструментом послали с запиской одного из слуг графа, а тетушка шепнула Жене на ухо — принц, впрочем, наверняка слышал, — что друг его высочества, молодой герцог фор Гронтеш, не только весьма недурно играет, но и сочинительством баллад балуется. В основном любовных.

— Дамам, наверное, нравится? — невинно спросила Женя.

— Я надеюсь, его высочество даст нам возможность оценить. Пусть, как говорится, не из первых рук, но все же...

Принц счел возможным смутиться и пробормотать, что не претендует, однако приложит все усилия. После чего предложил графу оставить милых дам пошептаться. Наверное, терпение закончилось, хмыкнула про себя Женя. Уведет графа в кабинет и потребует объяснений. Ну и пусть их, подумаешь, тайны мадридского двора.

Граф, тем не менее, решил иначе. Задумчиво обзрел полупустой стол, оглянулся на часы и сказал:

— А знаете, милые дамы, и вы, ваше высочество, пока мы будем ждать посыльного с инструментом, самое время поговорить о делах. Тем более что разговор предполагается долгий и сложный, и перерывы в нем наверняка потребуются. Прошу вас, — встал и, легко поклонившись, предложил руку Жене. Тем самым оставив принца кавалером тетушки. Женя улыбнулась. Ей хотелось сказать «спасибо» за эту маленькую услугу, а заодно задать как минимум с десятков вопросов, но она сдержалась. Для всего этого будет еще время после, без лишних ушей.

— Итак, дамы и господа, — граф плотно закрыл дверь кабинета, — здесь мы сможем поговорить откровенно, без лишних ушей. Рассаживайтесь, прошу вас.

Барышня села ближе к Гелли, и граф впервые, пожалуй, не понял, почему: то ли защиты искала, то ли его дамы уже заключили безмолвный оборонительно-наступательный союз против его высочества. Логика подсказывала второе, интуиция во весь голос вопила о первом. Принц Ларк явно не нравился барышне Жене, не нравился настолько сильно, что граф вдруг засомневался, стоит ли посвящать его высочество в ее тайну.

— Итак? — нетерпеливо спросил принц.

— Итак, — повторил фор Циррент, — как бы ни казались скучны людям военным некоторые полицейские дела, его величество счел, что об этом деле вы обязаны знать.

— И незачем было напоминать в сотый раз, — вспыхнул принц. — Я же слушаю.

«А мог бы занять свое время сотней других, более приятных способов», — это повисло неизреченным, но явственным для всех.

Фор Циррент слегка пожал плечами:

— Вы должны уже знать о том, что ваш дед применил дар королевского правосудия.

— Мир праху Страунгера, препротивный был человечешко, — скривился принц. —

Хотя вряд ли преемник будет лучше. Я слышал, грызня за место там разгорелась такая, что в сравнении с нашими достойными магистрами пауки в банке покажутся теплой компанией друзей.

— Следует ли мне доложить вам, ваше высочество, все то, что мы узнали от Страунгера? Или же вы предпочтете проявить осведомленность и расскажете сами?

— При дамах? — на этот раз принц предпочел вежливости откровенность, вполне категорично дав понять, насколько далеко друг от друга должны обитать женщины и государственные дела.

— Одной из дам это некоторым образом касается.

— Однако это еще не значит, что...

И тут барышня проявила характер. Встала, оперевшись о стол стиснутыми кулаками, и абсолютно ледяным тоном заявила:

— Господин граф. Простите, но я категорически против, чтобы его высочество знал больше того, что знает сейчас. Он не доверяет мне, прекрасно, это его право, но и я не доверяю ему.

Принц замер, мгновенно покраснев до состояния вареного рака. Гелли вежливо приподняла брови, давая понять, что она здесь ни при чем, но в целом, пожалуй, одобряет. Граф неторопливо оглядел действующих лиц, задержав взгляд на девушке — та ответила взглядом прямым и откровенно сердитым и вдруг сказала:

— Да, совсем не обязательно рассказывать мне, что там ваш магистр наболтал. Я уже поняла, что обо мне он не сказал ни слова, а остальное мне знать не нужно. Себе дороже, вы, уж наверное, понимаете, господин граф. Сейчас я в безопасности, а стоит его высочеству по пьяной лавочке возмутиться участием женщин в секретных делах — и все, кирдык пришел, зачем мне такое сомнительное счастье?

Граф фыркнул, пытаясь сдержать смех:

— Научитесь держать себя в руках, милая барышня, иначе вам придет, э-э-э, кирдык? — какое милое словечко! — от вашего сомнительного лексикона. Тем не менее, снимаю шляпу перед вашей логикой, покойный магистр не только не сказал о вас ни слова, он вообще о вас не знал.

От такой новости барышне явно стало не до борьбы с сомнительным лексиконом, поскольку переводческое заклинание засбоило капитальнейшим образом: из длиннейшей фразы граф понял только несколько предлогов и непонятно как связанное с ними выражение «веселенький неучтенный эффект». Впрочем, о содержимом пламенной речи не составляло труда догадаться. А вот потом барышня задала вопрос, который и граф, и принц прекрасно поняли, неясно было лишь, кто на него отвечать должен:

— И что же у вас в приоритете, господа: свести к минимуму риск для жизни беззащитной девушки или выкачать из нее побольше принципиально непроверяемой и не факт что нужной информации?

— Так, — принц тоже встал, и сейчас они с барышней странным образом напоминали зеркальные отражения друг друга. — Возможно, я позволил себе что-то не вполне уместное и имел несчастье в чем-то обидеть вас, любезная барышня, но это не дает вам права сомневаться в моем желании защитить вас. Как и любую другую попавшую в беду даму. Хотя я все еще не понимаю, о чем...

— Стоп, стоп, господа и дамы! — граф вскинул руки, словно разводя спорщиков. — Вы оба правы и не правы. Дорогая барышня, разрешите мне ответить на ваш вопрос. В

приоритете, естественно, ваша жизнь. Это базовые основы нашей культуры. Вот если бы выбор был не между вами и интересной в основном с научной точки зрения информацией, а между вами и судьбой государства...

— Хотя и в этом случае мы постарались бы учесть интересы обеих сторон, — дополнил принц. — А теперь, граф, извольте объяснить, в чем я не прав.

— В пристрастии к стереотипам, — барышня опустила глаза. — Прошу прощения. В чем не права я, объяснять не нужно.

— В пристрастии к стереотипам, — кивнул граф. — В упорном нежелании обсуждать государственные дела в присутствии дам, хотя вам не раз было сказано, что именно одна из этих дам и есть то самое государственное дело. Вам же, милая барышня, я скажу еще одно: все это не повод выражать недоверие его высочеству. Скорее наоборот. Как человек военный и наследник престола, его высочество весьма серьезно подходит к вопросам государственной тайны. У него намного меньше причин доверять вам, чем у вас — ему.

«С последним я бы поспорила», — отчетливо нарисовалось на лице барышни. Но промолчать она все же сумела.

— Теперь же я прошу выслушать меня, не перебивая. Речь пойдет частично о том, что вы знаете — все вы или кто-то из вас. Но хочу напомнить, что цель нашей встречи — не доведение до ваших ушей секретных сведений, а принятие решения. Точнее, решение уже принято его величеством, и наша задача лишь наилучшим образом воплотить его в жизнь. Итак, я начну с инцидента в Чародейном саду. Мой друг Фенно-Дераль, несомненно, назовет это убийством, однако суть дела куда серьезнее. Речь шла о тотальном перераспределении запаса магической энергии в мире. Следовательно, в том числе, под угрозу ставился и ограничительный эдикт, и границы королевской власти. Убийство же было в той же мере побочным эффектом, как и появление на месте происшествия барышни Жени. И хочу вам сказать, ваше высочество — именно вам, барышня и сама прекрасно это понимает, — нам несказанно повезло, что ее появление осталось незамеченным. Всем нам. Хотя ей, разумеется, в первую очередь.

Слушать принц умел. Более того, он прекрасно умел вычленять из вороха информации главное — талант полководца ему все же не на пустом месте приписывали. Поэтому граф уложился в неполный час, хотя уместил в рассказ и ход расследования, и незадачливого подмастерья с его так и не уничтоженной книгой, и все сложности с покушениями, лишь одно из которых можно было теперь считать раскрытым. Принц кивал, хмурился, пару раз крепко ругнулся сквозь зубы, но вопросов пока не задавал и даже на девушку не смотрел. Наверное, отвел ей уже очередность в разборе дела, как какому-нибудь вещественному доказательству. Или донесению от разведки, если переводить с полицейского языка на военный.

Наконец граф умолк, и на кабинет опустилась тишина. Нарушила ее, как ни странно, Гелли.

— А знаешь ли, братец... это сейчас кажется, что деточку никто не увидел. Но твой сержант, или кто там ее привел, заметил же кого-то странного, выделяющегося из толпы. Ты не можешь знать, кто что еще видел и мог подумать. С чего-то же пошел слух о дьяволе в Чародейном саду.

— За что я люблю свою кухню, — сказал в пространство граф, — так это за простую житейскую мудрость. Но пока не произошло ничего, что дало бы основания для тревоги.

— Потеряли след, — пожал плечами принц Ларк. — Ищут странно одетого юношу.

Возможно, уже пронюхали, что в вашем доме странная гостья. Вариантов множество, от самых благоприятных до весьма опасных. Я уж молчу о том, что для настоящих, занятых не интригами, а наукой магистров магическая картина может оказаться вполне определенной и требующей для объяснений того самого неучтенного звена.

— За что я люблю логическое мышление, — пробормотала девушка, почему-то пряча лицо в ладони.

— Ну-ну, деточка, не расстраивайся так, — Гелли оглядела мужчин укоризненно. — Любую безупречную логическую картину можно с помощью той же логики изменить до неузнаваемости.

— Не той же, — возразил принц, — женской. Но если прекрасная госпожа фор Циррент уже придумала выход из столь сложной ситуации, нам следует рассмотреть его наряду с остальными.

— Просто рассмотреть, — поправил граф. — Поскольку его величество прежде всего считает важным, не афишируя появления никому не известной девушки и тем более своего к ней интереса, узнать о ее мире. О том, что может оказаться полезным для нас. Разумеется, вы можете в некоторой степени ориентироваться на то, что уже знаю я. Я готов изложить это в любое удобное время.

— Видимо, этой ночью, — решительно предложил принц. — Простите, граф, что-то подсказывает мне, что до сих пор это дело тянулось слишком медленно и пора его ускорить.

— Боюсь, вы правы. Однако простите. Гелли, ты ведь хотела что-то предложить?

Гелли поглаживала ладонь девушки, успокаивая, и в ее лице граф увидел то самое «все будет правильно», с которым он уже научился не спорить.

— Все просто, — Гелли слегка улыбнулась. — Магистр в поисках неведомо чего неведомо где допускает ошибку. Вместо мифического замирья пробивает дыру в любое богатое магией место нашего же мира. Случайно выдергивает оттуда человека и так же случайно не успевает этого понять, поскольку энергия вышла из-под контроля и теперь все его мысли заняты спасением собственной жизни.

— Логично, — оживилась барышня. — Я вам больше скажу, вдвойне логично, что при таком раскладе след обрывается в вашей, граф, канцелярии. Шпионы ведь наверняка по вашей части?

— Осталось подобрать подходящее место... — принц вдруг запнулся, встал и коротко, но почтительно поклонился: — Я должен взять назад некоторые свои замечания. Гениальное решение вопроса.

— А место уже даже я знаю, — барышня наконец-то улыбнулась — слабой, дрожащей улыбкой. — Не зря же граф так настойчиво расспрашивал об Огненных островах.

— Огненные острова? — переспросил принц. — Это и правда несколько неожиданно. И... — он вскочил, шваркнул по столу обеими ладонями, — святые небеса, граф, да вы хоть представляете, какие возможности нам это дает?!

И правда, подумал фор Циррент. Идеально складывается! Впрочем, как всегда, когда дорогая кухня Эбигейль оказывается слишком близко к тайным пружинам событий.

— Я могу лишь одно сказать, — развел он руками. — У меня и в мыслях не было выхода, предложенного любезной сестрицей. Хотя должен заметить, что с этой версией будет немало хлопот.

— Ты справишься, братец, — Гелли встала, положила ладонь барышне на плечо. — Деточка устала.

— Не устала я совсем...

— Дитя, всему-то тебя учить нужно. Хорошо воспитанные барышни не говорят: «У меня так разболелась голова от ваших разговоров, что я хочу немедленно уткнуться в подушку и как следует выплакаться».

— Я плохо воспитанная барышня, — вздохнула Женя. — Я могу и честно сказать, что мне сейчас хочется поорать, постучать кулаком в стену и разбить что-нибудь ненужное.

— Не переживайте, — граф взял ее ладонь и слегка пожал. Пальцы девушки были ледяными. И впрямь перенервничала. — Об Огненных островах так мало знают, что уличить вас в неточности смогут лишь несколько человек во всем государстве. Но вряд ли вам придется с кем-то из них встретиться.

— Пойдем, деточка, — Гелли потянула явно заинтригованную барышню к дверям. — Сейчас начнутся серьезные разговоры для больших мальчиков. А потом любезный принц все же споет нам любовную балладу сочинения своего друга фор Гронтеша и даже не станет спорить, если мы намекнем, что она ужасна. Знаешь, деточка, его высочество не так уж плох на самом деле.

Глава 27, в которой Фенно Дераль закрывает дело о двух покушениях, охрана графа фор Циррента у пускает очередного злоумышленника, а Женя видит странное

Фенно-Дераль прошел мимо стражи и первым делом спросил, как себя чувствует больной. На самом деле самочувствие фор Гронтеша интересовало его куда меньше, чем незаметная его охрана, которую наконец-то удалось наладить.

— Заметно лучше, — ответил лекарь. — Вчера лихорадка начала спадать, теперь его светлость быстро пойдет на поправку.

— Хорошо, — кивнул Фенно-Дераль. — Между прочим, герцог, у меня к вам дело.

— Какое? — Реннар медленно повернул голову и окинул гостя откровенно неприязненным взглядом.

— Государственное, — усмехнулся начальник полиции. — Как всегда, государственное. Взгляните, — он подвинул к постели больного стул, уселся и достал из жестких картонных корочек лист плотной бумаги. — Этот портрет снят с пробравшегося сюда несколько ночей назад убийцы. Его высочество не смог опознать злодея, но, может быть, вам он покажется знакомым?

Откровенно говоря, Фенно-Дераль не ждал толку от этой попытки. То ли заурядная внешность играла роль, то ли убийца был в столице человеком новым, но его не мог опознать никто. Ни во дворце, ни в гвардии, ни в гильдии магов никто никогда не видел этого человека. Опрос осведомителей из уголовной среды тоже ничего не дал. Так с чего бы предполагаемой жертве его знать?

Но, какой бы глупостью это ни казалось, сбрасывать со счетов даже мизерную вероятность Фенно-Дераль не мог.

Реннар разглядывал портрет, мучительно хмурясь.

— Странно, но он и в самом деле кажется мне знакомым. Именно кажется. Я почти уверен, что не встречал этого человека, но... Кого-то он мне напоминает. Не могу сообразить.

Фенно-Дераль покосился на лекаря:

— Может, подстегнуть память? Вполне безвредное заклятие, разве что неприятно немного.

— Не сейчас, — лекарь покачал головой. — Организм ослаблен, магических воздействий для излечения и без того применяется слишком много. Не ранее, чем через неделю, а вероятней через две.

— В таком случае, герцог, попытайтесь вспомнить. Это единственная зацепка.

Реннар снова всмотрелся в портрет. Закрыв глаза. Открыл. Чертыхнулся.

— Брезжит что-то, на самом краю, а поймать не могу. Я постараюсь, виконт. Я... клянусь, я вспомню.

Подошел лекарь, опустил ладонь на вспотевший лоб:

— Спать.

Реннар закрыл глаза, напряженное лицо разгладилось.

— Мне жаль, господин начальник полиции, — сказал лекарь виновато, но твердо. — Больной слишком слаб и не должен сейчас нервничать.

— Понимаю, — Фенно-Дераль убрал портрет, поднялся. — Немедленно сообщите, если он вспомнит хоть что-то.

— Слушаюсь.

«Эфемерная зацепка, но лучше, лучше, чем ничего», — думал Фенно-Дераль, быстро спускаясь по узкой боковой лестнице. Пожалуй, первым делом сейчас стоило опросить людей в особняке фор Гронтешей. Если охота идет за Реннаром, то неудавшийся убийца мог какое-то время отираться и у его дома, а у слуг глаз бывает куда острее, чем у хозяев.

У слуг острые глаза, эту истину принц Ларк усвоил рано. А еще у них длинные языки, даже у тех, кто, казалось бы, предан тебе безоглядно. Их преданности хватает, чтобы не торговать твоими тайнами, но почему-то она не мешает обсуждать любую мелочь между собой, порождая порой самые дикие сплетни.

Начальник Тайной Канцелярии наверняка подходил к подбору слуг тщательнее, чем дворцовый управитель, и болтовни с их стороны можно было не опасаться. Но все же, общаясь с барышней Женей, принц ни на миг не забывал о чужих глазах и ушах. Поэтому у столовой, гостиной или прекрасном парке, разбитом вокруг загородного особняка, серьезных разговоров не вел.

Что, к его большой досаде, затягивало время пребывания в гостях у фор Циррента — принц Ларк даже примерно не мог предположить, насколько, потому что девушка и в самом деле знала уйму всего интересного.

Да еще «тетушка Гелли», драгоценная кухня фор Циррента! Понятно, что долгие часы в кабинете наедине с наследником престола убьют репутацию самой безупречной из девиц, но все же разговоры о чужом мире совсем не предназначены для женских ушей. Виконтесса фор Циррент сидела тихо, прикрывшись пальцами с вышивкой, и временами казалось, что ее здесь вовсе нет, да и насчет ее умения хранить тайны принц не сомневался. Более того, хотя бы перед самим собой принц Ларк должен был признать: она куда более безопасный слушатель, чем Рени. Хотя бы потому, что ей не с кем поделиться услышанным, кроме самой барышни Жени. Но сам факт!

Принц Ларк хотел бы, чтобы Реннар тоже слушал рассказы девушки из чужого мира. Он человек военный и многое почерпнул бы для себя. А еще — в этом принц с трудом себе признавался — вдвоем было бы проще. Сказать по чести, барышня его смущала — и, увы, совсем не в том смысле, какой первым приходит на ум в подобной ситуации. Слишком странной она была, не похожей на обычных девиц. Иногда раздражала до скрежета зубного — хотя, принц был уверен, совсем того не хотела. Временами казалось, что и он раздражает ее так же — хотя, видит небо, принц Ларк вел себя безупречно.

И все же за проведенную в поместье фор Циррента неделю они нашли общий язык. Совершенно неожиданно для себя принц Ларк оценил прелесть общения с девушкой, которая не строит тебе глазки, не выдает авансов, не пытается прикоснуться лишний раз, да и твои комплименты встречает ледяным холодом — зато о какой-нибудь абсолютно неинтересной прочим девушкам «ерунде» говорит с горящими азартом глазами. Оценил прелесть странных рассказов, большая часть которых была бесполезной, но все равно заставляла думать, прикидывать так и сяк, пытаясь приспособить глупое на первый взгляд, несуразное или вовсе невозможное к родному миру, переспрашивать — и снова думать. К концу недели в голове у принца Ларка царил хаос, но это было отлично. Лучше хаос, чем

скука. Он знал это состояние. Еще неделя-другая, и из безумной мешанины начнут рождаться идеи — на первый взгляд тоже, возможно, безумные, но с ними уже можно будет работать, и что-то обязательно пригодится.

В общем, говоря по чести, это была далеко не худшая неделя в жизни принца Ларка, хотя он и не собирался признавать это вслух.

Пожалуй, эта неделя была далеко не худшей в Жениной жизни. Женья даже назвала бы ее прекрасной, если бы не тоска по дому, которая накатывала в самые неподходящие минуты. Почему-то хуже всего ей становилось от рассказов о какой-нибудь ерунде вроде мобильных или шариковых ручек. Хорошо, что принц мало интересовался бытом чужого мира, предпочитая расспрашивать о всяческих военных заморочках — уж они-то Женю в тоску не вгоняли, даже наоборот. В мире без террористов и ядерного оружия определенно была своя прелесть.

Если не обращать внимания на обычный, видимо, для этого мира мужской шовинизм, принц Ларк оказался по-своему забавным. Раздражаясь, он становился крайне, преувеличенно вежливым, а в хорошем настроении был почти что свойским парнем. Особенно это проявлялось, когда он забывал о том, что разговаривает с девушкой — то есть, когда речь заходила об оружии, тактике, камуфляже, когда Женья вспоминала фильмы и книги о войне. Правда, заканчивались эти разговоры всегда одинаково — когда Женья признавалась, что чего-то по обсуждаемому вопросу не знает, принц вспыхивал, бросал что-нибудь едкое о тупости и прискорбном отсутствии любознательности, потом вспоминал, что девушки и военное искусство — предметы, сочетаемые крайне плохо, и начинал извиняться. Женья смеялась и предлагала рассказать что-нибудь, хорошо сочетающееся с девушками, например, рецепт печенья. На волшебном слове «рецепт» в разговор вступала тетушка, принц снова вспыхивал, бурчал под нос что-то вроде «ох уж эти женщины» и жалел, что вместо Жени из ее мира не занесло какого-нибудь парня.

О том, что некоторые парни разбираются в интересных для принца темах еще хуже, Женья дипломатично молчала.

Граф фор Циррент появился лишь раз, на третий день их пребывания в поместье, сообщил, что в столице все скучно и спокойно, и, едва отсидев обед, ускакал обратно. Скучающим он не выглядел, да и спокойным тоже. Но обсуждать это никто не стал.

Между тем вступала в свои права осень, холодный ветер сбивал с деревьев последнюю листву, трава побурела и пожухла, и только какие-то незнакомые Жене вечнозеленые кустарники, окаймлявшие центральную аллею парка, продолжали радовать глаз. Эта аллея стала излюбленным местом прогулок Жени и принца Ларка — каждый день перед обедом, когда тетушка увлеченно руководила кухаркой и поваренком, а в кабинет приходили истопник и служанка.

Почему-то сидеть наедине с мужчиной в кабинете здесь считалось компрометирующим, а гулять вдвоем по парку — нет. Может, потому что в парке их в любой момент мог увидеть кто угодно? Во всяком случае, серьезные разговоры принц оставлял для кабинета, а в парке Женья больше слушала, а говорил принц — о столичной жизни, об Андаре и Тириссе, о прошлогодней войне. Также, казалось бы, не «приличные для девушки» темы, но Жене было интересно, да и нужно же узнать побольше об этом мире. Ей здесь жить, в конце концов.

Пожалуй, это даже можно было назвать идиллией — и, как все на свете идиллии, закончилась она внезапно.

Все произошло во время очередной прогулки, как раз когда принц с Женей дошли до

дальнего конца аллеи и остановились под раскидистым дубом, густо одетым рыжей листвой. Настроение у принца было не ахти, к тому же ему явно хотелось обдумать очередной Женин рассказ, поэтому разговор не клеился и в конце концов замер. Женя рассеянно скользила взглядом по сторонам, не думая ни о чем конкретном. Наверное, потому и заметила едва уловимую дрожащую радугу над зеленью кустов.

Дождя не было, да и солнца тоже, взяться радуге было неоткуда. К тому же не в небе, а здесь, в десятке шагов...

Вспомнился Чародейный сад, Женя покосилась на принца, гадая, уместно ли будет спросить, насколько здесь реально вот так наткнуться на какое-нибудь колдовство. Кто его знает, может, у графа тут в саду источник магический. А может, у садовника какие-нибудь чары на кустах. А может, все это вообще бред и глюки, что она знает о здешней магии?

Уже решила промолчать, когда радуга всколыхнулась, вспыхнула ярче и сжалась в острую точку. Женя вскинула руки, даже не успев осознать охватившую ее панику — не то закрываясь, не то отталкивая нечто невидимое, недоступное пониманию, но явно опасное. По ладоням ударило, отшвырнуло, Женя налетела спиной на принца, тот ухватил ее поперек груди, дернул в сторону, и только потом оба опомнились.

К кустам бежала охрана — надо же, подумала Женя, я и не замечала, что здесь еще кто-то есть, кроме нас. Принц торопливо разжал руки, пробормотал извинения и тут же спросил:

— Как вы заметили?

— Что это вообще было? — почти одновременно с ним выпалила Женя. Руки дрожали, по запястью текла струйка крови, пропитывая рукав — дорогое платье наверняка будет безнадежно испорчено.

Мелкая галька дорожки там, где они стояли минуту назад, и трава позади этого места были словно взрезаны исполинским ножом. Именно это зрелище, а не промокающая алым ткань, заставило подкоситься ноги. Ведь размазало бы...

Трава была холодной и слегка влажной, словно пропитанной осевшим на нее с утра туманом. Сидеть на земле здесь вряд ли считалось приличным для девушки. От этой мысли захотелось смеяться, и Женя прикусила губу. Она и так выглядит достаточно глупо, только истерики не хватает для полного счастья.

— Что вы видели? — спросил подбежавший охранник.

— Радугу, — растерянно ответила Женя. — Там, над кустами. Потом вспыхнуло, я испугалась, а дальше не знаю, ничего не поняла.

Принц дернулся было к кустам вместе с охранником, но тут же снова обернулся к Жене.

— Вы ранены. Можете идти?

Женя чуть не спросила: «А если нет, на руках потащите?» Этот может и на руках. Оперлась о подставленную ладонь. Ноги подкашивались, и почему-то начали стучать зубы.

— По-моему, я даже бежать могу, лишь бы уйти отсюда, — пробормотала Женя. — Глупо, да?

— Пойдемте. Не бойтесь, все страшное позади. Нам повезло. — Принц жестко усмехнулся. — А охране графа — нет. Прохлопали убийцу в двух шагах от дома.

— Значит, кто-то свой был, — Женя оглянулась, втайне опасаясь снова увидеть что-нибудь не то, но никаких радуг, сияний и прочих странностей не заметила. Дуб как дуб, кусты как кусты, за кустами мелькают фигуры охранников, и еще двое идут следом, наверное, прикрывая их с принцем. — Чужие ведь здесь не ходят, правильно?

Дурацкая юбка путалась в ногах — а ведь Жене казалось, что она уже привыкла к

платьям. В ушах звенело. Принц покосился на нее и все же подхватил на руки, зашагал быстрее. Это было приятно: Женю пока еще никто не носил на руках, ни разу в жизни.

— Мне совсем не больно, — сказала Женя. — И кровь уже, кажется, не идет. Все в порядке, просто перепугалась.

Принц не ответил, только, кажется, ускорил шаг. От дома кто-то бежал навстречу, вокруг начиналась суета, Женя слышала, как принц велел кому-то известить графа и Фенно-Дералья, как спрашивал, есть ли в этой дыре разбирающийся в магии лекарь, и все никак не могла вставить в этот шум, что ей нужны всего лишь чашка горячего сладкого чая, одеяло и тишина. Правда, если бы ей и удалось это сказать, вряд ли бы ее послушали.

Суета вокруг дома фор Гронтешей явно дала понять Фенно-Дералю, что он явился вовремя. Неделью назад, когда он приезжал сюда опрашивать слуг, особняк казался сонным и почти заброшенным. Теперь же во дворе выпрягали коней из огромной дорожной кареты, бежал с охалкой хвороста встрепанный истопник, торопилась к калитке кухарка с огромной корзиной, а за забором уже начали собираться привлеченные шумом зеваки.

Вряд ли после долгой и утомительной дороги отставному адмиралу фор Гронтешу очень хотелось принимать гостей, но Фенно-Дераль он встретил безупречно вежливо. Впрочем, начальник королевской полиции — не вполне гость, особенно, когда именно он вызвал тебя в столицу.

Опала никому не идет на пользу, но энергичным натурам она особенно страшна. Поэтому Фенно-Дераль немного опасался первой встречи. Он помнил старшего фор Гронтеша в дни его славы — героем, народным любимцем, признанным баловнем фортуны. Тогда адмирал был деятелен, временами резок до грубости, всегда честен и, несомненно, вполне достоин уважения. Именно прямота и честность подвели его в итоге — такие люди не созданы для интриг, им лучше не соваться в мутные воды большой политики. Печально будет, если отставка и ссылка в родовое поместье сломали его волевою натуру.

Однако первый же взгляд показал, что опасения были напрасны. Адмирал Оннар фор Гронтеш глядел все так же прямо и жестко, жесты его были так же скупы и точны, как прежде, а рукопожатие таким же твердым. Разве что знаменитая шальная улыбка ушла с лица, загар сменился северной бледностью, да в черных волосах заблестела редкая седина.

— Я рад вашему возвращению, адмирал, — Фенно-Дераль крепко пожал жесткую широкую ладонь. — Сорок лет — слишком рано для того, чтобы писать мемуары.

— А я вернулся? — губы адмирала тронула едва заметная усмешка. — Я знаю лишь то, что меня вызвали в столицу в связи с ранением моего сына.

— Полагаю, все решит личная встреча с его величеством. Однако насколько я знаю, вы можете надеяться на ее благоприятный исход. Что же касается вашего сына, дело представляется мне довольно странным... Однако для начала, пожалуй, нужно ввести вас в курс столичных дел, тогда станет ясней суть моих затруднений.

Фенно-Дераль рассказывал адмиралу о чередѣ покушений, о дурацком на первый взгляд пари, признаниях магистра Страунгера, ночном убийце. Не столько ради дознания — имел полное право показать портрет убийцы без объяснений — сколько для того, чтобы старший фор Гронтеш снова не совершил ошибку, связавшись по незнанию не с теми людьми. Слухи-то до него быстро дойдут, но сколько в тех слухах будет правды, вот вопрос. Ведь даже его собственный сын знает далеко не все — если он вообще станет рассказывать отцу то, что утаил от полиции.

Наконец попросил взглянуть и на портрет убийцы — признаться, почти без надежды,

потому что ни младший фор Гронтеш, ни его слуги так и не вспомнили этого лица. Однако адмирал бросил на рисунок лишь один взгляд и уставился на Фенно-Дераль в явном недоумении.

— Конечно, я его знаю. Виттор фор Оркест, младший сын одного из моих соседей. Странно, что Реннар не узнал, в детстве они столько раз играли вместе. Хотя Виттор довольно сильно изменился после смерти отца. Возмужал...

— Что он имеет против Реннара? Они ссорились? Вражда, дуэль, разногласия?

— Помилуйте, они виделись последний раз пять или шесть лет назад. Потом Реннар отправился в армию, а Виттор — к магу в ученики. Если они и пересекались где с тех пор, то разве что случайно. Послушайте, вы уверены, что здесь никакой ошибки?

— Абсолютно.

— В последний год Виттор заезжал ко мне несколько раз. Без определенного дела, просто по-соседски. Спрашивал, кстати, отдам ли за него дочь, если та не будет против.

— Вот как? — пробормотал Фенно-Дераль. — Что вы сказали?

— Что Сильвия слишком юна для замужества.

— Это был отказ или предложение подождать? Вы разрешили ему делать вашей дочери некие авансы, ухаживать?

— Да, я позволил им общаться, под присмотром, разумеется. Я считал уместным, что у Сильвии будет время приглядеться к Виттору.

— Значит, вы против этого брака ничего не имели. А вашей дочери нравился предполагаемый жених?

Адмирал задумался.

— Право, затрудняюсь ответить. Сильвия и в самом деле слишком юна. Она еще дитя, слишком рано судить, нравится ли ей мужчина. Она охотно проводила с ним время, но, я думаю, с той же охотой встретила бы любое развлечение. У нас скучно.

— Понимаю, — Фенно-Дераль задумчиво потер бровь. Похоже, дело можно было считать раскрытым. Но как же банально! — Господин адмирал, простите мне бестактный совет. Если ваш сын погибнет, после вашей смерти все имущество, включая фамильные земли, достанется дочери. Присматривайтесь как следует к тем, кто претендует на ее руку.

— Простите, но... Я понял вашу мысль, однако фор Оркесты не беднее нас, и земель у них побольше. Зачем ему? Не вижу смысла. Только, прошу вас, не нужно рассуждать о природе жадности и прочих пороков. Я знаю Виттора много лет. Не скажу, что он не пойдет на преступление, я вообще не слишком верю в святость человеческую, — адмирал усмехнулся невесело, — но он не станет рисковать из-за поросшей кривым лесом горы и каменистых пустошей, годных разве что для диких коз. А слухи о привезенных мною заморских сокровищах сильно, знаете ли, преувеличены.

— Однако слухи есть, и кто-то может им поверить, — возразил Фенно-Дераль. — Что же касается покойного Виттора фор Оркеста, позволю себе указать на вполне очевидный мотив. Молодой человек учился магии, а на ваших землях находится одна из древних священных рощ, и в ней — мощный, стабильный, много лет не использовавшийся источник. Право, дорогой адмирал, я затруднюсь оценить нынешнюю стоимость вашего наследства. Задумайтесь об этом. — Встал, поклонился: — Благодарю, что уделили мне время сразу же после приезда. Не смею злоупотреблять гостеприимством. И, прошу, в случае необходимости — обращайтесь.

Глава 28, в которой Женя рассказывает фор Цирренту об отпечатках пальцев, узнает немного больше о магии и сравнивает короля с любимым преподавом

Когда фор Циррент примчался в свое загородное поместье, там все уже успокоилось. Двор, службы и парк обыскали, чужих не обнаружили, зато выяснилось, что помощник садовника не помнит ничего, начиная с позавчерашней ночи, когда он пошел в деревню к своей зазнобе. Волшебная палочка, из которой было выпущено режущее заклятие, валялась рядом с недостриженными кустами.

— Прямых улик нет, но все достаточно прозрачно, — подытожил фор Циррент, принимая у Гелли чашечку с горячим чаем — на этот раз тирисским, благоухающим свежей земляникой и мятой.

— Отпечатки пальцев снимите, — пожала плечами барышня Женя. Она сидела в кресле, завернувшись в одеяло, нахохленная и слегка несчастная, но поразительно спокойная.

— Простите? — переспросил фор Циррент.

— С палочки, — пояснила барышня. — Если он ее сразу на месте бросил, там не было времени стирать. — Поглядела в его наверняка недоумевающее лицо и вздохнула: — У вас здесь еще не открыли, что отпечатки пальцев у каждого человека строго индивидуальны? У нас это вполне доказательная улика. Займитесь, очень советую. Будет новое слово в криминалистике.

Фыркнула едва слышно, допила свой чай, попросила:

— Налейте еще, тетушка. Никак согреться не могу.

Под следующую чашку фор Циррент выпросил у барышни об отпечатках пальцев, а заодно узнал о группах крови — хотя последнее вряд ли могло ему пригодиться, учитывая, что барышня сама не знала, чем они отличаются. Все равно, как если бы сам фор Циррент попытался рассказать о любимых пирожных Гелли — как выглядят, знает, вкус — тоже, а вот как делать — оно ему надо?

— Все же большая часть ваших знаний совершенно бесполезна, — посетовал он.

Барышня кивнула, пожала плечами:

— Практически бесполезна, но интересно же. А может, кого на мысли натолкнет, тоже польза. Легче ведь искать, если знаешь, что нужно найти.

А фор Циррент подумал, что по крайней мере от этого разговора точно польза есть — барышня перестала трястись, явственно ожила и теперь, пожалуй, была готова к подробному рассказу о покушении.

Очередной рассказ не занял много времени, Жене и сказать-то было нечего. Увидела странное, сначала среагировала, потом испугалась, да еще и не поняла ничего. Вот только не слишком ли часто приходится рассказывать о том, что она делала на месте преступления?

— Криминальная обстановка у вас здесь не очень. — Женя отставила давно опустевшую чашку и через силу улыбнулась. — То трупы, то покушения. Или это только мне так везет?

— «Везет» его высочеству, — мрачно ответил граф. — Вы же, барышня, просто

оказываетесь в неудачном месте в неудачное время. Или в удачное, как поглядеть. Его высочеству определенно повезло, что вы оказались рядом.

Женя поежилась.

— Вы мне лучше вот что объясните, почему я вдруг увидела то, чего никто другой, как я понимаю, не видит? Мало мне странностей, теперь еще и магия?

Граф переглянулся с принцем, прошелся по кабинету, ненадолго остановившись у окна и побарабанив пальцами по стеклу.

— Магию, дорогая барышня, каждый воспринимает по-своему. Каждый из тех, разумеется, кто вообще способен ее воспринимать. При этом, действительно, чаще всего она предстает для мага именно через какие-то видимые образы, причем для каждого свои. Отчасти поэтому обучение магов так сложно — слишком многое приходится постигать самостоятельно, без подсказок. Хотел бы я знать, надолго ли у вас...

Он замолчал, не договорив. Принц тоже молчал, только глядел с каким-то новым любопытством. Что касается Жени, ей пришлось заставлять себя молчать — чувствовала, что, заговорив, сорвется в слезы или еще какую истерику. Мало ей было чужого мира со всеми его сложностями, мало было учиться ходить, не путаясь в юбках, запоминать правила поведения, складывать в связную картинку рассказы принца, графа и тетушки Гелли, теперь еще и магия на ее голову свалилась! Совсем не смешно!

Граф, кажется, понял, что с ней творится. Остановился рядом, улыбнулся самыми уголками губ:

— Не надо так волноваться. Нечаянно хватанув дармовой силы, обычный человек не станет магом. Поверьте, вы не первая и не последняя. Я полагаю, вам досталось сколько-то силы того несчастного, что умер в Чародейном саду. Постепенно она развеется, так что учиться еще и магии вам не придется.

— Это радует, — Женя медленно выдохнула, успокаиваясь.

— Однако я хотел бы воспользоваться случаем, — граф заговорил резко, мгновенно растеряв мягкие и сочувственные интонации. — Ваше высочество, дорогая барышня, я прошу прощения, но вам придется наслаждаться обществом друг друга несколько дольше, чем планировалось. Наш убийца весьма настойчив, я не хочу терять возможность увидеть нападение раньше, чем оно произошло.

— Это опасно для девушки, — быстро возразил принц.

— И ненадежно, — добавила Женя. — Сами же сказали, развеется. Сегодня я вижу эту вашу магию, а завтра бац и уже нет. Или можно как-то рассчитать, сколько это продержится?

— В вашем случае нельзя, — вздохнул граф. — И, разумеется, полагаться на способность, которая в любой миг может исчезнуть, не слишком разумно. Но я предлагаю вам, дорогая Женя, всего лишь внимательно глядеть по сторонам. Вы ведь не думаете, что будете единственной охраной?

— Эй, — повысил голос принц, — меня вообще услышали? Это опасно!

— Не более чем было до сих пор, — возразил граф. — Однако я надеюсь, мой дорогой принц, что мысли о безопасности доверенной вам девушки заставят вас соблюдать некоторую осторожность. Чего никак не добьешься соображениями вашей собственной безопасности.

Женя тихонько фыркнула. Почему-то не верилось, что предложение графа на самом деле чем-то ей грозит, скорее было похоже, что это лишь предлог, повод заставить принца

вести себя осмотрительней. А она уже достаточно узнала Ларка, чтобы понимать, насколько это нелегкая задача.

Давно принц Ларк не был настолько взбешен. Безопасность безопасностью, но надо же и совесть иметь! Граф определенно перешел границы в попытке заставить его соблюдать осторожность. Надо же придумать, подставить под удар ничего не понимающую девушку! В буквальном смысле ничего не понимающую — не только в магии, но и во всем окружающем мире. Судя по ее рассказам, у нее на родине все слишком иначе. Ей в любом случае будет тяжело привыкать, но одно дело — пить чай и ездить по лавкам с добродушной «тетушкой» виконтессой фор Циррент, вести ученые беседы с наследником престола и наверняка столь же интересные и содержательные — с начальником Тайной Канцелярии. И совсем другое — появиться в обществе того же наследника престола на людях! Тут уж не только предполагаемые убийцы одного наследника опасны — свои найдутся, ревнивые дуры глаза выцарапают. А если, не приведи небо, еще и дед ее публично отметит? А ведь отметит, как ни крути, а девушка спасла жизнь члену королевской семьи, да еще и свою кровь пролила при этом. Пусть она сама не слишком понимала, что делает — все равно заслужила награду.

То, что принц никак не мог изменить ситуацию, только прибавляло бешенства. А барышня согласилась на предложение графа так легко, будто ее попросили о ничего не значащей мелочи, ерундовой услуге. Нет, принц Ларк не имел ничего против общества барышни Жени, но...

За этим «но» он путался в противоречивых аргументах, начинал снова злиться на графа, на проشياпившую убийцу охрану, даже на себя и барышню Женю — пока, наконец, не признал, что банально за нее боится. Или даже не так — что ему впервые в жизни не все равно, будет ли девушке рядом с ним спокойно и безопасно. Может, все дело в том, что именно эта девушка не добивалась его внимания, не вешалась на шею и вообще вела себя скорее как некий странный вариант Реннара? По-дружески, непосредственно и без всяких задних мыслей.

Что ж, пусть так, сказал себе принц, наконец разобравшись в собственном отношении. Свозим барышню во дворец, представим его величеству, пусть получит заслуженную награду, а о ее безопасности найдется кому позаботиться.

— Ну вы и придумали, «заслуженную награду», — барышня не то чтобы смутилась, скорее совершенно искренне изумилась. — Я же ничего не сделала! Только ойкнуть и успела.

— Важен результат, а не затраченные усилия, — наставительно сказал фор Циррент. Спрыгнул из коляски, подал руку, помогая спутнице сойти на мелкую брусчатку дворцовой площади. — К слову, наш король придерживается этой точки зрения настолько сурово, что его министры панически боятся ссылаться на трудности и расписывать собственные усилия по их преодолению, даже когда трудности вполне реальны. Впрочем, о действительно серьезных проблемах его величество осведомлен и без их жалоб.

Барышня хихикнула, фор Циррент поднял брови:

— В этом есть что-то смешное?

— Еще как, — весело отозвалась барышня. — Хороший же принцип, правда. У нас препод один так же говорил, клевый дядька такой, научуком у меня был... ой, я снова заговариваюсь непонятно для переводчика?

— Понятно, — хмыкнул фор Циррент, — но до крайности некультурно. В духе пьяных школяров.

У барышни хватило совести покраснеть:

— Извините. Кстати, потом очень странно воспринимался начальник на работе, который реально ценил только усилия. Ну, то есть я, допустим, сделала все вовремя, а моя напарница полдня протрепалась по телефону, вторую половину дня провисела в интернете, а потом берет работу на дом с честными глазами, сидит над ней вечер или выходной, и обязательно же так, чтобы все знали. И по итогу она ценный работник, а я лентяй.

— А начальник кретин, не умеющий контролировать подчиненных, — добавил очевидное фор Циррент. — И вы все равно скучаете, даже по этому крестину начальнику.

— Не скучаю я, век бы его не видеть с той работой вместе. Просто привыкать трудно. Вот по интернету скучаю. И по кофе скучать буду, когда моя пачка закончится. У вас тут местная Аравия закрыта для торговли, если я правильно понял.

— Надеюсь, у вас не хватит нахальства попросить у короля в качестве награды ее открыть, — фор Циррент усмехнулся, представив, какой прием получило бы это предложение у его величества. Пожалуй, акции барышни Жени резко пошли бы вверх. Вместе с проблемами.

Барышня представить всего этого не могла, поэтому просто рассмеялась в ответ:

— Что вы, я не настолько наглая.

Сделав несколько шагов по направлению к парадному входу, она остановилась, заслонила ладонью от солнца и задрала голову, разглядывая дворцовые башни. Не слишком прилично, но для провинциалки сойдет.

— Нравится? — спросил фор Циррент.

Барышня моргнула и уставилась на него со странной задумчивостью.

— А скажите, граф, ведь здесь наверняка полно всякой защиты, сигналок, опознавалок? Магических, я имею в виду.

Фор Циррент оглядел барышню с ног до головы с демонстративным интересом.

— Не сказал бы такого о любой другой девице, но вы наверняка понимаете всю неуместность подобных вопросов. Так что же заставило вас спрашивать? Позвольте мне догадаться — видите что-то необычное?

— Радуги бегают, — барышня слабо улыбнулась. — Много крохотных радуг, как будто живых. Безумно красиво.

— И из этого следует?..

Как все же быстро умеет она переходить от девичьих восторгов к деловитой сосредоточенности. Ценнейшее качество, одно жаль — все мысли на лице написаны. Нахмурилась, так и видно, как раскладываются по полочкам ответы. Улыбнулась:

— У нас есть тестовый объект. Сразу заметим, когда у меня все это закончится.

— Это первое, — кивнул граф. — Второе?

Теперь она задумалась надолго. Потерла тонким пальцем подбородок, краешек губ — в ярком солнечном свете блеснуло золотое кольцо, и граф подумал вдруг, что нужно заменить его на серебряное, с хорошей ментальной защитой. Барышня объяснила как-то, что кольцо осталось от бывшего мужа, вряд ли она так уж дорожит этой памятью. Солнечный топаз ей подойдет. Или изумруд, она любит зеленое? Нет, под такие глаза только топаз. Всегда казалось — самые обычные глаза, в Андаре у каждого второго такие — карие с легкой зеленью. А сейчас — то ли на ярком солнце, то ли магия в них так играет — посветлели и как будто тоже золотятся, отливают не то темным медом, не то старым янтарем.

— Даже не знаю, — растерянно призналась барышня.

— Элементарно, — проворчал фор Циррент, отвлекаясь от неуместного разглядывания девичьих глаз. — Воздержитесь от обсуждения здешних красот с кем бы то ни было посторонним, иначе можете случайно выдать себя.

— Действительно, — согласилась барышня. — Элементарно, Ватсон...

Таинственного «Ватсона» фор Циррент пропустил мимо ушей: часы надвратной башни пробили два пополудни, следовало поторопиться.

— Пойдемте же. Некрасиво заставляя его величество ждать.

Если они не хотели заставляя короля ждать, надо было приехать на час-полтора раньше, думала Женя, торопливо шагая следом за графом по широким лестницам, галереям и коридорам, пересекая невероятно огромные залы, иногда пустые, если не считать стражу у дверей, иногда — полные разодетых придворных. Собственно, в придворных и была проблема. Довольно многие кивали графу, некоторые подходили поприветствовать, к другим он подходил сам. Начальник Тайной Канцелярии явно был популярен при дворе. И все, все, чтоб их, украдкой пялились на Женю! Так что она очень ясно чувствовала, как неловко движется в тяжелом, все еще непривычном платье, не зная, куда деть руки, и слава богу, если не слишком заметно пугаясь в юбках. Спасибо еще, что кудряшек на башке не навертели, а то точно была бы овца овцой. Узел, спадающие на шею локоны и те самые шпильки барышни Цинни, удивительно подходящие к голубовато-сизому платью.

А еще Жене было интересно, насколько соответствует местным понятиям о приличиях явное нежелание графа представлять ее собеседникам, а тех — ей. Прямых вопросов никто не задавал, но некоторые намеки даже для Жени были вполне прозрачны, а фор Циррент словно и не слышал их. Обменивался то ничего не значащими фразами о погоде и здоровье, то малопонятными для Жени сплетнями и новостями. А она болталась рядом довеском, все больше ощущая себя какой-нибудь, прости господи, табакеркой. Только и оставалось, что напоминать себе с интонациями тетушки Гелли: спину ровнее, плечи разверни, подбородок выше, ты красивая девушка, не бойся, все будет хорошо, подумаешь, дворец... впрочем, «подумаешь» уже не тетушкино, а ее родное, домашнее, насквозь демократичное. А дворец на самом деле красивый, и побродить по нему спокойно, как по музею, Женя бы не отказалась. Желательно с экскурсоводом. Интересно, из кого вышел бы лучший экскурсовод, из графа или принца Ларка? Пожалуй, из принца, он больше рассказывает, а граф все время норовит свернуть разговор на Женю и ее мир. Профессиональное, наверное.

Наконец вереница залов и переходов закончилась.

— Нам сюда, — негромко сказал граф, ободряюще сжал ее ладонь, и они вошли в небольшую, почти пустую комнату, которую Женя определила для себя как «предбанник». Типичная такая приемная перед директорским кабинетом: вычурные неудобные диванчики, картина с вереницей кораблей во всю стену и стража перед тяжелой, резной, наглухо закрытой дверью. И даже кто-то вроде секретарши — за массивным столом у окна восседал, уткнувшись носом в какие-то бумаги, делового вида седой дядечка.

Впрочем, едва они вошли, тот поднял голову и торопливо встал, кивнув:

— Добрый день, граф, барышня, его величество ожидает вас.

Распахнул перед ними дверь, вошел первым, объявил негромко, с явной почтительностью:

— Граф фор Циррент и его гостя.

Обернулся:

— Прошу вас, входите.

И закрыл за ними дверь, оставшись, как заметила Женя, снаружи. Похоже, аудиенция была крайне неофициальная — или здесь так и положено? Женя в очередной раз напомнила себе, что глупо сверять правила поведения здесь по фильмам из родного мира, подняла голову и замерла, встретившись взглядом с королем.

Взгляд у его величества оказался ощутимо тяжелым, будто каменной плитой придавило. Женя схватилась за руку графа, в глазах полыхнуло фейерверком мелких радуг, и все прошло. Только вдохнуть нормально никак не получалось, и Женя хватала ртом воздух, почему-то думая о том, что выглядит, наверное, до крайности неприлично, или неподобающе, или как они здесь еще говорят? И даже ведь не поздоровалась... Но язык отказывался слушаться, а взгляд не мог оторваться от по-стариковски темного, твердого, словно из дерева высеченного лица: резкие линии скул и подбородка, тонкие сухие губы, острый прямой нос, абсолютно прямая линия бровей и темные, пронизывающие глаза. Мелькнула шальная мысль: по молодости, наверное, красавец мужчина был, куда там Ларку!

Поздоровался первым король. Склонил голову — не то кивок, не то поклон, — сказал густым, как будто приглушенно рыкающим басом:

— Я рад приветствовать вас. Прошу прощения за небольшую проверку.

Женя только глазами хлопнула — на самом деле не знала, что на это ответить. Уж точно не то, что вертелось на языке! Положение спас принц Ларк, ворвавшийся с виноватым:

— Простите, меня задержали, — и остановившийся перед королем, совершенно по-мальчишески понурившись.

— Покажи нашей гостье дворец, ей интересно, — предложил король. — А я тем временем поговорю с графом фор Циррентом.

— А как же... — принц осекся, не договорив, наткнувшись на предостерегающий взгляд. Кивнул: — Хорошо. Пойдемте, Женя.

— Возвращайтесь через час, — бросил вслед король. — Тогда и обсудим все твои «как же».

Глава 29, в которой Женя так и не узнала, какой экскурсовод из принца Ларка

— Что «как же»? — спросила Женя, едва за ними закрылась дверь приемной и караулившая ее стража осталась позади.

— Не здесь, — покачал головой Ларк. — Женя, я прошу вас помнить, что вы сейчас не в защищенном всеми возможными способами парке графа фор Циррента — причем, заметьте, и он оказался недостаточно защищенным! — а в той части дворца, которая открыта придворным и гостям и, следовательно, полна любопытных глаз и ушей.

Принц был до крайности серьезен, таким серьезным Женя его ни разу не видела в гостях у фор Циррента. Поневоле проникнешься!

— Хорошо, — кивнула она. — Постараюсь вообще молчать, так надежней. А то ляпну что-нибудь не то...

— Уже, — чуть заметно поморщился принц. — «Ляпну», прошу прощения, это из лексикона босоногих деревенских девиц, а не благородных дам.

— Ну вот, — вздохнула Женя. И, во избежание еще чего-нибудь такого же неподобающего, в самом деле замолчала.

— Не расстраивайтесь, — принц ободряюще сжал ее пальцы. — Ведь я показываю вам дворец, значит, говорить по большей части тоже придется мне.

Они прошли еще через одну дверь, мимо еще одного поста стражников, поднялись по короткой узкой лестнице — и Женя остановилась, почти бессознательно стиснув ладонь принца. Они оказались на галерее-балконе, кольцом опоясывающей огромный зал, полный людей. Кажется, тот самый, через который они проходили с графом...

— Дед называет это «водоворот бездельников», — тихо, почти на ухо сказал принц. — Занятым людям некогда здесь торчать целыми днями. Зато сюда стекаются все новости, слухи и сплетни. Провести через этот зал нового человека, вот как граф сегодня вас — все равно что бросить камень в пруд. Долго будут круги разбегаться.

— Давайте уйдем? — так же шепотом попросила Женя. — А то я представляю, какие пойдут круги, если нас сейчас увидят. Мало не покажется.

— Люблю дразнить гусей, — ухмыльнулся принц. — Но вы правы, пойдете.

Они спустились по той же лесенке, и принц, выглянув в арочный проем, из-за которого доносился слитный гол голосов, потянул Женю вперед. К «водовороту бездельников» (а хорошо назвали, подумала Женя, в чувстве юмора королю не откажешь) примыкал зимний сад, о котором принц отозвался не менее ядовито, снова почти на ухо:

— Удобное место для уединенных встреч, если вы понимаете, о чем я.

— Сомневаюсь, что для посекретничать, — хмыкнула Женя, оглядев деревца и раскидистые кустики в деревянных кадках. — Но я бы и целоваться здесь поостереглась, мало ли кто из-за соседнего куста смотрит.

— Вы очаровательно непосредственны, — рассмеялся принц. — Да, уединение здесь весьма условно. Однако наши придворные дамы любят, когда их сюда водят.

— Наверное, как раз потому что всем видно. — Женя тронула пальцем крохотный зеленый лимончик на ветке: — Вызревают?

— Кислятина, — пренебрежительно отозвался принц. — Мы все еще в опасной зоне, не будем задерживаться.

— Я бы хотела посмотреть, что у вас здесь растет. Но, конечно, не так, чтобы тем временем все кому не лень смотрели на меня.

— Познавательный интерес? — принц насмешливо прищурился, и Женя кивнула. — В таком случае вам нужны дворцовые оранжереи. Там все то же самое и много чего еще. Как-нибудь я свожу вас туда, но, пожалуй, не сегодня. У нас только час, ограничимся пока что общедоступной парадной частью.

— В которой ничего интересного, кроме сплетников и бездельников? — невинно спросила Женя. Принц вел ее мимо кадок и ваз с растениями, большей частью незнакомыми — чем-чем, а комнатным цветоводством Женя никогда не интересовалась — вел, а сам, похоже, мыслями был где-то далеко. То хмурился, то хмыкал, кусая губы. Если из него и мог бы получиться приличный экскурсовод, то явно не сейчас. «А ты пойми уже, что здесь тебе не музей», — посоветовала сама себе Женя. Напоминание не было лишним, потому что красота королевского дворца и впрямь будто целиком сошла с каких-нибудь рекламных проспектов, открыток для туристов или познавательных передач. Не так роскошно, как, например, Лувр или Эрмитаж, но напоминает.

— Интересного? — рассеянно переспросил принц. И тут же, встряхнувшись, рассмеялся: — Признаться, впервые сталкиваюсь, чтобы гости королевского дворца спрашивали, что здесь есть интересного. Вы и в самом деле очаровательны, Женя. Давайте я покажу вам вид с часовой башни. Как раз успеем подняться, отдышаться и вернуться.

— Ну, давайте, — с некоторым сомнением согласилась Женя. Всяческие обзорные площадки она, в общем-то, любила, и высоты не боялась, вот только «отдышаться» как пункт программы настораживало. — Надеюсь, там не миллион с лишним ступенек, по которым придется лезть как раз полчаса. Не то чтобы я была против, но, кроме «отдышаться», хочется еще и «оглядеться».

— Между прочим, — принц снова склонился к ее уху, — я оказываю вам высокое доверие. Туда можно попасть исключительно в сопровождении члена королевской семьи.

— И вы ни разу не водили туда дам? — не удержалась Женя.

Принц рассмеялся; что-то он много сегодня смеется, подумала Женя, на него не похоже. И тут же возразила сама себе: «Да откуда я знаю, что на него похоже, а что нет! Может, он в гостях у графа был постоянно в отвратительном настроении и еле сдерживался, а теперь радуется родным стенам, придворным дамам и еще чему-нибудь, о чем я знать не знаю». Но все же, мгновение поколебавшись, потянула принца к ближайшему окну, развернула к свету, заглянула в глаза.

Нормальные были глаза, не пьяные, не дурные — все как всегда, разве что смешинки в глубине плясали.

— Что это вы? — заинтересовался принц.

— Да так, — Женя смущенно пожала плечами. — Знаете, ваше высочество, давайте башню с миллионом ступенек тоже отложим на потом, а сейчас просто найдем тихое место, где можно посидеть. А то странно мне как-то, то ли со мной что-то не в порядке, то ли с вами, то ли у меня после короля вашего отходняка, ничего не понимаю.

Принц озадаченно нахмурился, вглядываясь в Женю так же пристально, как она только что разглядывала его.

— Хорошо, пойдемте.

Подхватил ее под руку и торопливо куда-то зашагал — так, что Женя едва поспевала следом.

Что именно было не в порядке с Женей, гадать не приходилось. Дед, наверное, перестарался — а может, девушка просто слишком уязвима для ментальной магии. Гораздо хуже было то, что с самим Ларком тоже творилось странное, а заметил он это, только когда носом ткнули. Хотя вряд ли барышня Женя под «что-то не в порядке» имела в виду его желание вдыхать ее запах, наклонившись к уху, прикосаться будто случайно, смеяться над каждой невинной фразой, словно над лучшей шуткой года, увести подальше от всех... И уж тем более откуда бы ей знать, что даже членам королевской семьи категорически не рекомендуется водить на часовую башню посторонних — и в особенности посторонних дам, да еще с отчетливым намерением обнять, прижать к себе, шептать на ухо: «Вы боитесь высоты? Не бойтесь. Вы же со мной», — и целовать шею возле уха, гладить руки, тискать грудь, а потом... Ни в какие ворота не лезет! Он неделю провел рядом с этой девушкой, и ни разу у него не возникло ни единой неприличной мысли в ее отношении! Даже мысли, не то что откровенного намерения!

Говоря откровенно, принц Ларк был почти в панике.

Учитывая, что ментальный амулет он не снимал никогда и с момента возвращения во дворец ничего не ел и не пил, хватануть любовных чар можно было единственным путем. Через прикосновение. Но в этом случае влечение должно образоваться к той даме, которая к нему прикоснулась, а Женя, во-первых, не прикасалась к нему первой, он сам взял ее за руку, и во-вторых, она совершенно точно не хотела поймать принца Ларка в свои сети. Такое обычно видно. Нет, разумеется, какой-нибудь лопух может и не заметить, но за наследником престола охота со стороны прекрасного пола идет такая, что поневоле научишься замечать любые мелочи и вовремя ускользать из сладких ловушек.

Существовала, правда, модификация этих чар отложенного действия. Более безопасная и малодоказуемая, потому что прикосновение передавалось через предмет, без непосредственного контакта. И в то же время более рискованная — если между наложением чар и их воздействием к зачарованному предмету прикоснется некто третий, то он поневоле окажется в сфере действия заклинания.

Отстраненный, почти академически сформулированный анализ ситуации помогал успокоиться. Скорее всего, решил Ларк, именно это и произошло. Ловушку поставили на него, и снова в нее невольно влезла Женя. Не девушка, а дюжина несчастий. Что ж, это должно немного ослабить воздействие, а со временем оно и вовсе пройдет само — хотя, разумеется, для душевного спокойствия своего и девушки лучше снять заклятие сразу. Удачно, что фор Циррент здесь, у него есть достойный доверия маг-лекарь. Идти с подобной проблемой к дворцовым магам принц не рискнул бы — ведь ясно, что кто-то из них и поспособствовал ее возникновению.

Принц дошел до своей части дворца, завел Женю в первый попавшийся крохотный зальчик. Здесь, по крайней мере, нет лишних ушей.

— Скажите, Женя, вы до чего-нибудь дотрагивались здесь, во дворце?

Девушка смешно вскинула брови:

— Меня не предупреждали не лапать. А что, нельзя?

— Нежелательно, — принц подавил вздох. — Не потому что нельзя, а исключительно из соображений личной безопасности. Сможете вспомнить, к чему именно вы прикасались?

— Да что случилось-то?

Принц не мог понять, запаниковала она или оскорбилась. Восприятие сбоило,

затуманенное любовным влечением, легкий запах цветочного мыла кружил голову, вроде бы карие глаза казались подернутыми теплым солнечным сиянием — упасть в них и остаться там навсегда, потому что вот оно счастье, не нужно другого.

— На вас налипли не слишком уместные чары, — обтекаемо сказал принц. — Ничего опасного, но...

— О господи... — девушка огляделась вокруг и почти упала в ближайшее кресло. — Что ж мне так везет, а? Что за чары-то хоть?

— Ничего опасного, — неловко повторил принц. — Но они заставляют меня... уделять вам повышенное внимание.

— Сочувствую, — ехидно отозвалась Женя. И только потом, видимо, поняла, что именно Ларк так нелепо назвал. Покраснела как-то вдруг, резко, ойкнула и спросила: — Это вы из-за чар меня в укромные места норовили затащить? Любовные, что ли? Но кому оно надо-то?!

— Серьезный вопрос, — кивнул принц. — Верю, что не вам и не графу фор Цирренту. И не деду. Остальные под подозрением.

— Но зачем?!

Забавно и, пожалуй, в чем-то приятно, подумал принц Ларк: эта девушка и в самом деле совершенно не имеет на меня видов. Все ее разговоры были просто разговорами, рассказы — просто рассказами. Зарождавшаяся дружба — просто дружбой. И вот именно теперь принц Ларк понял, что это и в самом деле была дружба и что он не хочет ее разрушить.

— Очевидно, на вашем месте предполагалась другая особа, — пожал плечами Ларк. — Случайность. Роковая или счастливая, как хотите.

— Я ничего не понимаю, — жалобно призналась девушка.

— Я объясню, — Ларк бросил быстрый взгляд на часы. — Объясню, и пойдем к деду, пора. И, может быть, он что-нибудь углядит. — Он отвернулся, потому что рассуждать, глядя на Женю, становилось все труднее. Малейшие оттенки выражений заставляли сердце биться сильнее, растерянные глаза притягивали, звали утешить. — Чары накладываются на какой-нибудь восприимчивый к магии предмет, желательно деревянный. Несут отпечаток... скажем так, особы, к которой должен возникнуть интерес. И того, кому они предназначены. То есть сейчас очевидно, что предназначались эти чары мне, но вы правы, спрашивая, почему именно вы. Я думаю, что предмет увлечения предполагался другой. Но вы, прикоснувшись к данному предмету раньше меня, сменили заложенный в него отпечаток на свой.

— Бред какой-то, — озадаченно сказала Женя. — Если так легко это все перенастроить...

— Не легко, — вздохнул принц. — Нужна магия. Но в вас она есть. Еще одно роковое совпадение.

— И что теперь делать?

— Не обращать внимания, — принц заставил себя улыбнуться. — Я вам обещаю, что никаких роковых последствий этот досадный инцидент не повлечет.

Легко сказать, «не обращать внимания»! Вот уж точно, тридцать три несчастья!

Женя глубоко вздохнула и попыталась расслабиться. Принц прав, ничего страшного не произошло. Не покушение же очередное, в самом деле. Сама она ничего такого... «любовного», хмыкнула про себя Женя — не чувствует, а принц, оказывается, отлично умеет держать себя в руках, молодец просто. Теперь, задним умом, Женя вдруг увидела в новом

свете все его вольные или невольные ухаживания. Прикосновения, приглашения... Но ведь как только понял, что происходит, тут же остановился!

Женя поглядела на принца Ларка с новым, оценивающим интересом. Мог бы он увлечь ее как мужчина? Пожалуй, все же нет. Особенно если бы продолжал ухаживания в том же стиле. Шепотки на ушко и приглашения то в зимний сад, то на какую-то там башню! Он и так-то, кажется, помладше Жени, но обычно это не слишком заметно. А такие ухаживания... они и взрослого-то мужчину выставляют глупым мальчишкой. Пусть лучше стоит вот так, отвернувшись, и читает лекции о роковых совпадениях. Заумные формулировки забавно, конечно, сочетаются со слегка дрожащим голосом...

Потом вспомнился вопрос принца. Женя прикрыла глаза, пытаясь восстановить в памяти весь свой путь по дворцу. Перечисляла вслух:

— Когда вошли, там был такой красивый рельеф на стене, дубовые листья и еще что-то... я рукой провела просто так, на ходу, сил нет как захотелось прикоснуться.

— Это нормально, — отозвался принц, — первая ступень защиты.

— Потом на лестнице, тоже барельеф. В зале со знаменами, макет корабля. На галерее в окно выглянула, о подоконник опиралась. И дверь в приемной у короля. Кажется, все. Потом мы уже вместе были.

— Макет, — повторил принц. — Остальное слишком...

— Людно? — подсказала Женя. — А вы любите корабли, да?

— Не то чтобы люблю. Есть там один... — кажется, принц смутился. — Исторический. Я к нему прихожу на удачу. Как раз прикасаюсь. Такая... личная добрая примета, понимаете?

— Да, похоже. — Так и в самом деле все сходилась. Наверное же, какой-нибудь зал боевой славы, положено замирать в патриотическом экстазе и думать о родине, а не тыкать пальцами в игрушечные мачты и паруса. Кто еще станет нахально лапать экспонаты, только мальчишка, который рядом с ними вырос, и туристка из другого мира, которая в их исторической значимости вообще ни ухом ни рылом. Причем о туристке никто не знает. Вот и весь расчет.

Хотя забавно они с принцем совпали. Корабликов-то там штук двадцать, не меньше.

Как, однако, интересно они совпали, думал Ларк. Надо же было Жене обратить внимание именно на «Непобедимого». Знаменитый фрегат адмирала фор Гронтеша, отца Рени. Тот самый, на котором тот открыл Гвоздичные острова и обошел вокруг света. Ведь и стоит не на виду...

Совпадение наполняло душу странной нежностью, и принца это злило. Потому что не его собственные, а наведенные чарами чувства как будто отняли у него то, что испытывал на самом деле.

Еще раз поглядев на часы, принц сказал:

— Пойдемте. Руку не предлагаю, сами понимаете...

— Да уж, — то ли хмыкнула, то ли подавила нервный смешок Женя. Как будто пыталась справиться с растерянностью. И всю дорогу до дедова кабинета держалась вроде бы рядом, но на приемлемой дистанции. Так, чтобы даже случайно краем платья не коснуться.

Дед выслушал его с тем выражением лица, которое делалось у него исключительно от известий об очередном дурацком приключении любимого внука. Ларк про себя называл его: «Ну ты и остолопище», — и, в общем, любил. В отличие от другого, куда более частого,

обозначавшего: «Не ждал от тебя подобной глупости».

— Заккенталь сегодня дежурит, — сказал фор Циррент. — Он скорее лекарь, чем маг, но с этой проблемой справится. К счастью, для снятия чар достаточно присутствия барышни.

— А дворец я так и не посмотрела, — почему-то Женя улыбнулась, как будто то, что получилось вместо осмотра дворца, вполне ее устроило. Принц даже сделал себе мысленную зарубку — потом, когда чары спадут, спросить ее...

— Не в последний раз, — ответил дед. — Я буду рад видеть вас здесь, дорогая барышня. Мы с вами обязательно поговорим еще о вашем мире и о ваших впечатлениях здесь.

— Да, это интересно, — улыбка девушки стала шире. — Я буду рада, ваше величество. Спасибо.

Фор Циррент и барышня Женя ушли, а дед кивнул внуку на кресло:

— Сядь, поговорим.

— О чем? — Ларк рухнул в жесткое дубовое кресло, спрятал лицо в ладонях. — Отвратительно себя чувствую. Хорошо еще, девушка попалась разумная и без амбиций. Как подумаю, что на ее месте могла оказаться любая из мачехинога гадюшника...

— Да, девушка не похожа на наших, — дед прошелся по кабинету, подошел к внуку, положил ладонь на макушку. — Расслабься, почищу тебя.

— А почему Женю не стал? — принц опустил руки и прикрыл глаза.

— У графа есть специалист, пусть работает. Девушка не вполне поняла, на что я способен, незачем ее пугать.

От затылка пробежала горячая волна мурашек — по голове к шее, к плечам, разлилась обжигающей дрожью по телу и схлынула, оставив после себя приятную прохладу.

— Вот и все. А к девушке приглядиись, внучек. Если вдруг захочется жениться, я против не буду.

Принц вскинул голову, нашел взгляд деда — темный, нечитаемый, как всегда, когда тот выдавал что-то, не вполне понятное Ларку.

— Ты... серьезно?!

— Почему нет? Интересный вариант, с какой стороны ни глянь. Не связана ни с одной партией двора или другого государства, симпатичная, умная, без амбиций, обладает уникальными знаниями, которые очень даже могут тебе пригодиться. Подумай.

— Ты меня удивил, — честно признался Ларк.

— Знаю, — усмехнулся дед. — Знаю, внучек.

Глава 30, в которой Женя сначала подглядывает за королем, а потом гадает, может ли он читать мысли

— Принц меня удивил, — граф довольно-таки непочтительно усмехнулся. — При его-то пристрастии к юбкам, в кои веки проявить здравый смысл...

Они сидели в кабинете — не в Тайной Канцелярии, а дома — и ждали доктора, и, похоже, графу то ли самому остро требовалось обсудить ситуацию, все равно с кем, то ли он считал, что Жене вредно ждать в тишине и вариться в собственных мыслях.

— Просто я не в его вкусе, — пожалала плечами Женя. — Я другого не понимаю, на что надеялась та дама, которая этот приворот затеяла? Раз его и вычислить сразу можно, и снять так легко?

Граф нахмурился.

— Варианта два. Первый — воспользоваться моментом и...

Он замялся, смутившись, и Женя подсказала:

— Переспать? Это накладывает какие-то обязательства?

— Не устаю удивляться, как свободно вы можете говорить о подобных вещах. Нет, сама по себе случайная близость ни к чему не обязывает его высочество. У него интрижек было — не сосчитать. Но если даме удастся забеременеть, расклад сразу станет другой. Детьми королевской крови не разбрасываются.

— И что, до сих пор ни разу не влетел? — искренне удивилась Женя.

— Представьте, ни разу. Исключительно благодаря способности сохранять трезвую голову даже в постели. Что, как вы понимаете, не удалось бы при этом привороте.

— Ну-у, — Женя припомнила сжатые кулаки Ларка, строго отмеренную дистанцию, взгляд. — Я бы не сказала. Держать себя в руках ваш принц умеет, молодец просто.

— У вас до постели не дошло, — возразил граф. — Простите.

— Да ладно, не смущайтесь так. А второе?

— Второй вариант? Гораздо менее приятный. Еще один способ заманить в ловушку.

Тут в кабинет постучал Заккенталь — Женя его помнила, забавный толстячок-доктор, лечивший ее после Чародейного сада, — и разговор переключился с принца на Женю. Граф объяснял, доктор кивал, Женя помалкивала, хотя очень хотелось спросить заранее, как именно здесь снимают привороты, насколько это неприятно и, главное, насколько надежно.

Оказалось — очень просто. Доктор положил ладонь ей на затылок, от его руки полыхнуло жаром, горячая волна пробежала по телу, оставив после себя приятную расслабленность. Женя зевнула, и доктор довольно кивнул:

— Отлично. Теперь поспать, и все пройдет.

— И это все?

— Все, — усмехнулся граф. — А вы чего ждали, грома с небес?

— Тогда я пошла, — Женя встала, снова зевнула и выдавила улыбку: — Спасибо.

И подумала, закрыв за собой дверь кабинета: «Что за везение у меня, даже на королевский дворец не получилось посмотреть без приключений! Хорошо, что снова все обошлось. Но ведь когда-нибудь — не обойдется, статистика штука упрямая».

Наверное, от этой мысли нужно было испугаться. Но почему-то Жене совсем не было страшно.

«Наверное, пора испугаться», — думала Клалия, неторопливо шагая по дворцовым

залам, галереям и переходам к королевскому кабинету. Свекор — в мыслях Клалия редко называла его королем — вызвал ее внезапно, потребовав оставить сына на нянек, явиться немедленно и не изобретать отговорок. А от мужа — ни письма, ни даже коротенькой записочки.

Да, определенно пора было испугаться — но, странно, Клалия совсем не чувствовала страха. Только досаду.

Если свекор что-то почуял, заподозрил, узнал, если прощупает ее своим проклятым королевским даром — беда. Спасибо, если ради маленького Кира в живых оставит. А ну как решит, что без матери-заговорщицы младший внук вырастет более достойным? С него станется!

Не зря, видно, ходят разговоры о невероятном везении Ларка.

Перед тем, как войди к королю, Клалия глубоко вдохнула и подумала о сыне. Пусть Кир будет на поверхности ее мыслей. Кир смеется, Кир засыпает, не выпуская из ладони пальцы матери, Кир болеет, плачет, зовет: «Мама, мамочка, посиди со мной, мне страшно». Она мать, прежде всего — мать. Королевского внука, одного из наследников престола. «Мама с тобой, сынок, мама любит тебя!»

Теперь она готова.

Пусть взгляд свекра давит так, что сердце зашивается, не справляясь. Маг, научивший ее этой защите, сказал: «Прикрыться ребенком», — но Клалия с ним не согласна. Она не прикрывается сыном, она — защищает!

— Достаточно! — Король шагнул к ней, и Клалия отшатнулась — так вдруг ударила его сила, злость и власть. Власть сделать с ней что угодно... — Даже не знаю, дорогая невестка, что восхищает меня больше — ваша беспримерная наглость или ваша безграничная любовь к Киру. Сядьте, иначе вы сейчас упадете.

Клалия нашарила дрожащей рукой кресло. Не села — упала. Утерла холодный пот со лба. Перед глазами плясали отвратительные желтые пятна, королевский кабинет расплывался, а вот лицо короля виделось отчетливо, как никогда — до мельчайшей морщинки, до малейшей смены выражений.

— Вы способны на серьезный разговор?

Она едва кивнула, опасаясь упасть в обморок от нахлынувшей слабости. Король покачал головой, нахмурился недовольно.

— Я буду краток. Ваши интриги с гильдией магов, ваше неумное желание видеть королем своего сына, покушения на Ларка — не вижу смысла пересказывать то, что вы знаете лучше меня. Просто примите к сведению, что теперь и я об этом знаю. Все, вплоть до попытки приворота, замечу, преглупой. Неужели вы всерьез рассчитывали, что отъезд позволит вам остаться вне подозрений? Не отвечайте, — он жестко усмехнулся, почти оскалился. — Не в ваших интересах затягивать разговор. Просто выслушайте.

«Выслушайте», «примите к сведению»... похоже, она спасена. Помогла ли картинка маленького Кира, которому так нужна мать, или король с самого начала планировал лишь приструнить ее — не так уж важно. Она будет жить!

— Мой сын любит вас. Ваша смерть, как и ваша измена, убила бы его. Я не настолько жесток. Я надеюсь, что и вы не настолько жестоки. Вы любите своего мужа, а ему не так уж много осталось. Лучше бы вам сосредоточиться на том, чтобы сделать остаток его дней счастливым.

Сквозь холодный пот и, наверняка, смертельную бледность Клалия почувствовала, как

заливает щеки жар. Да, она любит своего мужа! И, разумеется, даже в мыслях не держала изменять ему. Ей нужна была лишь компрометирующая принца Ларка ситуация. И надо же было, чтобы давным-давно наложенный приворот не сработал, когда планировалось, но нашел адресата именно сейчас! Вот уж невезение...

— Я облегчу вам эту задачу, дорогая невестка. Еще одно покушение на Ларка — любое, удачное, неудачное, хитрое или глупейшее, с угрозой для жизни или репутации, без разницы! Любое — и ваш сын навсегда потеряет право наследования. Я уже отдал соответствующее распоряжение — и, поверьте, достаточно его подкрепил. Ни моя смерть, ни смерть Ларка его не отменит.

— Но...

— Молчите! Я знаю, что вы собираетесь сказать. Да, это несправедливо, да, вы не можете быть в ответе за других врагов принца Ларка и тем более нашего королевства, но я вынужден перекрыть вам эту лазейку. Во имя государственных интересов. Кир слишком мал. Сегодня Ларк — единственный мой наследник. Единственный, кто сможет взять страну в руки и удержать ее. Вы — не сможете. Из ваших рук вырвут эту страну и раздерут на клочки, пытаясь урвать себе кусок побольше и послаще. А ваш сын, дорогая моя, должен вырасти, и для него же лучше, если расти он будет в сильном и спокойном государстве, при твердой власти и огражденный от интриг. Будьте ему матерью, а не ступенькой к трону.

Клалия снова кивнула — на большее сил не осталось.

— Думаю, с вас довольно, — король позвонил, и в кабинет вошел секретарь, замер в ожидании распоряжений. — Позовите кого-нибудь из дам ее высочества. Ей не следует идти в свои покои одной, она неважно себя чувствует.

Клалия закрыла глаза. Обошлось, хвала небу, обошлось! Конечно, король не разбрасывается обещаниями попусту, и пока что в самом деле придется оставить честолюбивые планы. Но она молода, а ее сын еще мал. В одном король прав — пусть Кир сначала вырастет. А там... время покажет.

— Я не думала, что вы все-таки пригласите меня сюда, — Женя улыбнулась, когда Ларк подал ей руку, но, похоже, улыбка вышла немного натянутой.

— Вас пригласил дед, — кажется, принц понял причины ее тревоги — и поспешил успокоить. — Король не разбрасывается обещаниями попусту. Если сегодня вас не привлекает осмотр дворца, можем сразу пойти к нему. А то нехорошо получается, — теперь в его голосе слышался смех, — кому только вы не рассказывали уже о вашем мире, а король до сих пор вынужден довольствоваться краткими и наверняка не вполне точными пересказами.

— Надеюсь, у вас здесь нет должности штатного рассказчика, — отшутилась Женя. Она понимала, конечно, что начальник Тайной Канцелярии и наследник трона — не самые высокие инстанции здесь, но втайне надеялась, что у короля хватает более важных дел. Хотя вполне по-человечески его понимала, ей бы тоже было интересно.

— А скажите, ваше высочество, — осторожно начала она, — интерес короля, он... какой?

— Простите? — растерянно переспросил принц. — Я не вполне понял ваш вопрос.

— Ну, ему просто хочется поглядеть поближе на человека из другого мира? Или что-то определенное узнать? Любопытство, государственные интересы, научные, что там еще... В общем, извините, конечно, но как-то я побаиваюсь.

— Не надо бояться.

Женя подумала, что в прежние встречи Ларк при этих словах взял бы ее за руку и ободряюще пожал — но теперь он держал дистанцию. Ее, если уж честно, это успокаивало. Интересно, его тоже? Спрашивать об этом казалось не то чтобы невежливым, но неправильным.

— Вы понравились деду, — продолжил принц. — Я думаю, что государственные интересы тоже играют роль, но не нужно отказывать королю в праве быть человеком. Он любит слушать рассказы о дальних странах. Встречается и с путешественниками, и с негодичантами, всех мало-мальски опытных капитанов нашего флота знает лично. Да вот хотя бы... не побойтесь заглянуть со мной вместе к тем самым кораблям, которые так вам понравились? Я думаю, сейчас самое время.

— Эм-м... это предложение с задними мыслями или без?

— Мне нравится ваша манера говорить откровенно, — принц рассмеялся. — Это предложение с задней мыслью, которая не относится к вам. Хочу тайком показать вам деда в неофициальной обстановке.

Женя только глазами хлопнула. Переспросила:

— Подглядывать за королем? Кажется, я вас недооценивала, ваше высочество.

Конечно, вряд ли Ларк предлагал ей взглянуть на что-то, не предназначенное для посторонних глаз — хотя бы потому, что король явно не дурак и такой возможности никому не предоставит. Но в этом предложении было столько мальчишества, что Женя и умилилась, и себя почувствовала вдруг девчонкой.

А принц уже поманил за собой, провел галереями, лестницами и переходами и вывел на крошечный балкончик над тем самым залом с кораблями и знаменами. Женя только хотела было пошутить, что отсюда не получится руки тянуть куда не надо — но замерла вдруг, заметив у того самого, слишком памятного ей кораблика, двоих.

Голоса сюда не доносились, и Женя невольно оценила осторожность Ларка: оказывается, «подсмотреть» у него совсем не равно «подслушать». Зато отлично видны были лица — и короля, и его собеседника, мужчины лет сорока с небольшим, подтянутого, черноволосого, с резко очерченным профилем, почему-то вызвавшим в памяти Шерлока Холмса. Разговор шел явно неофициальный — даже, Женя бы сказала, неформальный. Правда, не сказать, чтобы очень уж дружеский. Король, похоже, сердился, его собеседник что-то доказывал, все больше заводясь — ну что ж, решила Женя, если с королем вот так спорят, наверное, он вполне нормальный мужик. Адекватный.

— Адмирал фор Гронтеш, — тихо пояснил Ларк. — Отец моего друга Реннара. И, к слову, капитан того самого корабля, который так вам приглянулся. Между прочим, один из тех немногих, с кем вам следует быть крайне осторожной, упоминая Огненные острова как свою родину.

— Понятно, — кивнула Женя, — я запомню. А признайтесь, вы короля хотели мне показать или и этого адмирала тоже?

— Если уж признаваться, я сам хотел глянуть, как идет разговор, — слегка напряженно ответил принц. — Видите ли, адмирал некоторое время назад совершил политическую ошибку и... В общем, я предпочту не углубляться в этот вопрос, скажу только, что Рени будет счастлив, если опала отца прекратится.

А мужик-то с характером, отметила Женя — и так в опале, а вот как с королем держится. Поддержать, что ли, кулаки на удачу, пусть у него все получится.

— Пойдемте, — принц шагнул с балкончика обратно в галерею, и Женя отступила

следом за ним. — Скажите, у вас бывает так — и хочется не пропустить ничего, и в то же время боитесь глядеть? Потому что кажется — дыхнешь неловко, и все испортишь?

Женя слегка пожала плечами:

— В нашем мире для такого даже название есть: «сглазить боюсь». Но со мной, если честно, давно такого не случалось. Только в детстве. Жаль, конечно, это хорошее ощущение. Счастливое.

Оглянулась — с того места, где она стояла, видны были мачты кораблика и затылок адмирала. Волосы собраны в хвост, как у всех дворян здесь, но при этом острижены довольно коротко, едва достают до воротника камзола. И уши забавно торчат, как у мальчишки. Женя невольно улыбнулась:

— Знаете, мне почему-то кажется, что все будет хорошо.

— Поверьте, милая барышня, все будет хорошо, — мягко сказал король.

Женя подавила вздох и покосилась на принца, а тот озорно, по-мальчишески усмехнулся — вспомнил, наверное, как она примерно час назад почти то же самое сказала ему.

— Спасибо, ваше величество, — Женя постаралась, чтобы ее голос не звучал совсем уж убито. — Буду надеяться.

— Одной надежды мало, — серьезно сообщил король. — Вы должны, во-первых, верить, а во-вторых, работать на то, чтобы ваша вера оправдалась.

«Популярная психотерапия», — немного раздраженно подумала Женя. Хотя, конечно, король прав с этими прописными истинами, и спасибо, что тратит свое наверняка драгоценное время не только на расспросы, но и на объяснения и утешения.

Но, оказалось, одно дело, когда граф говорит, что вряд ли получится вернуть ее обратно, и другое — когда это подтверждает король. Который, оказывается, и в той самой ментальной магии кое-что смыслит, ой мамочки — Женя вспомнила вдруг, как при первой встрече размышляла, каким король был в молодости. Хорошо, если он не читает мысли настолько дословно! И хорошо, что принц так не может — пока не может, напомнила себе Женя, пока не надел корону. Что ни говори, полезное умение для королей. И от магов зависеть меньше, и попробуй поинтригуй на королевских глазах.

— А скажите, ваше величество, — Женя усилием воли загнала эти мысли подальше и вернулась к более насущному, — вот вы говорите, что нынешний магистр понятия не имеет о той магии, которая меня сюда перенесла. Я понимаю, это прежде всего означает, что о доме мне можно забыть, но... В общем, я о чем беспокоюсь — если так всем и говорить, что мол покойный магистр доэкспериментировался, перенес меня сюда аж с Огненных островов, а как — унес тайну с собой в могилу... При такой легенде меня точно на магические опыты не пустят? Можно жить спокойно?

— Разумеется, — уверенно подтвердил король. Из него точно получился бы классный препод, подумала вдруг Женя, ведь он ей это уже объяснил, вполне доходчиво, просто другими словами. А ей просто хочется успокоиться, вот и переспрашивает. Его голос и в самом деле как-то успокаивает... голос, интонации, выражение глаз — не король, а четыреста капель валерьянки.

Женя подавила смешок, чувствуя, как лицо заливают жар. Ничего ж себе сравненьице всплыло! Опять же только и надеяться, что король не читает мысли дословно. Надо будет спросить потом у графа, вдруг он знает точно.

— Спасибо, ваше величество. Вы меня утешили.

— Тогда вот вам еще один повод для спокойствия, а заодно и для размышлений: слухи при дворе разносятся быстрее ветра, и о моем желании время от времени общаться с вами совсем скоро будут знать все. Если вам и следует чего-то опасаться, то это неискренней дружбы, корыстного интереса и попыток втянуть в интриги. Но в этих сложностях вы можете положиться на графа фор Циррента. Лучшего руководителя в вашей новой жизни и пожелать нельзя.

Женя невольно улыбнулась, поймала понимающий взгляд короля.

— Мы говорили с графом о вашей дальнейшей судьбе, — добавил король. — Он расскажет вам сам, поскольку это касается прежде всего его, а не меня, от себя же хочу заранее добавить одно: я верю, что мое государство приобрело намного больше, чем всего лишь еще одного подданного.

На этом аудиенция, очевидно, должна была закончиться, и Жене осталось только выдохнуть очередное «спасибо» и попрощаться — сначала с королем, а после и с Ларком. Она-то надеялась, что тот проводит хотя бы до выхода, но оказалось, что к нему у его величества отдельный разговор, а Женю ждет тетушка Гелли. Хотя, подумала Женя, даже если принц и знал о планах короля и графа, все равно вряд ли бы сказал.

Глава 31, в которой барышня Женя становится виконтессой фор Циррент, и вот теперь все только начинается

Принц Ларк тоже хотел бы знать о планах деда и графа фор Циррента относительно барышни Жени, но его никто не собирался в них посвящать. Дед заговорил совсем о другом.

Королю не нравился новый верховный магистр.

— Какое-то время он будет тих и лоялен. Но лишь до тех пор, пока не освоится и не почувствует всю ту поддержку, которую готовы оказать ему недовольные. Доступная магия, Ларк, нужна слишком многим. На самом деле нужна, не ради блажи! Безопасное плавание для кораблей, уловы у рыбаков, здоровый скот, урожаи на полях, лечение, наконец! Об армии и разведке молчу, это ты знаешь лучше меня. Когда люди ущемлены сегодня, они не станут думать о том, что ограничительный эдикт — необходимость, а не причуда короля. Хотя, казалось бы, верховный магистр первым должен бы задуматься о послезавтрашнем дне.

— погоди, — спохватился Ларк, — выборы только завтра. Все настолько однозначно?

Король укоризненно покачал головой:

— Ларк, это ведь та же тактика и стратегия, только приложенная к придворным интригам. Все очевидно, и совсем не нужно шарить по чужим головам, чтобы сказать — перстень верховного магистра завтра наденет Вальдих. И ты, именно ты, Ларк, а не я, еще схлестнешься с этим выскочкой. Сначала он будет копить силы, привязывать к себе тех, чья поддержка хоть что-нибудь значит. Потом — выжидать тот момент, когда противник слаб. А какое именно это окажется время, ты и сам должен понимать, если не дурак.

Ларк поморщился. Уж настолько-то, наверное, не дурак. Против деда идти побоятся, а испытать на прочность власть нового короля, свеженькую, не упроченную еще — желающих найдется с избытком. И за Вальдихом они пойдут. Потому что верховный магистр — это сила всей магии королевства, и потому что Вальдих и в самом деле был выскочкой, причем худшей разновидности — агрессивно-самовлюбленным. «Я добился!» — орал весь его вид, каждый взгляд, каждое движение. Причем очень убедительно орал. «Я был внизу и выбился на вершину, а значит, я лучше всех тех, кто остался ниже! Идите за мной, присоединяйтесь ко мне, и вы поднимитесь тоже», — и ведь пойдут, присоединятся, и окажутся в крайнем изумлении, когда вместо обещанных вершин обнаружат себя на полпути к эшафоту!

Однако недооценивать Вальдиха принц Ларк не собирался. Ума тому не занимать, и умения из любой ситуации выйти с выгодой — тоже. Дед прав, для короля это будет крайне неудобный, а может, и опасный оппонент.

Словом «противник» принц оделять Вальдиха не хотел. По крайней мере, пока. Все же у него оставалась еще надежда, что верховный магистр начнет думать об интересах государства хоть немного больше, чем думал просто маг. Что из него еще получится если не верный подданный, то хотя бы союзник. Хотя, казалось бы, давно пора избавиться от подобных иллюзий. Опасно для будущего короля думать о людях лучше, чем они есть.

— Опасно думать о людях лучше, чем они есть, — граф постучал пальцами по краю стола и уставился на Женю с непонятным ей выражением — нечто среднее между сочувствием и интересом. А всего-то из-за ее вопроса, не сможет ли новый верховный

магистр разобраться с тем ритуалом и отправить Женю домой. Ну, вдруг...

— Эх, — Женя вздохнула. — Ладно, все я понимаю. Но можно же было спросить. На всякий случай.

— Теперь видно, насколько вы на самом деле далеки от интриг и прочей политики, — граф едва заметно нахмурился — будь дело в самом начале их знакомства, Женя и не уловила бы эту смену выражений. — Едва заняв высокую должность, которой упорно добивался, политик первым делом начнет всячески укреплять новые позиции. Магистр Вальдих вполне политик, и даже более чем. Он умен, амбициозен и весьма последователен в достижении собственной выгоды.

— Ясно...

— Надеюсь, что так. Поверьте, я искренне вам сочувствую, но для вас будет лучше забыть о возвращении раз и навсегда.

Если быть честной, то Женя уже и не надеялась на возвращение. По крайней мере, всерьез не надеялась. Но оказывается, все-таки, где-то в глубине души...

— И что теперь? — она смотрела на графа, надеясь, что не заплачет сейчас. Глупо было бы плакать, все ведь к тому шло, и она давно это поняла. Нужно думать о том, как жить дальше, а не о прошлом, которого не вернуть.

— Теперь... — граф слегка наклонился к ней, жестко поставив локоть на стол. — Вы готовы к серьезному разговору, Женя?

Готова ли она? Может, и не очень, но зачем тянуть? От ожидания станет только хуже.

— Думаю, да. Да, готова.

— Хорошо, тогда слушайте. Я предлагаю вам надежное место в этом мире. Дом, работу, поддержку семьи. Собственно, семью. Брат Гелли когда-то пропал на Огненных островах, по возрасту вы можете быть его дочерью. Таким образом, вы станете младшей виконтессой фор Циррент, племянницей Гелли и двоюродной племянницей мне. Разумеется, имя придется сменить, Женя — это слишком чужеродно, Арбальд не назвал бы так свою дочь. Как вам нравится Джегейль? Так звали нашу бабушку.

— Красиво, — Женя изо всех сил сжимала руки на коленях. Все это было чересчур хорошо. Сыр в мышеловке, вот на что похоже! Она уже привыкла доверять графу, но... Чем придется платить за настолько щедрое предложение? Вопрос так и рвался на язык, но Женя решила дослушать, а уж потом спрашивать.

Граф помолчал, как будто ждал чего-то — вопросов, благодарности? Но Женя молчала тоже, и он, кивнув, продолжил:

— Вы умная девушка и, разумеется, поняли, что это не благотворительность. За просто так положение в обществе не предлагают. Скажу сразу, если вам не понравится то, чего я жду от вас взамен, есть альтернатива, и она вполне приемлема для одинокой девушки. Имя все равно придется сменить, мы подберем для вас что-нибудь обычное, неприметное. Король назначит вам небольшое содержание из казны. Этих денег хватит на приличное жилье и жизнь без особых излишеств. Официально вы будете получать их как пенсию за погибшего на службе отца. Неофициально же его величество просит вас поделиться полезными для государства знаниями. Любыми. В этом вопросе он готов полагаться на ваш здравый смысл, честность и лояльность.

— Я думаю, король в любом случае этого хочет? — спросила все-таки Женя. — Или ваше предложение этого не предусматривает?

— Мое предложение этим не ограничивается, — граф едва заметно улыбнулся. Похоже,

вопрос Жени ему понравился, или он просто ждал его. — Я предлагаю вам работу в Тайной Канцелярии. Неофициальную, разумеется. Вы станете моим личным агентом. Разумеется, я рассчитываю лишь на то, что по силам и прилично для девушки из общества.

Теперь молчание в кабинете повисло надолго. Женя смотрела на графа, а он — на нее. Липовая пенсия, приличное жилье и жизнь «без особых излишеств», зато наверняка спокойная — под защитой короля, которому нужны, а главное, интересны знания другого мира — над этим, наверное, стоило подумать. Уж так вокруг нее точно перестала бы происходить всякая завязанная на высокую политику уголовщина. А Тайная Канцелярия... Женя не очень-то представляла себе, что за работа может свалиться на ее голову там, но спокойной ее точно называть не придется!

— И что же по силам и прилично девушке из общества?

— Посещать общество, — преувеличенно невинно ответил граф. — Разговаривать и слушать. Смотреть и замечать. Возможно, что-нибудь еще, но только в том случае, если в вас обнаружится вкус к подобной жизни. Обещаю, что ваша репутация будет всячески оберегаться.

— Потому что на такую работу не нужны люди с замаранной репутацией, и потому что моя репутация станет частью репутации вашей семьи, — кивнула Женя. — Это понятно, я даже не сомневалась. А как насчет безопасности?

— К подобной работе пригодно не так много людей, чтобы ими разбрасываться. Я бы даже сказал, крайне мало, так что каждый — на вес золота. Или заговоренного серебра. Раз уж вы сразу переводите обещания в русло логики.

Трудно было судить, но Жене показалось, что «русло логики» графу понравилось. К тому же... ну, что сказать, звучало и правда логично. И, разумеется, собственную племянницу, пусть даже двоюродную и вообще липовую, граф должен оберегать. Вот только...

— Шпионский роман, — пробормотала Женя. — Та самая миледи. Рыцари плаща и кинжала и их прекрасные хитроумные дамы. А знаете, граф, я согласна. По крайней мере, это не так скучно, как ваш запасной вариант. Только...

Хотелось задать еще один вопрос, даже нужно было его задать.

— Что? — граф смотрел внимательно и серьезно, оценивающе так смотрел, будто как раз сейчас снимал последнюю, самую важную пробу. И еще мог все переиграть, если что-то в реакции Жени ему не понравится.

Но это, пожалуй, было даже хорошо. Лучше пусть сразу решит окончательно, чем переигрывать потом. А то ведь одно дело дать незаметное имя, биографию и королевскую пенсию никому не известной девушке, и совсем другое — уже засвеченной в обществе племяннице графа фор Циррента! Если выйдет ошибочка с племянницей, то ее и знания родного мира могут не спасти. Или, в лучшем случае, обеспечить комфортабельную камеру без связи с внешним миром.

— Не бойтесь? — сглотнув, спросила Женя. — Я вот боюсь.

— Чего?

— Ну, мало ли? Опозорю еще чем-нибудь ваш славный род.

Правильно ведь он сказал, за просто так билет в общество не дают. И даже не за просто так, а за наверняка в чем-то грязную работу — ну да, в интересах государства, и вообще, «наши героические разведчики и их гнусные шпионы» в любом мире должны быть одинаковы... Даже за такую работу довольно странно не просто придумать девушке

подходящую легенду, а вот так принять ее в семью. С родословной и прочими загибонами дворянского рода, чести и прочего — которые здесь тоже наверняка есть.

— Мне в таком раскладе бояться нечего, — жестко усмехнулся граф. — Буду честен, вы ведь этого хотите? Я даю вам шанс, барышня. Если вы его не оправдаете, вас всегда можно объявить самозванкой. Не убить, этого можете не опасаться. Но покончить с вами как с признанным членом общества — легко.

Женя перевела дух. Хотелось незаметно, но наверняка не получилось — не под таким рентгеновским взглядом. Но, с другой стороны, ей всегда нравились мужчины, с которыми можно быть откровенной.

— Знаете, мне понравилось, что вы это сказали. И даже как сказали, — она невольно улыбнулась. — Иначе... было слишком сладко, понимаете? Теперь я не боюсь, что ошиблась. Меня устраивают ваши условия, граф. М-м... или как я теперь должна к вам обращаться?

Почему-то стало легко и просто. И плакать расхотелось, и вообще... Спроси кто Женю, что именно она сейчас чувствует, она бы не ответила — потому что слишком странно было бы сказать «будто домой вернулась».

— Дядюшка Варрен? — предложил граф и рассмеялся. «Дядюшка» ему не шло, и он сам прекрасно это понимал, Женя готова была поспорить. Вот тетушка Гелли — та и в самом деле «тетушка», а он...

— Думаю, это образуется само собой, — сказал граф, отсмеявшись. — И поверьте, Женя... поверьте, дорогая Джегейль фор Циррент, это самая несерьезная из наших с вами проблем. Ну что ж, давайте обрадуем новостью Гелли? Скажу по секрету, сестрица давно хотела заполучить вас в семью.

— Ох, братец, братец... — Гелли обрезала нитку, воткнула иглу в клубок и отложила едва начатую вышивку. — Я, конечно, давно хотела заполучить девочку в семью, и я рада, искренне рада. За нее. Но сдается мне, дорогой братец, что для себя ты выбрал не самый лучший способ.

Долгий и, говоря откровенно, неожиданно приятный вечер остался позади, Женя — Джегейль, поправил себя граф, теперь нужно даже мысленно называть ее так! — ушла спать. Теперь они с Гелли могли обсудить ситуацию вдвоем — те нюансы, о которых девушке было знать не нужно или которые она просто не поняла бы.

— Эй-эй, — граф шутливо замахал рукой. — Ты намекаешь, что я должен был на ней жениться? Не зря говорят, что в каждой даме старше сорока сидит сваха!

— Некрасиво с твоей стороны напоминать мне о возрасте, — Гелли лукаво улыбнулась. — Однако вы и в самом деле друг другу подходите. Отличная вышла бы пара. И она тебе нравится!

— Очень нравится, — покладисто согласился граф. — Замечательная девушка во всех отношениях, это совершенно невероятно, но она вторая Цинни. Портить такое чудо постелью? Гелли, уволь! К тому же свободной она будет полезнее.

— Дурачок. Давай, рассказывай мне о работе, о благе государства, о том, как нелегко найти по-настоящему подходящих людей, в верности которых ты будешь уверен. О да, братец, верность этой девочки вся твоя, можешь не сомневаться.

Граф и не сомневался. Ни в верности, ни в разумном подходе, ни даже в том, что он нравится девушке ровно так же, как и она ему — как партнер в работе, достойный доверия. А что-то большее... что ж, может быть, оно и есть. А может, это только почудилось в

неловкую минуту. В любом случае, предлагать ей замужество сейчас было бы глупо и непорядочно. И чревато ошибкой — с обеих сторон.

Гелии как будто мысли его прочла.

— Есть шансы, братец, которые выпадают только однажды. Хотя... — она задумалась, — возможно, твой шанс еще впереди.

Фор Циррент пожал плечами:

— Время покажет, Гелли. Время покажет...

А сам подумал: пусть все идет как идет. У Гелли сугубо женские идеи, даже странно, что он позволил себе всерьез взвешивать всю эту сентиментальную чушь. «Отличная пара», «нравится»...

— Ладно, братец, не будем об ошибках. Хорошо уже то, что ты не отпустил ее вовсе. Поверь, эта девочка должна быть с тобой рядом. Я знаю, просто знаю. Племянница? что ж, пусть племянница. В конце концов, двоюродная племянница — не настолько близкая родня, чтобы нельзя было жениться, если...

— Мы с ней сработаемся, — сказал граф. Прозвучало так, как нужно. Твердо, уверенно, по-мужски, и никаких «жениться» и «если». Ему нужна была эта девушка с ее необычным, пристальным и трезвым взглядом — в салонах и гостиных столицы, во дворце, рядом с принцем и его порученцем, может даже, в гостях у Цинни. Да, им с Цинни обязательно нужно встретиться. Как-никак, родственницы.

— Завтра будет готово ее платье для визитов, — задумчиво сказала Гелли. — Пожалуй, пора вывести деточку в общество, как считаешь? Потерянная и найденная дочь нашего Арби, какая грустная и романтическая история... Веришь ли, Варрен, — теперь ее голос звучал неожиданно серьезно, хотя и с оттенком грусти, — у меня такое чувство, что так оно и есть. Знаю, невозможно, да и спрашивала я ее о родителях, но... Дочь Арбальда могла бы быть именно такой. В точности. Хорошая девочка...

— Да. Вот теперь я с тобой соглашусь. Хорошая девочка, и, даже странно, в самом деле как родная. Поверишь в переселение душ и замирье, правда? Другой мир... кто его видел и кто увидит? Может, как раз замирье такое и есть.

— Я перестаю грустить о нем, — слегка виновато призналась Гелли. — Деточка улыбается так, как мог бы улыбаться Арби. Да, пусть племянница. Может, ты и прав, Варрен.

— Время покажет, — повторил граф.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net